Сибирская летопись.
1916 г. №9-10.

1916
№9-10

ИРКУТСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЗДАНИЕ ПЕТЕРБУРГ.

199603.
05(57)
9(57)
С.34

Сибирская Лѣтопись.

Журналъ исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, культуры и общественности Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 5.

№ 9—10.

Сентябрь—Октябрь 1916 г.

199603

ИРКУТСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА «М. П. ОКУНЕВЪ И К-О».
1916.

П. Дравертъ.

Улаханъ Оронъ на Вилюѣ.

На траппахъ, раскаленныхъ сухимъ іюльскимъ зноемъ,
Стою я надъ порогомъ сверкающей рѣки;
Вершины горъ прибрежныхъ окованы покоемъ,
Отъ влаги разъяренной ихъ думы далеки.

***

Но шумно плещутъ воды, бросаясь на преграды,
Взлетаютъ на утесы стремительны и злы,—
И въ пѣнѣ сребровидной рокочутъ водопады,
Вздымая предъ собою гребнистые валы.

***

А въ локонахъ летучихъ и въ кружевѣ струистомъ
Играютъ взоры солнца ликующимъ огнемъ,—
И пламенные брызги въ блистаньи золотистомъ
Восходятъ и нисходятъ танцующимъ дождемъ...

***

Плыветъ незримо время, уносятся мгновенья;
Но нѣтъ повторныхъ блестокъ, но нѣтъ повторныхъ струй;
Упорно хлещутъ воды на влажные каменья,
И рвется съ бурнымъ ревомъ изъ западни Вилюй.

***

И локоны другіе трепещутъ на утесахъ,
И новые каскады свергаются со скалъ;
Вращаются воронки на возмущенныхъ плесахъ,
И въ новыхъ очертаньяхъ родится каждый валъ...

***

Вершины горъ безмолвныхъ покойно-величавы,
Съ низинами разстались отъ неба далеки;
Ихъ думъ не потревожатъ потоки бѣлой лавы
Впередъ черезъ преграды несущейся рѣки.

Вилюй, VII 1916 г.

Мих. Плотниковъ.

Шаманъ.

(Изъ жизни вогуловъ).

По верхушкамъ сосенъ пробѣжалъ вѣтерокъ; лѣсъ зашептался, застоналъ и замеръ въ нѣмомъ ожиданіи бури, только въ золотисто-красныхъ саванахъ осины продолжали что-то неясно, смущенно шептать и всхлипывать. Черная, неуклюжая туча, развертываясь все шире и шире, заволокла небо, наполнила лѣсъ зловѣщимъ полумракомъ и грозно повисла у меня надъ головой.

Вотъ налетѣлъ сильный порывъ вѣтра. Тревожнѣе зашептался лѣсъ, громче слышались стоны; казалось, въ смертельномъ страхѣ переговариваются деревья и покорно склоняютъ свои головы передъ грознымъ побѣдителемъ. Со всѣхъ сторонъ полетѣли листья; они, какъ бабочки, взлетали вверхъ, кружились въ воздухѣ и плавно падали на землю. Прорѣзывая тучу, огненной змѣйкой метнулась молнія и вслѣдъ за ней упалъ глухой ударъ грома. Разсыпаясь на тысячи кусковъ, бѣжали одинъ за другимъ громовые раскаты, какъ бы стремясь настигнуть другъ-друга и, схватившись за руки, бѣжать дальше и дальше, туда, въ самый край необъятной тайги...

Яркая молнія то и дѣло золотила бронзой корявые стволы сосенъ и скользила холоднымъ блескомъ по высокой травѣ. Гдѣ-то далеко застоналъ лѣсной голубь и, навѣрное, забившись въ самую чащу хвои, притихъ.

Я свернулъ съ тропинки и, спотыкаясь на каждомъ шагу, побѣжалъ къ вѣковой соснѣ, которая, какъ великанъ, возвышалась надъ другими деревьями, широко раскинувъ свои могучіе сучья. Пробѣжавъ сотню шаговъ, я замѣтилъ въ глубинѣ лѣса у самой сосны, на открывшейся полянкѣ, какія-то строенія, напоминающія зимнія юрты вогуловъ. Это были древнія вогульскія могилы и здѣсь нѣкогда было цѣлое кладбище.

Высокіе, почернѣвшіе отъ времени и непогоды, деревянные срубики печально глядѣли изъ подъ вѣерообразныхъ листьевъ папоротника, застилавшаго красивыми купами небольшую поляну. Не разъ приходилось мнѣ наблюдать такую картину, и каждый разъ становилось грустно. Заразная болѣзнь глухими таежными тропами пробиралась изъ пауля въ пауль. На многихъ полянахъ среди угрюмыхъ сосенъ, кедровъ и елей вырастали срубики. И сейчасъ вогулы обходятъ такія мѣста, а срубики все еще стоятъ, какъ памятники тяжелаго

кошмара, на молчаливыхъ полянахъ и въ самой чащѣ лѣсовъ. Срубики не умираютъ...

Разомъ хлынулъ сильный дождь. Я забрался подъ сосну, но черезъ минуту потоки холодной воды полились сквозь хвою, и малѣйшій вѣтерокъ заставлялъ жаться и чакать зубами. Какимъ раемъ теперь мнѣ представлялась дымная юрточка вогула съ грязными нарами и закопченнымъ потолкомъ; мечтать о комфортабельной комнатѣ городского жителя я даже не смѣлъ. Скорѣе бы прошелъ дождь,—думалъ я. А дождь все такъ же однообразно шумѣлъ да шумѣлъ...

Я уже потерялъ всякую надежду переждать его, да было и безполезно укрываться, такъ какъ на тѣлѣ не было сухой нитки. Я рѣшилъ выбраться изъ-подъ сосны, какъ вдругъ услыхалъ отдаленный лай собаки. Лай то стихалъ, то вновь доносился съ удвоенной силой и, наконецъ, перешелъ въ тоскливый вой, похожій на крикъ какой-то птицы. Охотники или недалеко пауль, - рѣшилъ я, и съ этой надеждой побрелъ по мокрой травѣ.

Спугнутый глухарь тяжело и неохотно поднялся изъ травы и, описавъ кривую, вновь шлепнулся на старое мѣсто. Одинокая бѣлка шаборчала въ вѣтвяхъ. Мрачной бываетъ сибирская тайга осенней порой, невольно тоскуетъ сердце и невеселыя думы родятся одна за другой...

Невдалекѣ послышался человѣческій голосъ; онъ что-то плаксиво тянулъ, поднимался вверхъ и на высокой нотѣ неожиданно обрывался, переходилъ въ другой тонъ и потомъ снова начиналъ ту же мелодію. Изъ-за толстыхъ стволовъ кедровъ выглянула одинокая юрточка и старый амбарчикъ, построенный, какъ большинство вогульскихъ построекъ стараго времени, на толстыхъ сваяхъ. Навстрѣчу мнѣ выбѣжала облѣзлая, заморенная лайка. Она удивленно посмотрѣла на меня, какъ-бы спрашивая: «зачѣмъ ты явился сюда», и залилась сиплымъ лаемъ, похожимъ скорѣе на вой.

Пѣніе прекратилось и, черезъ мгновеніе, изъ-подъ навѣса передъ юртой вынырнула невзрачная фигурка подслѣповатаго вогула.

—А, это ты,— проговорилъ вогулъ,—я тебя еще утромъ ждалъ.

Я удивился такому заявленію и началъ объяснять причину моего прихода.

—Нѣтъ, я тебя еще утромъ ждалъ,—упрямо повторилъ вогулъ,—ойка (старый) Кукса все знаетъ, съ я (рѣки) долженъ человѣкъ ехтасъ (прійти). Ойка Кукса все знаетъ.

Я понялъ, что Кукса — шаманъ. Кукса продолжалъ ласково кивать головой и говорить:

—Э... э, рума (другъ). Пайся (здравствуй), пайся, ойка Кукса все знаетъ.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать отъ вогуловъ, что шаманы предчувствуютъ многое, при чемъ въ подтвержденіе приводили много разсказовъ о знаніи и силѣ шамановъ. Мнѣ не случилось видѣть этихъ могучихъ шамановъ, такъ какъ большинство изъ нихъ, по словамъ вогуловъ, умерли при дѣдахъ. Шаманизмъ замѣтно умираетъ, и теперешніе шаманы не пользуются тѣмъ довѣріемъ, которымъ пользовались шаманы стараго времени, но все же почти въ каждомъ паулѣ имѣется свой знахарь, продолжающій морочить народъ. Шаманъ-посредникъ между богами и народомъ,—посредникъ, обладающій таинственной силой, благодаря которой, онъ не только сносится съ богами, но и заставляетъ ихъ повиноваться себѣ. Званіе шамана въ старые годы, обыкновенно, передавалось изъ рода въ родъ или же шаманъ заранѣе выбиралъ себѣ замѣстителя и посвящалъ его въ тайны своей профессіи. Главной обязаностью шамана является жертвоприношеніе безчисленнымъ богамъ добра и зла.

—Еенъ (пойдемъ)—пригласилъ еще радушнѣе Кукса—чаянъ (чай) аенъ (пить). А винки у меня нѣтъ,—съ сожалѣніемъ замѣтилъ Кукса, увидѣвъ у меня охотничью фляжку съ водкой.

—У меня есть,—поспѣшилъ отвѣтить я.

Кукса принялъ почтительно-лукавый видъ и, размахнувъ маленькую дверку, помогъ, особенно болтающейся на боку фляжкѣ, пролѣзть въ юрту. Онъ оказался человѣкомъ расторопнымъ: я не успѣлъ оглянуться, какъ былъ готовъ чай и налимья уха; грязный, полуразвалившійся каминчикъ заигралъ ласковымъ огонькомъ.

Асзерма (холодно),—замѣтилъ онъ дипломатично, разливая чай.

Я, въ отвѣтъ, предложилъ ему фляжку. Онъ любовно оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и въ одинъ пріемъ значительно опорожнилъ. Первую чашку мы выпили молча. Кукса громко хлебалъ щербу, вылавливалъ изъ котелка грязными руками рыбу и пилъ вмѣстѣ съ этимъ чай.

Это ты пѣлъ?—спросилъ я.

Амъ (я), а ты слышалъ?—бросилъ Кукса, не отрываясь отъ ѣды и, немного помолчавъ, началъ неожиданно плаксиво причитать,—теперь бѣдная я сталъ. Ой, какой бѣдная. Люль (плохо). Было много люль, да шубный отецъ выручилъ. Яный

шубный отецъ ехтасъ (Большой медвѣдь пришелъ). Старый Кукса упилъ его. Прямо самъ (глазъ) попалъ. Ты купи шкуру. Тешево тдамъ, пуль, порохъ, винка, нянь (хлѣба), рѣпа. Купи.

Я отказался. Кукса сново принялся за чай и уху.

—Ну, какъ рыба идетъ,—спросилъ я, чтобы начать разговоръ.

Люль, - печально отвѣтилъ Кукса, опрокидывая котелокъ съ остатками ухи въ ротъ.

Наконецъ, онъ выпилъ изъ котелка послѣдній чай и закурилъ трубку. Удушливые клубы дыма заходили по юртѣ.

—Хочешь, я тебѣ ружье направлю?—предложилъ Кукса, всякую птицу бить, звѣрь будешь. Ты знаешь Микола изъ Ближняго пауля, я ему ружье направилъ, емасъ (хорошо) направилъ. Онъ имъ много шубный отецъ погладилъ. Не вѣришь. Спроси Миколу.

— Почему не вѣрить? Микола хорошо стрѣляетъ,— согласился я.

— Кукса много знаетъ. Кукса все знаетъ. Куксу всѣ боятся. Вотъ смотри, я тебѣ покажу тэрби (лѣкарство).

Кукса вытащилъ нѣсколько пучковъ сушеныхъ травъ и связку берестяныхъ коробокъ.

— Вотъ смотри,—объяснилъ онъ,—эта трава много болѣзней лѣчитъ. У кого кости болятъ, она сразу вылѣчитъ. Эта тоже отъ костей, и эта.

Кукса попеременно показалъ мнѣ листья брусники, вереска и еще какой-то травы.

—Еще есть много травъ. А вотъ трава сращиваетъ тѣло. Но еще есть лѣкарство. Вотъ смотри.

Онъ открылъ коробочку съ стружками медвѣжьяго зуба и торопливо закрылъ.

—А вотъ,—торжественно вытаскивая маленькую коробочку, началъ Кукса,—лѣчитъ тѣло, глазъ, все лѣчитъ. Я тебѣ скажу, какъ сдѣлалъ Кукса лѣкарство. Надо взять сало зимняго медвѣдя, сѣры черемуховой на новую луну и молока женскаго, только дѣвки молоко брать надо и...

Но Кукса, не докончивъ своей фразы, началъ торопливо складывать лѣкарства, видимо, испугавшись лишней откровенности.

—Ты не говори, что тебѣ Кукса сказалъ,—проговорилъ онъ немного спустя и раскурилъ потухшую трубку.

Я обѣщалъ молчать...

Дождь постепенно стихъ; удары грома становились все глуше и глуше, а между мутно-свинцовыми облаками пока-

зались голубые кусочки неба. Наконецъ выглянуло солнце. На деревьяхъ и травѣ заблестѣли капли воды. Гдѣ-то, какъ бы пробудившись отъ сна, прокричали лебеди. Радостнѣе стало у меня на душѣ, и даже Кукса пробормоталъ невнятное эмасъ (хорошо).

—Скоро тэли (зима),— сейчасъ же уныло добавилъ онъ,— совсѣмъ люль будетъ Куксѣ, не любитъ ойка Кукса тэли.

Онъ вздохнулъ и потеръ руки. Я понялъ, что Кукса болѣе своихъ боговъ любитъ природу и, можетъ быть, чутко прислушивается къ ея таинственнымъ словамъ.

Кукса—послѣдній шаманъ,—мелькнуло у меня въ головѣ. Да, Кукса – послѣдній шаманъ, – шептала тайга. Быть можетъ, далекій предокъ Куксы былъ тоже шаманомъ, первымъ шаманомъ тайги. Онъ тоже старался прочитать непонятные знаки въ таинственной книгѣ природы. Первый шаманъ родился подъ другимъ небомъ и не зналъ языка тайги. Послѣдній шаманъ знаетъ его, и любовь къ сѣверной природѣ незамѣтнымъ огонькомъ горитъ въ его душѣ.

Тайга и Кукса слились въ одинъ нераздѣльный образъ и живутъ единою жизнью. Быть можетъ, не одна любовь къ природѣ, не одно поклоненіе ея силамъ царятъ въ его душѣ; я вѣрю, много добраго и чисто-дѣтскаго сохранилось въ душѣ стараго Куксы. Мы не замѣчаемъ этого, мы забыли о тысячахъ Куксъ, намъ некогда.

Нѣтъ большой разницы между человѣкомъ и человѣчествомъ, но громадная разница между человѣчествомъ и людьми. Всѣ мы люди, да не въ каждомъ изъ насъ виденъ человѣкъ

Мнѣ невольно пришли на память чудные стихи „Гайаваты“ (Лонгофелло):

Вы, въ чьемъ сердцѣ сохранилась
Вѣра въ Бога и природу,
Сохранилось убѣжденье,
Что во всѣ вѣка повсюду
Человѣкъ былъ человѣкомъ,
Что и въ самой дикой груди
Есть желанья и стремленья
И тоскливые порывы
Къ недостигнутому благу...

Снова прокричали лебеди.

— На Лебединъ берегъ кричитъ птица,—замѣтилъ Кукса. —тамъ у меня юртъ есть, я гусей треляю. Приходи трелять, А далеко Лебединый берегъ. Три болота, одна рѣка.

Я ничего не понялъ изъ словъ Куксы и рѣшилъ, что «три болота, одна рѣка» равняются неопредѣленной русской верстѣ съ гакомъ.

Когда еще не буравилъ Обскую воду своимъ желѣзнымъ носомъ пароходъ, когда не раздавался одинокій звонъ деревянной церкви съ окрашеннымъ въ желтую краску куполомъ, когда не слышался русскій говоръ среди этого дикаго края, на Лебединомъ берегу у громадной сосны, нѣмого свидѣтеля прошлаго, стояло капище бога Таукси.

Таукси былъ богомъ всѣхъ птицъ, и представлялъ собою золотого лебедя. Или творческая рука природы создала фигуру лебедя, или забытый вогульскій скульпторъ проявилъ свое творчество,—легенда умалчиваетъ.

Каждую весну, съ прилетомъ птицъ, сюда спѣшили на своихъ хрупкихъ лодочкахъ остяки, вогулы и другіе инородцы со всѣхъ сторонъ тайги, чтобы умилостивить бога и одарить его служителей—шамановъ.

Такъ шло изъ года въ годъ... Но вдругъ по тайгѣ разнесся слухъ, что идутъ люди съ огнемъ въ рукахъ и покоряютъ вогуловъ. Въ эту весну еще громче раздавались священныя пѣсни вогуловъ, щедрѣе сыпались дары и тревожнѣе по ночамъ гремѣлъ барабанъ съ освѣщеннаго множествомъ костровъ высокаго берега, зазывая все новыя и новыя толпы поклонниковъ.

Все было напрасно. Чужіе люди пришли, разбили вогуловъ, разрушили кумирни и наложили дань.

Не вынесъ этого, вольный сынъ воздуха и облаковъ, Таукси, онъ улетѣлъ изъ кумирни. Такъ заканчивается легенда о Золотомъ Лебедѣ.

— А не знаешь, Кукса,—спросилъ я,—почему такъ называютъ Лебединый берегъ.

— А ты слышалъ о Таукси, золотой птицѣ?

Кукса не хотѣлъ или стѣснялся сказать: «Таукси - ойки», какъ обыкновенно называютъ вогулы своихъ многочисленныхъ боговъ.

— Нѣтъ, - солгалъ я, въ надеждѣ услышать новыя подробности.

Это яный ойка (большой богъ) былъ,—началъ Кукса,—Онъ больше Эква-пырысь-ойка, Ась-сунть-ойка, Полумъ-ойка, Неръ-ойка...

Когда русскій пришелъ, отобралъ все у маньси (вогуловъ). Соболь взялъ себѣ, лѣсъ взялъ себѣ, все взялъ себѣ, и маньси взялъ себѣ. Ну, русскій велѣлъ Таукси - ойка въ улья (огонь) бросить, а Таукси-ойка не сгорѣлъ, онъ изъ

улья вылетѣлъ и улетѣлъ въ янгалъ-маа (въ тундру). Онъ и теперь летаетъ и сейчасъ онъ плачетъ и стонетъ надъ маа (землей).

Я сколько разъ слышалъ, какъ свистѣли и тютюкали его крылья. Ты видѣлъ--ночью дѣлается свѣтъ, когда люди говорятъ, звѣзда падаетъ?

Это—не звѣзда, а Таукси—ойка летаетъ. Онъ больше летаетъ, когда въ лѣсу лонты выыръ (листъ красный).

Кукса умолкъ.

Навѣрное, ему рисовались далекія картины торжества и могущества боговъ, когда, таинственный изъ вогульскихъ боговъ, Таукси—ойка взвился изъ огня и на глазахъ удивленной толпы потонулъ въ облакахъ.

— Ты слышалъ о Богѣ—Іисусѣ Христѣ?—спросилъ я.

— Слышелъ, много слышелъ,—забормоталъ Кукса,—это богатый Богъ, очень богатый. Онъ въ большихъ каменныхъ юртахъ живетъ. Когда я ѣздилъ въ вожи (городъ), видѣлъ ихъ.

Очень сильный Богъ,—еще разъ пробормоталъ Кукса и неожиданно повалился на нары и захрапѣлъ.

Я залѣзъ подъ навѣсикъ и тоже постарался заснуть.

Утромъ я ушелъ отъ шамана.

Онъ далеко проводилъ меня и еще разъ приглашалъ побывать у него.

На горахъ мелькали Ореады
И Дріада въ деревѣ жила,—

повторялъ я, шагая къ паулю, и мнѣ казалось, что эти же слова говоритъ лѣсъ. Кукса, какъ древній эллинъ, вѣрилъ въ одухотворенность того, что намъ кажется мертвымъ, и въ паденіи метеора видѣлъ образъ золотого Таукси...

На горахъ мелькали Ореады
И Дріада въ деревѣ жила,—

шептали ели, и имъ вторилъ шелестъ падающихъ листьевъ и свистъ осенняго вѣтра.

А. Оборинъ.

Въ сердцѣ тайги.

Зги не видно; тайга окунулась
Въ ночи жуть.
Нечисть въ дуплахъ и въ норахъ очнулась.
Чутокъ будь!..
Гдѣ-то лѣшіемъ филинъ угукнулъ
Средь листвы;
Дятелъ клювомъ—таинственно стукнулъ...
Плачъ совы...
Затрещалъ безпокойно валежникъ,
Замеръ вдругъ:
Это Мишка Топтыгинъ-таежникъ
Бродитъ вкругъ.
Замаячилъ огонь въ отдаленьѣ,
Какъ звѣзда.
Не бывало тутъ раньше селенья
Никогда.
А багряные отблески смѣло
Будятъ мракъ.
У костра, грѣя хилое тѣло,
Спитъ варнакъ.
Рудники онъ сквозь дрему увидѣлъ,
Застоналъ.
Нерчинскъ съ Карою онъ ненавидѣлъ,
Убѣжалъ!..
Затаилъ сухарей на дорогу
Спрота;
Другъ-шахтеръ серебришку немного
Далъ съ прута.
До темна арестантъ у дороги
Пролежалъ;
Тамъ въ кустахъ онъ булыжникомъ ноги
Расковалъ.
Не стѣсняли движеній браслеты,
Легокъ сталъ;
Какъ дитя, дѣлалъ онъ пируэты,
Хохоталъ;
Гдѣ-то въ прошломъ остались проклятья
И враги...
Ночи ринулся узникъ въ объятья,
Въ тьму тайги...

Шелъ тайгой по тропамъ неторопко
Нашъ горбачъ;
На запяткахъ нечастыхъ онъ робко
Бралъ калачъ.
Ѣлъ онъ ягоды, ѣлъ онъ коренья,—
Отощалъ,
Но бродяга не вѣдалъ сомнѣнья,
Не роптalъ.
Онъ лелѣялъ мечту о Байкалѣ:
— Тамъ вздохнемъ!
Солнце, звѣзды пути указали:
— Добредемъ!..
Прикорнувъ у костра, грезилъ домомъ,
Новью жить;
Жаждалъ онъ о злосчастьѣ знакомомъ
Позабыть...

Отдыхала въ истомѣ угрюмой
Вся тайга...
Ползъ къ костру межъ деревьевъ безъ шума
Посельга.
Взялъ на сошки ружье дѣловито,
Какъ палачъ,—
Много раньше имъ было убито, -
Спи, горбачъ!..
Твой убійца дырявую лопоть
Соберетъ
И о томъ, какъ случилось ухлопать —
Донесетъ;
Три рубля онъ получитъ въ награду
За разбой...
Отъ него не дождется пощады
Братъ родной!..

Оттого-то въ тайгѣ такъ сурово
И темно —
Ей вѣдь крикнуть проклятія слово
Не дано!...

Н. Романовъ.

Періодическая печать г. Иркутска.

Жизнь Иркутска, далекаго провинціальнаго города Сибири, въ началѣ XIX вѣка текла тихо, мирно, патріархально и безцвѣтно. Мѣстное общество въ большинствѣ состояло изъ чиновниковъ и лицъ купеческаго званія; образованнаго сословія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, почти не было. Потребность общества въ чтеніи тогда, хотя и ощущалась, но слабо. Столичныя газеты и журналы выписывались только нѣкоторыми казенными учрежденіями и не многими изъ состоятельныхъ гражданъ города, изъ другихъ обывателей пользовались плодами «далекой культуры» только лица, имѣвшія родство или знакомство съ получающими газеты. Но такъ какъ число экземпляровъ получавшихся газетъ было довольно ограниченно, то многіе изъ иркутянъ занимались перепиской наиболѣе интересныхъ статей изъ газетъ въ особыя тетрадки, которыя сшивались въ особыя книжки и давались для чтенія знакомымъ. Впослѣдствіи этимъ тетрадкамъ мѣстными писателями (напр., Щаповъ, Вагинъ) было присвоено названіе «Иркутскихъ рукописныхъ сборниковъ». Въ настоящее время въ городѣ имѣется четыре экземпляра этихъ сборниковъ, писанныхъ на толстой сѣрой и синеватой бумагѣ довольно неразборчивымъ почеркомъ. Каждый изъ нихъ толщиною до $1^1/_2$ вершковъ. Экземпляръ, который я недавно видѣлъ, состоялъ изъ 588 страницъ, четвертушекъ листа, въ немъ помѣщено 59 статей; напр., „О курильскихъ островахъ“; „О торговлѣ въ городахъ Европы“; „Товары и пошлины на нихъ“; „Обороты Архангельскаго порта въ 1796 г.“; „О торговлѣ въ Кяхтѣ“; „Рѣчь Павла I сенату“; „Указъ Иркутскому губ. правленію о церковнослужащихъ“; „Указъ о дарованіи Шелехову дворянства“; „Проектъ морской Сѣв.-Американской К°“; „Письмо Якутскаго купца Вас. Кожина о возвращеніи изъ Охотска“; «Ода на побѣду подъ Рымникомъ въ 1799 году». Подъ статьями имѣются помѣтки: «получено 27 декабря 1796 г. въ Иркутскѣ» «получено въ Иркутскѣ февраля 11 дня 1798 г.»; «списна сія книга выркутцкомъ 1797 г., мѣсяца ноября 1 ч.»; «списано 1798 г. 1 ч. генваря Иркутцкъ»; «сіи тетради списаны въ теченіи семи дней въ городѣ Тюмени 1798 г. сентября (?) дня».

Подобные рукописные сборники, прадѣды мѣстной періодической печати, имѣлись у многихъ иркутянъ, но въ по-

жаръ города 1879 г. большинство ихъ погибло и дошедшіе до насъ представляютъ собою рѣдкость. Въ началѣ XIX в. книгъ въ обращеніи было не много; онѣ имѣлись только въ библіотекахъ мужской гимназіи и духовной семинаріи, а также у нѣкоторыхъ купцовъ, покупавшихъ ихъ при поѣздкахъ въ Россію на ярмарки; напр., у Баснинныхъ имѣлась порядочная домашняя библіотека.

Послѣ первой четверти XIX в. иркутское общество понемногу начало сформировываться и уже искало выраженій своему частному мнѣнію, требовало разработки своихъ нуждъ, потребностей, почему начинала чувствоваться необходимость общественной печати.

Въ 1827 году группа лицъ, желавшихъ основать въ Иркутскѣ мѣстный печатный органъ, проэктировала издавать газету «Ангарскій Вѣстникъ». Была составлена программа газеты, которую предполагалось выпускать еженедѣльно въ два печатныхъ листа и на казенныя средства. Попытка эта любопытна тѣмъ, что желали соединить оффиціальный органъ съ литературными потребностями времени. Почему-то этотъ проэктъ не осуществился; возможно, что въ городѣ была только одна губернская типографія и она, при слабой организаціи, не могла принять этой работы.

Въ 1837 г. былъ изданъ въ Петербургѣ сборникъ «Прозаическія сочиненія учениковъ мужской гимназіи»; это былъ первый опытъ коллективной литературной работы. Печатать книгу въ Иркутскѣ, при одной типографіи, не представлялось возможнымъ, она обошлась бы въ два раза дороже, чѣмъ въ Петербургѣ.

Главныя причины, тормозившія основаніе въ городѣ собственной газеты, лежатъ, конечно, не въ отсутствіи типографіи, при желаніи ее можно было купить въ Россіи, и не въ отсутствіи литературныхъ работниковъ, здѣсь было довольно людей съ образованіемъ, напр., чиновники изъ пріѣзжихъ и ссыльные. Надо полагать, что часть общества просто не желала имѣть печатнаго органа, который могъ стать обличителемъ ихъ дѣятельности, а кромѣ того, вообще внѣшнія условія сибирской жизни того времени не могли способствовать возникновенію и прочности печатнаго органа въ отдаленномъ Иркутскѣ. Въ статьѣ «Якутскій край и печатное слово», помѣщенной въ газетѣ «День печати въ Якутскѣ» 18 мая 1913 г., можно отмѣтить весьма характерныя строки: „населеніе Якутской области въ своемъ взглядѣ на существующее печатное слово (съ 1907 года) раздѣлилось на нѣсколько частей. Одна часть считаетъ печать необходимымъ

явленіемъ въ жизни далекой окраины не только потому, что она способствуетъ развитію края по пути пріобрѣтенія начатковъ культуры, но и видитъ въ печатномъ словѣ конечный пунктъ, гдѣ должна торжествовать справедливость и правда. Другая часть населенія, наоборотъ, считаетъ печатное слово лишнимъ балластомъ, который мѣшаетъ этой части населенія округлять свои капиталы или заниматься «темными дѣлами». То же самое можно сказать и про иркутское общество половины прошлаго столѣтія.

Къ началу 60-хъ годовъ въ нашемъ обществѣ стали сильнѣе пробиваться наружу нѣкоторые признаки умственной жизни и стремленіе къ образованію. Съ 60-хъ годовъ начала возвращаться въ Сибирь молодежь изъ университетовъ, проникнутая и воодушевленная горячимъ желаніемъ служить родинѣ. До сего времени эта молодежь слабо сознавала свои связи съ родиной.

Начало 60-хъ годовъ было богато и въ Россіи своими реформами. Къ этому времени относится учрежденіе многихъ и разнообразныхъ обществъ—ученыхъ, благотворительныхъ, экономическихъ. Народное образованіе, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, начало свое поступательное движеніе впередъ. Этотъ періодъ времени благотворно отразился и на періодической печати Россіи, возникло много журналовъ и газетъ; не была забыта и Сибирь. 6 декабря 1856 года были утверждены новые штаты сибирскихъ управленій, коими установлено изданіе губернскихъ вѣдомостей при всѣхъ сибирскихъ губернскихъ правленіяхъ. Основателемъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" явился извѣстный въ исторіи Сибири графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, бывшій въ то время Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ.

Болѣе или менѣе широкая постановка изданія «Вѣдомостей» всецѣло зависѣла отъ степени просвѣщенія и благожелательнаго отношенія къ печати со стороны лицъ мѣстной администраціи. Интересно отмѣтить: въ то время, какъ въ другихъ сибирскихъ губерніяхъ дѣло ограничивалось изданіемъ лишь сухого оффиціальнаго отдѣла, наприм., въ «Тобольскихъ Вѣдомостяхъ», возникшихъ въ томъ-же 1857 г.,— «Иркутскія Вѣдомости» явились для своей эпохи выдающимся органомъ печати, представляя собою въ зачаткѣ теперешній типъ газеты и далеко опередивъ въ этомъ отношеніи всѣ современныя имъ губернскія вѣдомости не только Сибири, но и Европейской Россіи. Умный и просвѣщенный администраторъ Н. Н. Муравьевъ, сдѣлавшій газету своимъ личнымъ органомъ и бывшій не только ея цензоромъ, но и вдохно-

вителемъ, не могъ не видѣть, какую огромную пользу можетъ оказать ввѣренному его управленію краю расширеніе скромныхъ рамокъ „Вѣдомостей“ неоффиціальнымъ отдѣломъ, — и далъ широкій просторъ обсуждать на страницахъ газеты многообразныя нужды края и обличать произволъ и многочисленныя злоупотребленія со стороны административныхъ лицъ различныхъ ранговъ, что составляло—вслѣдствіе полнаго отсутствія гласности и происходящей отсюда безнаказанности—одно изъ главныхъ глубоко вкоренившихся золъ дореформенной эпохи въ жизни сибирскаго общества.

Выходу въ свѣтъ перваго № перваго въ Иркутскѣ печатнаго органа предшествовали объявленія объ его изданіи, въ которыхъ, между прочимъ, приглашались желающіе „доставлять статьи или свѣдѣнія разнаго рода, относящіяся до мѣстности, о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ, о сельскомъ хозяйствѣ и урожаѣ и вообще всякія статистическія, топографическія, историческія и археологическія статьи“, „которыя будутъ приняты редакціей съ благодарностью и по возможности помѣщены въ неоффиціальной части“.

На должность редактора „Вѣдомостей“ Муравьевымъ былъ назначенъ извѣстный участникъ дѣла Петрашевскаго, Николай Александровичъ Спѣшневъ, сосланный въ каторжныя работы на 10 лѣтъ.

Въ 1856 году онъ былъ переведенъ изъ каторжныхъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ и поступилъ на службу въ Забайкальское областное правленіе. Н. Н. Муравьевъ, вообще гуманно относившійся къ политическимъ ссыльнымъ и всегда окружавшій себя наиболѣе способными изъ нихъ, обратилъ свое вниманіе и на Спѣшнева. По желанію Муравьева, послѣдній былъ переведенъ въ Иркутскъ на службу въ главное управленіе Вост. Сибири, оставаясь въ то же время въ распоряженіи военнаго губернатора Забайкальской области по дѣламъ, касающимся заселенія Амурскаго края. Въ моментъ принятія на себя редактированія перваго въ Иркутскѣ печатнаго органа Спѣшневъ былъ столоначальникомъ губернскаго управленія и смотрителемъ губернской типографіи.

Первый номеръ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ вышелъ 16 мая 1857 года, размѣромъ 5 × 6½ вершковъ, въ 22 страницы, на грубой сѣрой бумагѣ, напечатанный старымъ избитымъ шрифтомъ, при чемъ оффиціальная часть занимала 8 страницъ, а неоффиціальная 14 стр. Въ оффиціальной были помѣщены распоряженія начальства, вызовы къ торгамъ, постановленія губернскаго начальства и объявленія, а въ неоффиціальной—бойкій фельетонъ члена совѣта

главнаго управленія и правителя дѣлъ географическаго общества И. С. Сельскаго, посвященный вопросамъ общественной жизни и театру, корреспонденціи изъ Читы, Нерчинска и статья „Иркутская старина“. Оффиціальная часть была за подписью и. д. предсѣдателя губернскаго правленія М. Пономарева, а въ должности редактора—Н. Спѣшнева. Неоффиціальная-же часть была за подписью начальника губерніи ген.-лейт. Венцеля, а также Спѣшнева.

Начало фельетона заключало въ себѣ слѣдующее, можно сказать, предъувѣдомленіе: „Самая свѣжая, самая сегодняшняя новость въ Иркутскѣ это, безспорно, наша газета, этотъ листъ не совсѣмъ взрачной, довольно сѣрой печатной бумаги, покрытой не вполнѣ изящнымъ шрифтомъ, который имѣетъ честь въ эту минуту лежать предъ вами. Но не взыщите, лучшей бумаги не нашлось въ Иркутскѣ. Мы, впрочемъ, со временемъ постараемся исправиться, вымыться, вычиститься, выбѣлиться и къ концу года явимся предъ вами очень приличною, молодою газетою, тихою, скромною, глядящею на старшихъ и старающейся имъ угождать и подражать. Теперь мы, такъ сказать, невинный младенецъ, неумытый и отнюдь не красивый, но вѣдь очень часто, даже обыкновенно, изъ дурнушки, изъ неумытой сандрильйоны вырастаетъ красавица“.

Дальше говорится „... я смѣло рекомендую вамъ нашу Иркутскую газету, и смѣло обѣщаю, что она непремѣнно похорошѣетъ. И не бойтесь, пожалуйста, что, похорошѣвъ, она поглупѣетъ, какъ это иногда бываетъ съ дѣтьми, нѣтъ, я знаю этого ребенка гораздо прежде васъ, я изучилъ его и мнѣ кажется, что въ немъ разовьются удивительныя умственныя способности. И такъ, прошу его любить и жаловать“.

Появленіе маленькой, аляповатой по внѣшности и небогатой по содержанію газетки,—какою являлись въ то время «Иркутскія Вѣдомости», представлявшія собою что-то новое, невиданное,—возбудило къ себѣ вполнѣ объяснимое вниманіе тогдашняго сибирскаго общества. О томъ, какъ былъ встрѣченъ публикою первый № газеты, разсказываетъ нѣкто «К—нъ» въ своемъ письмѣ въ редакцію, вызванномъ фельетономъ И. С. Сельскаго и помѣщенномъ среди другихъ статей въ неоффиціальной части 2-го №—ра «Вѣдомостей».

«Вѣроятно, редактору интересно будетъ знать,—пишетъ, между прочимъ, авторъ письма,—какое впечатлѣніе произвела эта провинціальная новизна, рожденіе (какъ говоритъ фельетонъ) этого неумытаго младенца. Въ 3 часа пополудни

я зашелъ обѣдать къ нашему иркутскому Дюссо (единственную гостинницу Шульца), гдѣ встрѣтилъ 5 или 6 такихъ же бездомныхъ, пріѣхавшихъ искать счастья изъ далекихъ странъ молодыхъ людей, какъ и я. Все шло обычнымъ порядкомъ, т. е. сначала говорили мало, ибо извѣстно, что голодъ мало способствуетъ разговорчивости людей, даже самыхъ болтливыхъ отъ природы. Въ это время человѣкъ принесъ листокъ, сказавъ: «а вотъ новая газета». Мы всѣ встали изъ-за стола, и проявленіемъ перваго впечатлѣнія былъ радостный возгласъ, подобный тому, который вызываетъ рожденіе младенца въ родственномъ кругу. Обѣдъ былъ отстроченъ и я прочелъ присутствующимъ фельетонъ и письма иногородныхъ»... Въ заключеніе авторъ письма дѣлаетъ возраженія на нѣкоторыя мысли, высказанныя въ упомянутомъ фельетонѣ.

О томъ, какое значеніе придавала редакція «Вѣдомостей» помѣщенію подобныхъ писемъ, устанавливающихъ болѣе или менѣе тѣсную связь между газетою и читающею публикою, даетъ понятіе сдѣланное редакціею подъ вышеприведеннымъ письмомъ слѣдующее примѣчаніе:

«Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, редакція объявляетъ, что она всегда готова помѣстить дѣльныя возраженія противъ статей, напечатанныхъ въ неоффиціальной части и наперед уже объявляетъ свою благодарность всякому, кто захочетъ принять на себя трудъ дополнять или даже исправлять свѣдѣнія, доставляемыя ей сотрудниками и корреспондентами. Редакторъ отнюдь не прочь допустить даже настоящую полемику. При отсутствіи другого органа публичности въ Восточной Сибири, онъ даже считаетъ нѣкотораго рода обязанностью дать по возможности наибольшую свободу и просторъ различнымъ, даже противоположнымъ мнѣніямъ.

Полемика, споръ, борьба противоположныхъ воззрѣній (разумѣется, въ извѣстныхъ литературныхъ предѣлахъ)—все это необходимо придаетъ жизнь газетѣ и возбуждаетъ интересъ читателей».

Открывая, такимъ образомъ, свои страницы для широкаго обмѣна мнѣній по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ общественный интересъ, только что народившаяся газета, при высказанныхъ ея редакціей взглядахъ на значеніе и задачи печатнаго органа, не могла не возбудить къ себѣ самаго широкаго интереса даже со стороны апатичныхъ и индиферентныхъ къ вопросамъ общественной жизни старожилыхъ элементовъ сибирскаго общества, не говоря уже о многочисленномъ чиновничествѣ, которое состояло въ большинствѣ

изъ выходцевъ Европейской Россіи и являлось въ то время наиболѣе передовою частью мѣстной публики.

Изъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ газетѣ въ первые годы ея существованія, кромѣ редактора ея, Н. А. Спѣшнева, слѣдуетъ упомянуть объ извѣстномъ сибирскомъ публицистѣ М. В. Загоскинѣ, который вложилъ много души и энергіи въ газету при самомъ ея возникновеніи, а позднѣе, съ отъѣздомъ Спѣшнева, въ 1859 году сдѣлался оффиціальнымъ ея редакторомъ. Между прочимъ, съ 15 № въ газетѣ начался печатаніемъ рядъ интересныхъ очерковъ Загоскина подъ общимъ заглавіемъ: «Замѣтки о бытѣ поселянъ Иркутскаго уѣзда». *)

Изъ другихъ сотрудниковъ «Вѣдомстей» слѣдуетъ отмѣтить: знаменитаго Петрашевскаго (помѣстившаго, между прочимъ, обширную статью объ Амурской компаніи), небезызвѣстнаго старымъ иркутянамъ литератора Н. Щукина (который писалъ о своихъ метеорологическимъ наблюденіяхъ, а позднѣе—о поѣздкахъ по Иркутской губерніи), петрашевца

*) Въ числѣ немногихъ оставшихся послѣ Загоскина бумагъ сохранились три номера рукописныхъ журнальчиковъ отъ 1856 г.—«Козуля» №№ 2 и 3 и „Мѣщанинъ“ № 1. Это, повидимому, ученическіе журнальчики, но бережное храненіе ихъ М. В. невольно возбуждаетъ вопросъ, не принималъ ли какого либо участія въ этомъ школьномъ дѣлѣ самъ М. В. и не подъ его ли вліяніемъ возникла мысль самого изданія. Журнальчики издавались воспитанниками низшихъ классовъ семинаріи. въ нихъ помѣщены ребяческія сочиненія и шутки. На № 3-мъ «Козуля» прекратилась. Редакція, прощаясь съ читателями, между прочимъ, уже совершенно не ребяческимъ тономъ говоритъ: «но что бы ни было, будь добръ, люби все прекрасное въ природѣ, въ жизни и поэзіи, больше всего и пламеннѣе всего люби свою родину и благу ея будь готовъ служить честно до послѣдняго вздоха». «Мѣщанинъ» серьезнѣе, общественная сатира занимаетъ въ немъ преобладающее мѣсто. Уже въ «Вмѣсто программы» издатели, объясняя названіе журнала замѣчаютъ: «всякое раздѣленіе народа на сословія они считаютъ совершенно противнымъ здравому смыслу». Общественный характеръ отличаетъ «отдѣлъ политич. и внутреннихъ извѣстій». Полно неподдѣльнаго юмора «письмо изъ Иркутска», и «Отрывокъ изъ путешествія».

«Смѣсь» посвящена вопросу объ университетѣ въ Иркутскѣ и зло трактуетъ предметъ. «Въ Сибири откроется скоро университетъ, и—какъ носятся слухи, онъ будетъ учрежденъ въ Иркутскѣ. Профессоровъ не будутъ присылать изъ Россіи, потому что Сибирь такая страна, что въ ней всякій дѣлается способенъ ко всему, что только прикажетъ начальство (кромѣ постройки пароходовъ, что разумѣется само собою).. «Польза университета въ Иркутскѣ несомнѣнна. ибо, какъ намъ достовѣрно извѣстно, въ этомъ городѣ есть жители, которые не умѣютъ читать (по крайней мѣрѣ—вслухъ)».

Разумѣется, много соли для насъ пропадаетъ, т. к намеки на современныя дѣла и лица слишкомъ явны. Но при всемъ томъ, тонъ, содержаніе и направленіе такъ характерны, что невольно напоминаютъ М. В. и является предположеніе, не принималъ ли онъ участія въ «Мѣщанинѣ» больше, чѣмъ какъ вдохновитель? Если бы эта догадка подтвердилась, то это лишній бы разъ показало, какъ глубоко сидѣлъ въ немъ литераторъ—публицистъ, и что эта дѣятельность была его истиннымъ призваніемъ.

Черносвитаго, Львова («Описаніе минеральныхъ водъ» и др.), Кривошапкина, Д. Романова и др. Нѣсколько позднѣе въ «Вѣдомостяхъ» принималъ участіе и извѣстный публицистъ С. С. Шашковъ, помѣстившій здѣсь первую свою литературную работу—статью о бытѣ бурятъ Иркутской губерніи. Наконецъ, по преданію, «Вѣдомостямъ» не былъ чуждъ даже «отецъ анархизма»—М. А. Бакунинъ, находившійся въ то время въ ссылкѣ въ Иркутскѣ и пользовавшійся особымъ покровительствомъ графа Муравьева-Амурскаго, приходившагося ему близкимъ родственникомъ.

Лучшимъ періодомъ «Вѣдомостей» было время управленія краемъ Муравьева-Амурскаго, т. е. первые годы ихъ существованія.

«Вѣдомости» представляли собою единственный печатный органъ въ краѣ, отзывавшійся на всѣ кардинальные вопросы мѣстной жизни и освѣщавшій ихъ съ точки зрѣнія интересовъ мѣстнаго населенія.

За эти годы на страницахъ «Вѣдомостей» помѣщенъ длинный рядъ большихъ и мелкихъ статей и корреспонденцій, написанныхъ хорошимъ литературнымъ языкомъ и касавшихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ не только мѣстной, но и обще-сибирской жизни, на всемъ огромномъ протяженіи края. При этомъ появлявшіяся въ газетѣ статьи никогда не носили характера «эзоповщины», а, трактуя о какихъ-либо злоупотребленіяхъ, лихоимствѣ, казнокрадствѣ и т. п. довольно обычныхъ явленіяхъ прежней Сибири, называли вещи ихъ настоящими именами. Графъ Муравьевъ, широко пользовавшійся находившимся въ его распоряженіи печатнымъ словомъ для искорененія упомянутыхъ золъ стараго сибирскаго чиновничества, не только не запрещалъ, но даже поощрялъ появлявшіяся въ «Вѣдомостяхъ» обличенія, несмотря на неоднократныя замѣчанія министерства о несоотвѣтствіи такого характера оффиціальному изданію губернскаго начальства.

Но печатаніемъ всевозможнаго рода обличеній, конечно, не исчерпывалась задача «Вѣдомостей», удѣлявшихъ, помимо того, много мѣста и другимъ вопросамъ мѣстной жизни. Такъ, въ 1859 году въ газетѣ печатался рядъ интересныхъ статей Н. Гильдебрандта и др., дающихъ наглядное представленіе объ умственной жизни Иркутска полвѣка тому назадъ: о количествѣ получаемыхъ въ городѣ періодическихъ изданій, посѣщаемости мѣстной библіотеки и т. п. На ряду съ этимъ помѣщались статьи, имѣвшія историческій харак-

теръ, наприм., печатавшаяся въ 1858 и 1859 гг. «Лѣтопись г. Иркутска» П. Пежемскаго.

Въ 1857 и 1859 г. «Вѣдомости» удѣляли много мѣста извѣстіямъ съ Амура и вообще изъ Приморской области. Не говоря уже о значительномъ числѣ корреспонденцій изъ различныхъ поселеній на Амурѣ, въ газетѣ печатались цѣлые трактаты и изслѣдованія.

Такъ, одинъ изъ сподвижниковъ графа Муравьева, капитанъ конно-піонернаго дивизіона Д. Романовъ, пропагандировалъ въ «Вѣдомостяхъ» проведеніе русско-американскаго международнаго телеграфа и сибирской желѣзной дороги отъ Нижняго-Новгорода на Тюмень, по большому сибирскому тракту черезъ Иркутскъ на Кяхту и кругомъ Байкала до береговъ Великаго океана. Увлеченіе Амуромъ, тогда только что присоединеннымъ, было всеобщимъ.

За первые четыре года съ 1857 по 1860 г. въ неоффиціальномъ отдѣлѣ Губ. Вѣд., кромѣ упомянутыхъ статей, было помѣщено много другихъ, придавшихъ газетѣ всеобщій интересъ.

Для наглядности привожу оглавленіе нѣкоторыхъ статей.

1857 годъ. Путешествіе Радде и его коллекціи. Горбуновскій и Доросуйскій каменный уголь на Аргуни. Описаніе оранжереи Баснина. Открытіе плаванія по Амуру. О дѣйствіи золотыхъ промысловъ въ 1856 г. Мысли сибиряка о будущемъ. Цѣны 1856 г. на товары на устьѣ Амура. Преданіе о боханской горѣ. Иркутскій Вознесенскій монастырь. Нерчинскій заводъ. Объ устройствѣ въ Иркутскѣ публичной библіотеки. Первая поѣздка зимнимъ путемъ по Амуру. О Иркутскихъ крупчаткахъ. Полемика о дороговизнѣ сахара. Воспоминаніе о Нижнеудинскѣ и т. п.

1858 годъ. Буряты Иркутской губ. Смертность въ Иркутскѣ. Балаганская и Нижнеудинская пещеры. О состояніи Иркутска въ 1836 г. Путешествіе Аткинсона по Вост. Сибири. Описаніе золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа съ 1848 г. Ловъ омулей на р. Селенгѣ. О женской гимназіи въ Иркутскѣ. О Камчаткѣ. Поѣздка въ Кяхту и по Кругобайкальской дорогѣ.

1859 г. О гласности. Забайкальскіе минеральные источники. Замѣтка о Нерчинскихъ заводахъ. О сельскихъ учителяхъ. Графитные пріиска Алибера. Леченіе кумысомъ. Поѣздка на Туранскія воды. Жень-шень. Забайкальскія минеральныя воды. О родѣ князей Гантимуровыхъ. О здѣшнихъ мастерствахъ.

1860 г. Объ Амурѣ. По поводу Китайскаго происшествія. Отчетъ дѣйствій Амурской пріисковой партіи въ Приморской области за 1857—58 гг. Образованіе казачества и вліяніе его на бытъ и нравы жителей въ при—Аргунскомъ краѣ. Земскіе банки. Польза табакосѣянія въ юго-восточной Сибири. Замѣтки о Киренскомъ округѣ и р. Ленѣ. Нѣчто о женской гимназіи. Матеріалы для статистики г. Иркутска.

Изъ этого перечня статей разнообразнаго содержанія можно заключить, что газета имѣла серіезный публицистическій и литературный характеръ и въ ней раскидано немало этнографическаго и бытового матеріала.

Отъѣздъ ген.-губ. Муравьева въ Петербургъ и возникновеніе въ 1860 году первой частной газеты «Амуръ», въ которую перешелъ почти весь составъ редакціи вѣдомостей, отразились на „Губернскихъ Вѣдомостяхъ", неоффиціальная часть которыхъ стала замѣтно хирѣть, что вполнѣ объяснялось уходомъ лучшихъ силъ, на которыхъ держалась газета; сотрудничество въ «Вѣдомостяхъ» продолжалось лишь нѣкоторыми иногородными корреспондентами,—но ихъ также становилось все меньше, редакція же предоставлена была лишь однимъ «начальникомъ газетнаго стола».

Газета продолжала выходить попрежнему одинъ разъ въ недѣлю, но содержаніе ея исчерпывалось почти одною оффиціальною частью. Въ неоффиціальномъ же отдѣлѣ попадались кое-когда отчеты объ учебныхъ заведеніяхъ, статистическаго комитета и засѣданіяхъ нѣкоторыхъ обществъ, покровительствуемыхъ мѣстною администраціею; большею же частью неоффиціальный отдѣлъ исчерпывался одними объявленіями.

Одно время нѣкоторое оживленіе газетѣ придавалъ лишь секретарь мѣстнаго статистическаго комитета Д. Д. Ларіоновъ, помѣщавшій въ «Вѣдомостяхъ» свои статьи объ Ангарскихъ порогахъ, о народонаселеніи Иркутской губерніи и т. п. Нѣсколько пополнялъ неоффиціальный отдѣлъ также и Б. А. Милютинъ, похоронившій «Амуръ» и «Спб. Вѣстникъ»,—который, состоя дѣятельнымъ членомъ техническаго сельско-хоз. общества, помѣщалъ въ газетѣ отчеты объ устраивавшихся обществомъ бесѣдахъ: «О сельскомъ кредитѣ и способахъ устройства его среди крестьянъ и инородцевъ», «О возможности устройства въ Восточной Сибири на коммерческихъ основаніяхъ образцовыхъ фермъ» и др. Но и такія статьи перепадали въ газетѣ очень рѣдко.

Съ пріѣздомъ въ Иркутскъ генералъ-губернатора Синельникова, одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ администраторовъ

края, — «Вѣдомости» были реформированы, если не со стороны ихъ литературнаго содержанія, то въ отношеніи своего выхода въ свѣтъ и распространенія.

Въ сентябрѣ 1871 года на первой страницѣ «Вѣдомостей» появилось извѣщеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что генералъ-губернаторъ, имѣя въ виду, что «Вѣдомости» издаются только разъ въ недѣлю и по цѣнѣ своей не всѣмъ доступны, а также, что въ виду большихъ разстояній циркулярныя распоряженія мѣстной администраціи доходятъ весьма медленно до сельскаго населенія Восточной Сибири, — «призналъ полезнымъ», чтобы «Ирк. Губ. Вѣдомости» выходили вмѣсто одного три раза въ недѣлю, чтобы цѣна на нихъ не превышала пяти рублей въ годъ и чтобы выписка ихъ была обязательною для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и административныхъ лицъ Восточной Сибири.

Но въ концѣ 1873 г. на мѣсто Синельникова генералъ-губернаторомъ Вост. Сибири былъ назначенъ баронъ Фредериксъ, не покровительствовавшій даже оффиціальной печати, и въ маѣ 1874 г. «Вѣдомости», вмѣсто трехъ, стали выходить два раза въ недѣлю, что продолжалось въ теченіи 6 лѣтъ, до извѣстнаго Иркутскаго пожара 1879 г., которымъ была уничтожена, между прочимъ, и губернская типографія, почему «Вѣдомости» стали печататься въ частной. Вслѣдствіе этого выходъ газеты еще былъ сокращенъ и съ этихъ поръ «Вѣдомости» на цѣлыхъ 20 лѣтъ превратились въ еженедѣльный органъ.

За этотъ длинный періодъ времени «Вѣдомости» нѣсколько улучшились лишь въ 1890 г., когда редакторомъ газеты былъ И. П. Шастинъ, съумѣвшій сгруппировать вокругъ себя небольшой кружокъ лицъ, способствовавшихъ оживленію оффиціальнаго органа. Въ это время въ «Вѣдомостяхъ» былъ помѣщенъ рядъ статей, имѣвшихъ общественный интересъ, изъ которыхъ можно отмѣтить слѣдующія: «Статистика въ вопросахъ о ссылкѣ и переселенческомъ», «Проекты сибирской жел. дороги», «Церк.-прих. и миссіонерскія школы грамоты въ Ирк. губ.», «Земледѣліе въ Иркутской губ.» и др. Кромѣ этихъ статей, имѣющихъ чисто мѣстный характеръ, печатались статьи и общаго характера, какъ, напримѣръ, «Н. М. Ядринцевъ и миссія нашихъ инородцевъ», «Международный тюремный конгрессъ», «Проектъ реформы городского самоуправленія» и др. Кромѣ того, въ газетѣ часто помѣщались замѣтки критико-библіографическаго характера.

Со слѣдующаго 1891 г. предполагалось завести въ газетѣ отдѣлъ корреспонденцій и вообще расширить ея неоф-

фиціальную часть. Тогдашній предсѣдатель губернскаго правленія намѣревался расширить программу «Иркутскихъ Вѣдомостей» до размѣровъ Харьковскихъ и составлялъ уже по этому поводу обстоятельную докладную записку. Но начинанію этому не суждено было осуществиться и 15 сентября 1890 г. послѣдовало предписаніе о приведеніи «Вѣдомостей» въ предѣлы, указанные 767 статьей т. IV, ч. 1-й свода законовъ гражданск., на основаніи которой въ неоффиціальной части разрѣшается помѣщать только свѣдѣнія о происшествіяхъ и справочнаго характера, а также матеріалы географическаго, этнографическаго, сельско-хоз. и т. п. характера, но при условіи, что свѣдѣнія эти не должны облекаться въ форму литературныхъ статей.

Вслѣдствіе этого, неоффиціальный отдѣлъ «Вѣдомостей» сразу же ограничилъ свою программу полицейской хроникой о происшествіяхъ и перепечаткою изъ старыхъ телеграммъ.

Такъ продолжалось цѣлыхъ десять лѣтъ... Снова возникла неоффиціальная часть «Вѣдомостей» уже съ 1-го іюля 1900 г., когда редакторомъ ихъ былъ совѣтникъ губернскаго правленія А. И. Виноградовъ.

Въ циркулярахъ, разосланныхъ редакціей своимъ будущимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ, говорилось, что «по ходатайству г. Иркутскаго губернатора И. П. Моллеріуса, мин. внутр. дѣлъ не встрѣтило препятствій къ тому, чтобы «Ирк. Губ. Вѣд.» выходили *ежедневно*, кромѣ дней, слѣдуемыхъ за воскресеньями и праздниками». Приступая къ изданію «Вѣдомостей» по новой программѣ, редакція заявляла, что она ставитъ себѣ ближайшею задачею «доставленіе своимъ читателямъ современныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній въ предѣлахъ программы, причемъ въ неоффиціальной части особое вниманіе предполагаетъ обратить на вопросы народнаго образованія и сельской жизни во всѣхъ ихъ проявленіяхъ и на разработку мѣстныхъ данныхъ по различнымъ жизненнымъ вопросамъ и отраслямъ знанія. Вполнѣ сознавая серьезность поставленной задачи и трудность ея осуществленія, редакція выражала увѣренность, что «живое участіе въ этомъ дѣлѣ лицъ, близко стоящихъ къ дѣйствительной жизни и потому имѣющихъ возможность дѣлать непосредственныя наблюденія надъ всѣми ея сторонами, значительно облегчитъ достиженіе намѣченной цѣли, и перейдя со временемъ въ постоянный обмѣнъ мыслей между редакціей и раздѣляющими ея взгляды лицами—сотрудниками, послужитъ самымъ вѣрнымъ залогомъ въ исполненіи редакціей принимаемыхъ на себя обязательствъ.»

Но изъ этихъ благихъ намѣреній редакціи «Вѣдомостей» въ жизнь перешло очень немногое, т. к. серьезныя статьи въ газетѣ почти отсутствовали. Большое мѣсто редакція удѣляла сельско-хозяйственному отдѣлу. Въ статьяхъ этого отдѣла отмѣчалась лишь постановка с.-х. дѣла, часто безъ всякаго отношенія къ мѣстнымъ условіямъ. Помѣщаемыя въ газетѣ передовицы большею частью также касались общихъ темъ и являлись довольно безцвѣтными. Корреспонденцій было очень мало; въ общемъ газета вела себя такъ, что, являясь недоступною для крестьянскаго населенія, не могла въ то же время удовлетворить и интеллигентнаго читателя.

Для оживленія газеты редакція въ 1902 г. расширила свою программу отдѣломъ беллетристики.

Но это расширеніе мало улучшило газету. Покровительствуя молодымъ, начинающимъ авторамъ, редакція зачастую помѣщала на своихъ страницахъ много незрѣлаго и ненужнаго балласта, что, само собою, не могло не отразится на отношеніи къ газетѣ мѣстной публики. Мѣстные вопросы въ газетѣ попрежнему освѣщались очень блѣдно.

Къ положительнымъ качествамъ газеты за этотъ періодъ времени нужно отнести вполнѣ корректное отношеніе къ вопросамъ внутренней политической жизни и вопросу объ инородцахъ. Со второй половины 1905 г., съ отъѣздомъ изъ Иркутска губернатора Моллеріуса, всѣ лучшіе сотрудники «Вѣдомостей» принуждены были, во главѣ съ редакторомъ А. И. Виноградовымъ, оставить газету.

Послѣ опубликованія манифеста 17 октября «Вѣдомости» приняли вполнѣ оффиціальный характеръ, каковой имѣютъ и въ настоящее время.

Надо сказать, что комплектъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за первые 10-15 лѣтъ представляетъ собою библіографическую рѣдкость.

Особенно цѣнны „Вѣдомости“ за первые 4 года изданія, бывшіе лучшей эпохой въ жизни этой газеты, т. е. за время генералъ-губернаторства Муравьева-Амурскаго, статьи которыхъ имѣютъ большое значеніе для историческаго обслѣдованія времени присоединенія Амура.

1-го января 1860 года начала издаваться первая частная еженедѣльная газета „Амуръ“. Названіе это было дано газетѣ отчасти потому, что тогда все Амурское было въ модѣ, отчасти и потому, что въ газетѣ предполагалось знакомить публику съ новымъ и интереснымъ для нея тогда Амурскимъ краемъ. Средства на изданіе газеты были даны купцами А.

В. Бѣлоголовымъ и С. С. Поповымъ, образованными представителями Иркутскаго общества, сознававшими силу и значеніе печатнаго слова.

Дальновидный гр. Муравьевъ прекрасно сознавалъ, что для наибольшаго ознакомленія съ новоприсоединеннымъ краемъ необходимо создать спеціальный органъ и поэтому охотно пошелъ на встрѣчу желаніямъ небольшого кружка интеллигентовъ, ютившагося около редакціи «Иркутскихъ Вѣдомостей», желавшихъ основать частную газету. Обширныя объявленія объ изданіи „Амура“ появились въ концѣ 1859 г. въ тѣхъ же „Иркутскихъ Вѣдомостяхъ“ за подписью редактора „Вѣдомостей“ и будущаго редактора „Амура“ М. В. Загоскина. Въ объявленіяхъ пространно объяснялось значеніе газеты, какъ органа, черезъ посредство котораго могутъ подробно обсуждаться мѣстные вопросы.

Говоря о возрожденіи Сибири, благодаря присоединенію Амура, Загоскинъ отмѣчаетъ, что „если первый толчекъ къ этому возрожденію данъ административной распорядительностью, то дальнѣйшее и возможно полное развитіе гражданственности края зависитъ отъ дружнаго содѣйствія частныхъ лицъ посредствомъ умственной дѣятельности и промышленной предпріимчивости и черезъ внесеніе въ частныя и общественныя отношенія началъ науки и нравственности“. Затѣмъ, въ объявленіи отмѣчается, что „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“ по самымъ условіямъ своего оффиціальнаго характера не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ мѣстной читающей публики, чѣмъ и вызывается возникновеніе еженедѣльной газеты „Амуръ“, которая «не будетъ имѣть никакой политической цѣли и потому статьи оной будутъ чужды всякой политической исключительности. Редакція будетъ заботиться только о томъ, чтобы ихъ содержаніе было согласно съ истиной и дѣйствительностью и не противорѣчило выводамъ, признаннымъ за честные современной наукой».

Ядро редакціи „Амура“, кромѣ М. В. Загоскина—оффиціальнаго и фактическаго редактора газеты,—составляли: Петрашевскій, который велъ мѣстное обозрѣніе, Шестуновъ (внутреннее обозрѣніе), Горбуновъ (иностранное), бывшій воспитанникъ декабристовъ Трубецкихъ. Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ „Ирк. Губ. Вѣдомостей“, въ газетѣ принимали постоянное участіе также А. А. Бѣлоголовый, С. С. Поповъ, И. М. Ипленковъ и друг.

Благодаря обширному знакомству и связямъ М. В. Загоскина и его популярности, какъ редактора „Вѣдомостей“, удалось привлечь къ газетѣ много сотрудниковъ и коррес-

пондентовъ. Цензоромъ „Амура“ первоначально былъ графъ Муравьевъ, а послѣ его отъѣзда — ген.-губернаторъ Корсаковъ. Первый, довѣряя редакціи, сначала подписывалъ нерѣдко корректурныя гранки, даже не читая ихъ. Но это было только въ первое время, когда почти всѣ члены редакціи увлекались „Амуромъ“ не менѣе, чѣмъ самъ Муравьевъ, вѣря въ блестящую будущность новоприобрѣтеннаго края, какъ одной изъ наиболѣе богатыхъ русскихъ колоній. Но это увлеченіе было недолгимъ. Вскорѣ въ столичныхъ изданіяхъ напр. «Морскомъ Сборникѣ» начали появляться обличительныя статьи Завалишина, обрисовывающія нѣкоторыя непригляд.ыя стороны заведенныхъ на Амурѣ его „покорителями“ порядковъ. Между тѣмъ, газетѣ „Амуръ“, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не дозволялось касаться этихъ порядковъ, отмѣчая лишь положительныя стороны новоприобрѣтеннаго края, почему вопросъ, само собою, освѣщался крайне односторонне.

Дѣло стало доходить до оффиціальнаго вмѣшательства администраціи въ дѣла редакціи. Ген.-губ. Муравьевъ хотѣлъ отвѣчать Завалишину именно въ газетѣ Амуръ, въ редакцію присылались для помѣщенія статьи, опровергающія неблагопріятные отзывы объ Амурскомъ краѣ. Въ виду этого наступило вполнѣ понятное охлажденіе членовъ редакціи къ своей работѣ. По отъѣздѣ Муравьева, замѣститель его Корсаковъ, продолжая политику своего предмѣстника, предложилъ «Амуру» защищать ее въ газетѣ и за что обѣщалъ Загоскину 800 р. субсидіи; тотъ, находясь въ тяжеломъ финансовомъ положеніи и не желая прекращенія единственнаго въ Сибири независимаго органа, согласился. Это обстоятельство вызвало неудовольствіе сотрудниковъ, которые были гораздо болѣе солидарны съ мнѣніями Завалишина, чѣмъ съ авторами предлагаемыхъ къ печати опроверженій, и они отказались отъ сотрудничества. На Загоскина посыпались нареканія, что онъ передался «Муравьевской» партіи, въ „Искрѣ“ была напечатана карикатура или замѣтка въ этомъ родѣ. «Амурцы» отмахивались только тѣмъ, что Загоскинъ спасъ единственную частную газету въ Сибири и что газета сохранила свой характеръ и продолжала приносить свою пользу, несмотря на казенную субсидію.

Загоскинъ, покинутый сотрудниками, велъ дѣло, можно сказать, единолично. Лѣтомъ 1861 года въ Иркутскъ пріѣхалъ предсѣдателемъ губернскаго суда Б. А. Милютинъ (братъ извѣстнаго дѣятеля крестьянской реформы). Человѣкъ разносторонне образованный, дѣятельный, энергичный, сразу же вошелъ во всѣ общественные интересы мѣстнаго общества

и, между прочимъ, изъявилъ желаніе участвовать въ редакціи „Амура". И вотъ подъ газетой явились подписи двухъ редакторовъ. Но Загоскинъ съ Милютинымъ, вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій, работать въ газетѣ вмѣстѣ не могли и Загоскинъ былъ вынужденъ покинуть газету, созданную имъ.

Милютинъ одинъ остался редакторомъ. На первыхъ порахъ онъ занялся газетою чрезвычайно дѣятельно и тѣмъ не менѣе въ ней не было прежняго оживленія. Милютинъ не обладалъ качествами журналиста, онъ писалъ тяжеловатымъ, хотя иногда и энергическимъ языкомъ, и печаталъ часто статьи очень дѣльныя, но не имѣвшія общаго интереса; кромѣ того, ему не удалось справиться и съ хозяйственной частью газеты. Въ апрѣлѣ 1862 года набранный уже для печати номеръ задержанъ типографіей впредь до окончанія разсчетовъ за прежнее время, номеръ не вышелъ и изданіе прекратилось. «Амуръ» до конца оставался вѣрнымъ своему девизу—основывать свои сужденія «на началахъ науки и нравственности», серьезное направленіе газеты съ самаго начала обратило на нее вниманіе столичной печати. Кромѣ того, «Амуръ» тогда былъ едва ли не единственнымъ научнымъ провинціальнымъ изданіемъ въ Россіи. По публикѣ, за исключеніемъ Восточной Сибири, газета была мало извѣстна. Да и въ Сибири она имѣла мало подписчиковъ—въ лучшее время не болѣе 600. И едва-ли «Амуръ» имѣлъ больше вліянія въ Сибири, чѣмъ „Иркутскія Губернскія Вѣдомости" за первое время, онъ былъ слишкомъ серьезенъ для большинства читателей, почему и прекращеніе его прошло почти незамѣтнымъ.

3 сентября 1864 года вышелъ первый номеръ журн. «Сибирскій Вѣстникъ», издававшагося Б. А. Милютинымъ, въ которомъ онъ отстаивалъ характерныя для него обще-русскія тенденціи, и разрабатывалъ вопросъ судебной реформы въ Сибири. Особенное вниманіе привлекла его статья «Сибирь таже Русь», на которую Н. М. Ядринцевъ отвѣтилъ въ „Томскихъ Губ. Вѣд." статьей «Сибирь—та ли же Русь»? Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» были напечатаны воспоминанія Щукина о гор. Иркутскѣ, въ немъ же помѣщенъ Ядринцевымъ некрологъ образованнаго киргиза Валиханова. „Сибирскій Вѣстникъ" выходилъ и въ 1865 году; есть указанія, что редакція по случаю 100-лѣтія со дня кончины Ломоносова открыла подписку на учрежденіе стипендіи для образованія одного или нѣсколькихъ крестьянскихъ мальчиковъ Вост. Сибири. Выходилъ онъ и въ 1866 г., въ приложеніи

къ № 3-му (іюль мѣс.) было изложеніе событій бунта поляковъ на Кругобайкальскомъ трактѣ.

Можно предположить, что «Сиб. Вѣст.» послѣ полугодового перерыва, съ конца 1865 г., вновь началъ издаваться, но когда именно прекратился—неизвѣстно.

Въ сентябрѣ 1862 г. Ник. Щукинъ, авторъ книгъ «Поѣздка въ Якутскъ», «Посельщикъ», «Ангарскіе пороги», издатель книги «Сибирскіе разсказы», предполагалъ издавать въ Иркутскѣ ежемѣсячный литературный журналъ «Сибирякъ», и уже принималась подписка въ библіотекѣ Вагина и Шестунова, но изданіе по какимъ-то причинамъ не состоялось. Выписанная для печатанія журнала газетная бумага въ количествѣ 160 стопъ была распродана.

Съ 1-го января 1863 года начали издаваться «Епархіальныя Вѣдомости», органъ духовнаго епархіальнаго начальства. Согласно указа Синода, изданнаго въ 1862 г., они состояли изъ двухъ частей: изъ самихъ вѣдомостей и прибавленій къ нимъ. Въ первыхъ печатались оффиціальныя свѣдѣнія, какъ то: манифесты, указы, опредѣленія Св. Синода и распоряженія Иркутскаго епархіальн. начальства; въ прибавленіяхъ помѣщались историко-статистическія свѣдѣнія объ Иркутской епархіи, грамоты, акты и др. документы, касающіеся церквей, монастырей и духовенства Иркутской епархіи, извѣстія о миссіонерской дѣятельности, проповѣди, различныя замѣтки и проч. Редактированіе было поручено протоіерею Прокопію Громову. Съ первыхъ номеровъ въ вѣдомостяхъ стали печататься статьи разнообразнаго историческаго содержанія.

Первые 8 лѣтъ, когда редакторомъ былъ Громовъ, онъ въ хронологической системѣ, по архивнымъ документамъ консисторіи и Вознесенскаго монастыря, изложилъ исторію Иркутской епархіи за періодъ времени управленія Тобольскихъ митрополитовъ и періодъ первоначальнаго и самостоятельнаго ея существованія при свят. Иннокентіи и еписк. Иннокентіи Неруновичѣ.

Ректоръ семинаріи Модестъ помѣстилъ изслѣдованіе о проповѣдничествѣ св. Иннокентія, перваго Иркутскаго епископа, и о преосвященномъ Софроніи, 3-мъ еп. Иркутскомъ*). Матеріалы для характеристики нравовъ жителей Вост. Сиб. въ концѣ XVII и началѣ XVII ст., извлеченные изъ древнихъ свитковъ губернскаго архива.

Протоіерей Солунскій, имѣвшій возможность пользоваться Тобольскимъ архивомъ, помѣстилъ много интересныхъ свѣдѣній

о времени Тобольскаго митрополичьяго управленія. Онъ-же по документамъ раскрылъ исторію митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича и разработалъ исторію иконописанія въ Сибири.

Діаконъ Маловъ: Лѣтопись Иркутской Крестовоздвиженской церкви.

Св Сизой: Заштатный гор. Илимскъ, его древніе памятники и нѣкоторыя черты изъ его прежней церковной жизни. Верхоленскъ и его древности.

Письма Иннокентія, архіеп. Камчатскаго протоіерею Ст. Попову.

Виноградовъ: Воспоминанія о Казанской духовной академіи, относящіеся къ 1852-56 г.г. А. П. Щаповь и А. А. Бобровниковъ, баккалавры Казанской духовной академіи, изъ воспитанниковъ Иркутской духовной семинаріи.

А. Сухановъ: Якутскій Спасскій монастырь,—статья, разъяснившая вопросъ объ исторіи первоначальнаго построенія якутскаго острога. Историческое описаніе Посольскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Перечислить въ настоящемъ краткомъ очеркѣ сотрудниковъ вѣдомостей и статьи ими помѣщенныя—невозможно, но слѣдуетъ отмѣтить, что почти всѣ представители Иркутской епархіи съ 1863 года старались вложить свою лепту въ свой епархіальный печатный органъ.

Священникъ китайской церкви Д. Гагаринъ въ 1889 г. составилъ указатель къ «Епархіальнымъ Вѣдомостямъ» съ 1863 по 1888 г. Въ 1905 г. онъ же (состоя священникомъ Иркутскаго кафедральнаго собора) издалъ продолженіе указателя, доведя его до 1904 года и, кромѣ того, составилъ указатель редакторовъ, цензоровъ и сотрудниковъ вѣдомостей съ 1863 по 1904 годъ.

Сказанный трудъ св. Гагарина (всего 424 стр.) представляетъ собою цѣнное справочное пособіе, благодаря которому легко отыскать при занятіяхъ желаемую статью.

Въ 1913 году исполнилось 50-тіе изданія «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Справедливость требуетъ сказать, что вѣдомости за сказанный періодъ времени своего существованія помѣстили на своихъ страницахъ массу историческаго матеріала изъ духовной жизни Сибири, за который будущій историкъ скажетъ искреннее спасибо.

---

17 ноября 1851 г. былъ открытъ в.-сибирскій отдѣлъ Географическаго о-ва. Побудительною причиною къ учре-

жденію его было сознаніе необходимости сосредоточить въ одномъ учрежденіи мѣстныя научныя силы и направить ихъ къ постоянной и правильной дѣятельности на мѣстѣ (т. е. въ Сибири).

Для вновь основаннаго учрежденія открылось обширное поле дѣятельности. Въ первый же годъ положено основаніе библіотекѣ отдѣла, завязались сношенія съ учеными обществами и тогда же явилась мысль объ изданіи собственнаго печатнаго органа. У многихъ изъ живущихъ въ Сибири лицъ накопились учено-литературные труды, неиспользованные частью по скромности авторовъ, частью же по отдаленности Сибири отъ литературныхъ центровъ. Для многихъ лицъ, способныхъ и обладавшихъ свѣдѣніями, не было ближайшихъ побужденій къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ и они дѣлились своими познаніями развѣ только съ посѣщавшими городъ учеными и путешественниками. Съ открытіемъ отдѣла въ его адресъ стали присылаться изъ всѣхъ городовъ Сибири статьи самаго разнообразнаго содержанія, такъ что въ первый годъ дѣятельности отдѣла поступило болѣе сорока статей, а въ 1862 г. ихъ имѣлось уже 250, въ числѣ которыхъ находилось не мало цѣннаго для изученія Сибири матеріала.

Сначала отдѣлъ посылалъ статьи для напечатанія въ главное Географическое о-во, но вскорѣ оказалось, что само общество затрудняется печатаніемъ ихъ по обилію имѣющихся матеріаловъ въ своихъ изданіяхъ и предложило отдѣлу издавать собственныя записки, въ которыхъ и печатать періодически присылаемыя статьи. Члену отдѣла И. С. Сельскому, самому живому и трудолюбивому изъ ближайшихъ дѣятелей перваго періода жизни отдѣла, была поручена первоначальная редакція записокъ и отсылка матеріала въ Петербургъ для печатанія, т. к. въ Иркутскѣ, по недостатку типографій, это сдѣлать не представлялось возможнымъ. Программа записокъ была выработана изъ трехъ отдѣловъ: 1) изслѣдованія и матеріалы; 2) лѣтопись отдѣла или оффиціальная часть всѣхъ его дѣйствій со времени основанія; 3) смѣсь для помѣщенія краткихъ замѣтокъ, географическихъ извѣстій и пр; 4) приложенія, имѣющія состоять изъ вѣдомостей о добычѣ золота на частныхъ пріискахъ, метеорологическихъ таблицъ и т. д.

Пять первыхъ томовъ «Записокъ» напечатаны въ Петербургѣ въ 1856—58 годахъ; начиная же съ шестого тома, стали печататься въ Иркутскѣ, съ 1863 г. Между прочимъ, въ нихъ напечатаны статьи: Описаніе р. Иркута—Н. Баш-

кевича; Описаніе Жиганскаго улуса—прот. Хитрова; Описаніе дороги отъ Якутска до Среднеколымска—И. Сельскаго; Краткій геогностическій очеркъ прибрежій р. Амура—Н. Аносова; Путевой журналъ плаванія по р. Амуру—Пермякина; Объ открытіи и проложеніи путей кругомъ Байкала—Мордвинова; Описаніе плаванія по р. Амуру—Н. Свербеева; Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода—А. Аргентова; Путевыя записки миссіонера А. Аргентова; Очерки Туруханскаго края—князя Кострова; Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу въ 1850 г.—В. Гаупта; Послѣдняя осада Албазина Маньчжуро-Китайцами въ 1687 г.- И. Сельскаго; Минусинскій округъ Енис. губ. въ сел-хозяйств. отношеніи—Г. Пейзына; Нѣсколько словъ объ Аргуни—Н. Кашина; Письма съ Сахалина—А. Брылкина; Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ округѣ—Аносова; О Халхасскихъ владѣніяхъ—Я. Шишмарева; Вилюйскъ и его округъ—П. Кларка; Обзоръ южной части Приморской области—И. Лопатина; Двѣ поѣздки въ Маньчжурію въ 1864 году.—П. Крапоткина; Очерки монголо-бурятъ, кочующихъ въ Вост. Сибири—К. Стукова; Свѣдѣнія о р. Сунгари—А. Усольцева; Поѣздка въ Окинскій караулъ—П. Крапоткина; Описаніе лѣсовъ Приморской области; Геологическое изслѣдованіе Иркутской губерніи—А. Чекановскаго; Геологическое изслѣдованіе береговой полосы оз. Байкала—И. Д. Черскаго.

По 1867 г. было издано въ Иркутскѣ только 4 тома Записокъ, а съ этого года, по недостатку средствъ, печатаніе Записокъ прекратилось; они выходили уже періодически; такъ, т. 11-й въ 1874 г., т. 12 въ 1886 г., слѣдующія въ 1889—90 годахъ (всего было 18 книжекъ). Въ 1870 году предсѣдателемъ отдѣла былъ избранъ Л. П Софіяно, просвѣщенный, умный, отзывчивый, онъ, стараясь сдѣлать отдѣлъ центромъ научной работы и умственной жизни въ краѣ, разрѣшилъ и задачу правильной постановки и развитія издательской дѣятельности отдѣла.

Въ 1870 году было приступлено къ изданію постояннаго періодическаго органа отдѣла „Извѣстій." Главное управленіе по дѣламъ печати вмѣшалось въ это дѣло и изданіе пришлось пріостановить. Но энергичное содѣйствіе ген.-губ. Синельникова помогло выхлопотать право на изданіе и разрѣшеніе мѣстной цензуры, возложенной на правителя дѣлъ. Синельниковъ же далъ и денегъ на первые расходы.

За 45 лѣтъ изданія Записокъ въ нихъ помѣщена масса статей естественно-историческаго, этнографическаго, археологическаго содержанія и по прикладнымъ знаніямъ, касающихъ-

ся Восточной Сибири, все необъятное пространство которой, если не изслѣдовано, то посѣщено, осмотрѣно членами о-ва и почти о каждой мѣстности имѣются свѣдѣнія. Многіе труды изъ помѣщенныхъ въ Запискахъ отдѣла никогда не будутъ забыты наукою и не потеряютъ своего значенія*).

Въ числѣ сотрудниковъ Записокъ встрѣчаются слѣдующія лица: Н. Н. Агапитовъ, Н. Аносовъ, А. Аргентовъ, Боголюбскій, А. Брылкинъ, В. И. Вагинъ, Н. И. Витковскій, Н. Виташевскій, В. Годлевскій, А. Герасимовъ, В. Дыбовскій, А. Еленевъ, В. Іохельсонъ, Д. Клеменцъ, Н. Костровъ, П. Крапоткинъ, Н. Кириловъ, И. Лопатинъ, А. Львовъ, Р. Маакъ, К. К. Нейманъ, В. А. Обручевъ, Пермикинъ, А. Потанина, Г. Н. Потанинъ, Я. П. Прейнъ, Н. М. Пржевальскій, П. А. Ровинскій, И. С. Сельскій, Я. Стефановъ, А. Чекановскій, И. Д. Черскій, Я. Шишмаревъ, А. Щаповъ, Н. Ядринцевъ.

Большинство авторовъ извѣстны въ ученомъ мірѣ своими трудами, ихъ участіе въ изданіи Записокъ отдѣла свидѣтельствуетъ о серьезности программы этого печатнаго органа.

Съ прекращеніемъ въ 1866 году «Сибирскаго Вѣстника», издававшагося Милютинымъ въ теченіи шести лѣтъ, въ Иркутскѣ, кромѣ Губернскихъ и Епархіальныхъ вѣдомостей, частной газеты не было.

4 января 1873 г. вышелъ первый номеръ еженедѣльной газеты «Сибирь», редакторомъ-издателемъ ея состоялъ военный инженеръ П. Клиндеръ, человѣкъ неспособный къ издательской дѣятельности и, въ частности, совершенно незнакомый съ вопросами мѣстной жизни, почему его изданіе успѣха въ публикѣ не имѣло.

Въ первый годъ изданія вышло только 26 номеровъ, въ слѣдующемъ году газета имѣла 9 чел. подписчиковъ, и это понятно, т. к., не имѣя ни одного сотрудника, редакторъ Клиндеръ не могъ заинтересовать своею газетою читающую публику и «Сибирь» шла на прекращеніе, но ей было суждено стать краеугольнымъ камнемъ основанія Иркутской періодической печати. Въ 1874 г. у писателей сибиряковъ, жившихъ въ Петербургѣ и Иркутскѣ, было желаніе создать спеціальное изданіе, посвященное Сибири, но не было ни малѣйшихъ средствъ и возможности осуществить желаніе. Нѣкоторые иркутяне, сочувствовавшіе возникновенію мѣстной

*) Записки отдѣла состоятъ преимущественно въ опубликованіи капитальныхъ трудовъ о Вост. Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странахъ, имѣющихъ интересъ, не какъ научная новость, а какъ матеріалъ науки или какъ изслѣдованіе, разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ ея вопросовъ.

печати, вступили въ переговоры съ Клиндеромъ объ уступкѣ имъ права изданія. Клиндеръ сперва не согласился продать газету, а уступилъ ее на два года въ безплатное пользованіе съ условіемъ выдавать въ теченіе года хоть нѣсколько номеровъ, чтобы не потерять права на изданіе, т. к., по прошествіи сказаннаго срока, Клиндеръ хотѣлъ самъ вновь продолжать изданіе. Мѣстные писатели выставили редакторомъ-издателемъ старѣйшаго изъ сибирскихъ писателей В. И. Вагина и просили принять участіе въ редактированіи газеты извѣстнаго своею опытностью М. В. Загоскина, бывшаго редактора газ. «Амуръ» 1861—62 г.

Всѣ сибиряки, жаждавшіе газеты, примкнули къ этому органу, который начинался безъ всякихъ средствъ, единственно помощью и дружными усиліями всѣхъ и каждаго, стремившихся осуществить завѣтную мысль.

Газета начала печататься въ кредитъ въ мѣстной типографіи, даже бумага была пожертвованная.

29 іюня 1875 г. вышелъ № 1-й обновленной газ. «Сибирь», подъ редакціей Вагина, и она въ скоромъ времени завоевала симпатіи публики, такъ что къ концу года уже было 600 подписчиковъ.

Когда «Сибирь» сдѣлалась замѣтною въ ряду другихъ провинціальныхъ газетъ и пріобрѣла хорошую репутацію въ Петербургѣ, прежній издатель Клиндеръ заявилъ ея временнымъ владѣльцамъ, что онъ намѣренъ продать ее въ другія руки и что, если настоящая редакція желаетъ пріобрѣсти ее въ собственность, то уплатила бы ему 3000 руб., дѣло однако уладилось на двухъ тысячахъ. Такимъ образомъ, новая редакція должна была купить дѣло, ею-же самою приведенное въ порядокъ, послѣ бездарнаго завѣдыванія предшественника и, можно сказать, ею самою почти изъ ничего созданное.

И при новой редакціи В. И. Вагина и М. В. Загоскина общественное значеніе «Сибири» въ смыслѣ разработки мѣстныхъ вопросовъ было не велико, но въ этомъ не была вина редакціи и сотрудниковъ, а тѣ условія, при которыхъ находилась тогда печать въ провинціи, въ особенности-же въ Сибири.

При отсутствіи въ Сибири литературной и ученой дѣятельности и другихъ, кромѣ газетъ, органовъ общественной жизни, дѣятельность самой газеты сводилась исключительно на обличеніе безобразій и на критику дѣйствій мелкихъ административныхъ лицъ; что же касается до мѣстныхъ вопросовъ, то по нимъ было возможно разсуждать только въ общихъ чертахъ, въ виду строгости мѣстной цензуры.

Вопросы школьный, о преобразованіи общественнаго управленія у крестьянъ, о пересмотрѣ устарѣлаго инородческаго устава были изъяты изъ общественнаго обсужденія. Газетѣ оставалось одно — знакомиться со всѣми мѣстными вопросами и нуждами изъ корреспонденцій, но ни школьный учитель, ни волостной писарь, ни миссіонеръ не рѣшались быть сотрудниками. Писалъ только тотъ, кто былъ лично разобиженъ начальствомъ, поэтому обличеній начальства присылалось много.

Живѣе становилась газета „Сибирь“ по вопросамъ, которые по чему либо интересовали все русское общество, а потому затрогивались и столичной журналистикой.

Таковы вопросы — ссыльный, о сибирскомъ университетѣ, о переселеніи крестьянъ. Первымъ двумъ газета посвящала съ самаго начала много мѣста. По ссыльному вопросу редакція старалась преимущественно разсмотрѣть дѣло съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. Конечно, не въ этого рода статьяхъ должна была заключаться главная задача мѣстной сибирской газеты; есть масса предметовъ, которые могутъ интересовать только мѣстное общество; вотъ они то оставались безъ обсужденія и огласки провинціальной печати, такъ какъ свѣдѣнія объ нихъ въ редакцію попадали съ трудомъ. Поневолѣ, вслѣдствіе этого, газета должна была наполняться исключительно корреспонденціями обличительнаго характера и отдѣлъ этотъ велся съ умѣніемъ; редакція всегда руководствовалась интересами крестьянъ, всегда становилась на сторону обиженнаго.

Однако, именно этотъ-же отдѣлъ и не нравился мѣстной администраціи и подвергался строгому контролю. Многія корреспонденціи печатать не разрѣшалось, а между тѣмъ по нимъ производились разслѣдованія, почему корреспонденты, во избѣжаніе непріятностей, переставали писать въ газету.

Газетѣ было запрещено также писать о всемъ, что такъ или иначе подчинялось вѣдѣнію генералъ-губернатора, поэтому масса вопросовъ была изъята отъ обсужденія газетой „Сибирь“; напр., о непорядкахъ по почтовому вѣдомству, о плохомъ состояніи Московскаго тракта, о пожарѣ Иркутска въ іюнѣ 1879 года, о высокихъ цѣнахъ на жизненные припасы, о недостаткѣ продовольствія для народа, о неправильномъ распредѣленіи пособій погорѣльцамъ, о статистикѣ, о сдачѣ въ аренду театра Беклемишеву и т. п.

Злоключенія редакціи начались съ выходомъ первыхъ номеровъ газеты.

При полученіи въ іюнѣ 1876 г. изъ Петербурга разрѣшенія изданія „Сибири“ подъ новой редакціей, были произведены обыски какъ въ редакціи, такъ и у разныхъ лицъ, болѣе или менѣе соприкосновенныхъ съ нею, по подозрѣнію въ какомъ-то политическомъ преступленіи. Оказалось, что кѣмъ то былъ сдѣланъ ложный доносъ, въ которомъ вся исторія организаціи новой редакціи представлена въ видѣ основанія какого-то тайнаго общества.

Первые номера вышли, но это не осталось безъ вліянія на ихъ полноту и на ходъ подписки.

Позднѣе обыски у Вагина, Загоскина и сотрудниковъ производились нѣсколько разъ.

Но самыя крупныя несчастія выпали на долю газеты въ концѣ 1879 и началѣ 1880 года. И это случилось какъ разъ въ то время, когда денежныя дѣла газеты стали поправляться.

До 1879 года матеріальныя средства газеты были незавидны. Плата за печатаніе газеты въ Иркутскѣ была неимовѣрно высока, поэтому редакція въ теченіе 3-хъ лѣтъ существованія газеты въ обновленномъ видѣ не могла сберечь болѣе 4000 руб. Нужно еще замѣтить, что сотрудники въ большинствѣ случаевъ не получали никакого вознагражденія за свой трудъ. Всѣ трудились даромъ, разсчитывая на будущее; была мысль завести свою типографію и она сдѣлалась цѣлью, которую редакція постоянно имѣла въ виду. Въ это время извѣстный своею любовью къ Сибири А. М.Сибиряковъ предложилъ заимообразно 17000 руб. на обзаведеніе типографіи при газ. «Сибирь». Сообразуясь съ обѣщанной суммой, была куплена въ Петербургѣ одна старая типографія, пополнена новыми шрифтами и отправлена въ Иркутскъ. Она была здѣсь получена 1 января 1880 г. Неизвѣстно почему, но конторой Сибирякова было выдано только 12000 р., а между тѣмъ сказанная покупка была сдѣлана именно въ надеждѣ полученія обѣщанной суммы. Поэтому, по прибытіи типографіи въ Иркутскъ, денегъ на расходы не хватило и пришлось затратить деньги, скопленныя редакціей за старые годы, а также всю полученную подписку на 1880 годъ.

Съ 1 января 1880 года газ. «Сибирь» начала печататься въ собственной типографіи. Съ первыхъ же дней типографія стала получать достаточное количество частныхъ заказовъ, можно было ожидать, что въ слѣдующемъ 1881 г. вся подписка останется свободной отъ затраты на типографію и такимъ образомъ редакція могла разсчитывать на 7000 руб. Это давало надежду начать выдачу вознагражденія со-

трудникамъ, что было необходимо въ видахъ улучшенія внутренняго содержанія газеты.

Однако этимъ надеждамъ не довелось осуществиться Типографія въ ночь на 17 марта сгорѣла и всѣ надежды редакціи улетѣли съ дымомъ на воздухъ. Исторія пожара, сама по себѣ бѣдствіе большое, осложнилась еще подозрѣніями политическаго свойства, что окончательно разстроило дѣла редакціи и даже отняло надежду на возобновленіе газеты.

Еще въ началѣ 1879 года по поводу разнесшагося слуха, что начальство хочетъ описать хлѣбъ у крестьянъ и принудитъ ихъ къ поставкѣ въ городскіе магазины, была написана замѣтка, въ которой богачи увидѣли чуть ли не призывъ къ раздѣлу имущества, и пожаловались главному начальнику края. Началось слѣдствіе, требовали выдачи автора статьи, редакторъ не соглашался, начались пререканія и споры, печатаніе газеты прекратилось. Издатель А. Нестеровъ обратился телеграфно въ министерство за разъясненіемъ возникшихъ вопросовъ и послѣ послѣдовавшаго распоряженія газета подчинилась своей участи; корректурные листы ея стали доставляться въ цензуру съ приложеніемъ именъ авторовъ. Редакторъ Тюменцевъ былъ принужденъ отказаться отъ этой обязанности. Издатель пригласилъ въ редакторы уволеннаго отъ должности управляющаго Иркутской контрольной палаты г. Блокова, т. к. другого избрать было некого, приходилось хоть прекратить изданіе газеты.

Блоковъ ни журналистикой, ни литературой никогда не занимался и издатель не могъ разсчитывать, что онъ будетъ хорошимъ редакторомъ, но онъ желалъ, хотя и при тяжелыхъ условіяхъ, продлить существованіе газеты до болѣе благопріятнаго времени.

Въ мартѣ 1880 г. мѣстнымъ жандармскимъ управленіемъ было получено изъ Петербурга предписаніе провѣрить шрифты типографіи «Сибирь», въ виду подозрѣнія, что шрифты нелегальнаго органа «Земля и Воля» тождественны со шрифтомъ газеты «Сибирь». Распоряженіе это было вызвано обстоятельствомъ, совершившимся еще въ Петербургѣ при покупкѣ типографія: въ числѣ наборщиковъ, нанятыхъ издателемъ въ Петербургѣ, оказался одинъ заподозрѣнный въ связяхъ съ подпольной политической организаціей, онъ былъ арестованъ; по освидѣтельствованіи и провѣркѣ шрифтовъ и по сличеніи оттисковъ, типографія Нестерова была признана внѣ подозрѣнія и онъ тогда-же получилъ листъ на свободный вывозъ типографіи изъ столицы. Тоже самое обстоятельство вызвало, очевидно и второй актъ перевѣшиванія, но уже въ Иркутскѣ, и пред-

ложено было Нестерева арестовать, если окажется недостатокъ въ шрифтахъ.

Въ понедѣльникъ 10 марта полиція и жандармы, въ присутствіи разныхъ депутатовъ, приступили къ взвѣшиванію и провѣркѣ шрифтовъ, окончивъ это лишь въ четвергъ. Съ четверга начался наборъ номера и въ субботу недѣльный номеръ былъ оттиснутъ для городскихъ подписчиковъ въ количествѣ 200 экз., не успѣли оттиснуть только для иногородныхъ. Въ воскресеніе, рѣшено было членамъ комиссіи по перевѣшиванію шрифтовъ собраться въ типографію и свести счеты, но въ ночь съ субботы на воскресеніе 16 марта типографія сгорѣла.

Въ воскресеніе около полудня А. Нестеровъ былъ отвезенъ въ острогъ, хотя результаты перевѣшиванія еще не были извѣстны. Повидимому усмотрѣно было что-то преступное въ причинѣ пожара, назначена комиссія для изслѣдованія причины пожара, всѣ наборщики типографіи посажены въ полицейскую часть.

Впечатлѣніе, которое вся эта исторія произвела на общество города Иркутска, было сильное и выразилось рядомъ предположеній и слуховъ, уродливыхъ по отношенію къ дѣйствительности. Говорили, что пожаръ умышленный, что онъ имѣлъ цѣлью уничтожить какіе-то компрометирующіе факты, что у издателя Нестерова найдены документы на полученіе отъ Сибирякове 12000 р., какъ это было, а 40000 руб., что деньги эти предназначались не на изданіе, а на что-то другое и т. д

Въ № 187 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, отъ 9 іюля 1880 г., была напечатана статья г. Шевича «Иркутскія замѣтки», въ которой по адресу редакціи газеты «Сибирь», было помѣщено слѣдующее: «Сибирь» прекратила свое существованіе 16 марта 1880 г. на 11 номерѣ, не объявивъ своимъ подписчикамъ ни о причинахъ прекращенія, ни о денежномъ разсчетѣ съ ними. Извѣстно только, что эта газета запрещаема не была, что она издавалась съ дозволенія цензуры, что редакторы благодушествуютъ, какъ будто и сами удивляясь, отчего газета издавалась, а потомъ и прекратилась, какъ бы испарившись въ воздухѣ. Нѣкоторые изъявляютъ сожаленіе о прекращеніи газеты, нѣкоторые же, наоборотъ, приговариваютъ: «оно лучше, потому что про насъ не будутъ печатать». Говорятъ, что остановка за издателемъ, который ни редакторомъ ни, будто бы, и сотрудникомъ газеты не былъ. Мы всегда сочувствовали газетѣ «Сибирь», стоявшей выше многихъ провинціальныхъ изданій, и душевно желаемъ,

чтобы недоумѣнія относительно средствъ изданія этой газеты прекратились къ общему успокоенію подписчиковъ».

На эту замѣтку А. Нестеровъ послалъ 23 августа въ редакцію письмо, разъясняющее положеніе дѣла, которое помѣщено было въ № 276, отъ 7 октября, слѣдующаго содержанія:

«Исторія прекращенія газеты «Сибирь» обставлена такимъ произволомъ со стороны мѣстной администраціи и составляетъ такое явленіе въ нашей отдаленной, дореформенной странѣ, что я затрудняюсь утомить васъ описаніемъ этого печальнаго факта, а ограничиваюсь коротенькой замѣткой на статью г. Шевича, которую прошу помѣстить, въ видѣ письма, въ ближайшемъ № вашей газеты; вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своей обязаностью разъяснить вамъ, г. редакторъ, хотя въ сжатомъ видѣ, всю эту непріятную исторію.

Съ самаго возникновенія вопроса въ средѣ мѣстной интеллигенціи, въ 1875 г. о переводѣ газеты въ свои руки, намѣреніе это было встрѣчено враждебно той частью общества, и особенно мѣстнаго чиновничества, которая всегда склонна была «въ мутной водѣ рыбу ловить». И съ этого времени начался рядъ интригъ, гнусныхъ инсинуацій, доносовъ на сотрудниковъ газеты. Мѣстная администрація, въ этомъ случаѣ старалась всегда выѣзжать на излюбленномъ и безопасномъ конькѣ, «политической неблагонадежности». Еще въ 1875 г. всѣ лица, сочувствовавшіе образованію газеты, заподозрены были въ какомъ-то политическомъ преступленіи, всѣ будущіе сотрудники газеты подвергнуты обыску; газета заподозрена какъ орудіе революціонной партіи и готовилось уже донесеніе о неразрѣшеніи выхода ея, но возбудившій это дѣло самъ заподозренъ былъ въ какихъ то злоупотребленіяхъ по службѣ и въ денежной растратѣ. Дѣло о «заговорѣ» было замято. Но преслѣдованія и цензурныя строгости не ослаблялись. Мѣстная администрація нѣсколько разъ пыталась входить съ представленіями о совершенномъ закрытіи газеты за вредное направленіе статей, не шедшихъ дальше корректурныхъ листовъ и не появлявшихся въ печати. Но главное управленіе по дѣламъ печати всегда отклоняло такія домогательства. Наконецъ, въ 1879 году администрація воспользовалась возбужденнымъ здѣсь политическимъ дѣломъ, по которому обвинялся одинъ сельскій учитель, еще юноша, случайно корреспондировавшій иногда въ газету «Сибирь». Этого было достаточно, чтобы пріобщить къ дѣлу сотрудниковъ, у которыхъ произведены были снова обыски, а нѣкоторые даже были арестованы. Дѣло тянулось годъ и нынѣ рѣшено гене-

ралъ-адъютантомъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ. По рѣшенію этому, всѣ оставлены свободными, по неимѣнію какихъ бы то ни было данныхъ къ обвиненію. По недостатку средствъ, при даровомъ трудѣ сотрудниковъ, газета въ прошломъ году завела было свою типографію, вошедши въ долги и убивши на это всю подписку на этотъ годъ. Въ половинѣ марта типографія сгорѣла, все имущество уничтожено. Интрига и инсинуація вновь подняли голову. Пошли доносы о поджогѣ съ окрашеніемъ дѣла политическою цѣлью. Я, какъ издатель и владѣлецъ типографіи, заподозренный въ поджогѣ, былъ посаженъ въ тюрьму, всѣ сотрудники снова подвергнуты обыскамъ и допросамъ. Вся корреспонденція, адресованная на имя газеты, не исключая денегъ, заарестована на почтѣ; довѣренный, избранный мною для веденія изданія (хозяйственой части), устраненъ административнымъ распоряженіемъ; редакторъ отказался отъ редактированія газеты. Газета пріостановилась, такимъ образомъ, на неопредѣленное время. Страховая премія за сгорѣвшую типографію пріостановлена по случаю возбужденія дѣла о поджогѣ. Дѣло это, тянувшееся 5 мѣсяцевъ, съ массой арестовъ, окончилось нынѣ въ судѣ. Судъ не нашелъ въ дѣлѣ ни преступленія, ни виновныхъ, за исключеніемъ слѣдователя, о злоупотребленіяхъ котораго постановилъ составить особое опредѣленіе и представить таковое губернатору.

Не смѣю больше утруждать васъ, г. редакторъ, описаніемъ этой печальной исторіи, но изъ этого краткаго очерка ея вы можете понять, какъ легко вести дѣло изданія газеты въ провинціи, особенно въ такой отдаленной, какъ наша дореформенная Сибирь, гдѣ нѣтъ ни гласнаго суда, ни даже судебнаго слѣдователя и гдѣ еще недавно царилъ произволъ и насиліе не было рѣдкостью.»

Черезъ три мѣсяца Нетеровъ былъ освобожденъ изъ заключенія подъ поручительство въ 5000 рублей.

Въ виду всегда проявлявшагося нерасположенія Иркутской администраціи къ «Сибири» и ея строгой цензуры, Нестерову нечего было и думать о продолженіи изданія въ Иркутскѣ въ томъ видѣ, какъ хотѣлось бы, почему онъ и рѣшилъ перенести изданіе въ Томскъ; въ этомъ смыслѣ и было сдѣлано нѣсколько сообщеній въ Петербургскихъ газетахъ.

Позже съ г. Нестерова были сняты послѣднія подозрѣнія по дѣлу о шрифтахъ и онъ вновь утвержденъ издателемъ. Кромѣ того, мѣстная администрація уже сама обратилась къ нему съ предложеніемъ не переносить газету въ Томскъ, а продолжать изданіе въ Иркутскѣ. Наконецъ, и Загоскинъ,

дѣятельнѣйшій сотрудникъ и соредакторъ газеты, былъ признанъ теперь невиннымъ по дѣлу, по которому былъ подвергнутъ домашнему аресту съ разрѣшеніемъ свиданій только въ присутствіи рядового жандарма, но потомъ свиданія были запрещены и совсѣмъ. Теперь Загоскинъ получилъ свободу и утвержденъ редакторомъ «Сибири», тогда какъ ранѣе онъ не смѣлъ и надѣяться на благопріятный отзывъ Иркутской администраціи въ смыслѣ политической благонадежности. Такъ кончилось это дѣло, къ великой досадѣ тѣхъ лицъ, которые были недовольны существованіемъ газеты и не мало злорадствовали, когда сгорѣла типографія.

Утвержденіе Нестерова вновь издателемъ, а Загоскина редакторомъ дало возможность продолжать изданіе газ. «Сибирь» въ Иркутскѣ. 11 янв. 1881 г. вышелъ первый номеръ, въ которомъ отъ издателя было, между прочимъ, напечатано: «послѣ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, какія выпали въ минувшемъ году на долю единственнаго пока въ Сибири органа—гласности издаваемой мною газеты «Сибирь», я получилъ, наконецъ, возможность, благодаря просвѣщенному содѣйствію нѣкоторыхъ лицъ, возобновить въ нынѣшнемъ году газету. До сего времени я не могъ, по независящимъ отъ меня причинамъ, высказаться предъ ними въ мѣстныхъ оффиціальныхъ органахъ и, только благодаря статьѣ г. Шевича, появившейся въ С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, я могъ въ той же газетѣ, съ нѣкоторою подробностію, объяснить печальную исторію, которая была причиной пріостановки газеты «Сибирь». Перепечатка моего объясненія почти во всѣхъ крупныхъ столичныхъ изданіяхъ и сочувственные отзывы нѣкоторыхъ изъ нихъ ставятъ въ обязанность благодарить редакціи этихъ изданій за высказанное ими сочувствіе къ судьбѣ одного изъ своихъ отдаленнѣйшихъ собратовъ».

Сибирь издавалась еще $6^1/_2$ лѣтъ, по 14 іюня 1887 года, когда дальнѣйшій выпускъ номеровъ былъ пріостановленъ и подписчики съ 28 іюня стали удовлетворяться агентскими телеграммами. Редакція надѣялась продолжать изданіе, но обстоятельства были сильнѣе ея и видная мѣстная газета прекратила свое существованіе, но она сдѣлала свое дѣло, внеся духъ и идею въ сибирское общество, научивъ уважать печать и искать въ ней заявленія общественнаго мнѣнія.

«Сибирь», какъ первый частный органъ, коснувшійся общественной жизни края, его золъ, его ранъ, его неустройствъ, накопленныхъ вѣками, началъ сразу подвергаться нападкамъ, упрекамъ и вызывалъ негодованіе среди тѣхъ элементовъ, которые заинтересованы были скрывать недостатки на окраинѣ.

Недружелюбно относилась къ газетѣ и часть невѣжественнаго общества. Обвиненія сыпались на редакцію иногда со стороны людей, которые должны были бы дорожить существованіемъ печати въ краѣ. Надо замѣтить, что эта редакція состояла между тѣмъ изъ самыхъ образованныхъ представителей Иркутскаго общества. Много горькихъ и тяжелыхъ минутъ пережила эта редакція, честно служившая своему краю. Нѣсколько разъ она подвергалась опасности прекратить существованіе. При такихъ условіяхъ пробивать дорогу печатному слову и удерживать позицію явилось чуть не героизмомъ. Въ сибирской жизни «Сибирь» была свѣтлымъ явленіемъ. Она имѣла большое вліяніе на общественное пробужденіе, т. к. ранѣе сибирское общество не умѣло разбираться съ своими вопросами, а съ появленіемъ ея пріучилось къ обобщеніямъ и выводамъ. Въ городскихъ обществахъ и думахъ стали обсуждаться вопросы о насущныхъ нуждахъ края и они выставляли даже программу необходимыхъ реформъ.

«Сибирь» прекратилась, но вмѣсто нея служеніе обществу приняло на себя «Восточное Обозрѣніе.» Эта газета, основанная. Н. М. Ядринцевымъ, посвященная вопросамъ и интересамъ Сибири, начала выходить въ Петербургѣ съ 1 апрѣля 1882 года. Редакція «Восточнаго Обозрѣнія» въ первомъ №-рѣ сдѣлала слѣдующее предъувѣдомленіе: «съ нѣкотораго времени положеніе отдаленныхъ окраинъ и жизнь на русскомъ Востокѣ получаетъ особый интересъ, вызываетъ изслѣдованія и возбуждаетъ все болѣе вниманія правительства и русскаго общества. Желая дать по возможности правдивую картину жизни Востока въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, попытаться опредѣлить роль русской національности на Азіатскомъ Востокѣ и ея общечеловѣческое призваніе, а также желая выразить нужды и потребности русскаго общества на окраинѣ, мы предприняли изданіе, знакомящее Евр. Россію съ Азіей и Сибирью, какъ и обратно жителей окраинъ съ жизнью и развитіемъ Россіи. Наше убѣжденіе состоитъ въ томъ, что подробное областное изученіе Россіи можетъ оказать извѣстную услугу и не явится лишнимъ въ средѣ русской періодической печати. Полагаемъ такую задачу тѣмъ своевременнѣе, что Сибирь наканунѣ своего 300—лѣтія ждетъ гражданскаго обновленія и разработки различныхъ вопросовъ, поднятыхъ ея жизнью. Ходатайство и предстательство за интересы населенія восточныхъ окраинъ будетъ нашей обязанностью. Въ Петербургѣ и въ центрѣ Россіи это предстательство мо-

жетъ принести извѣстную пользу въ разъясненіе положенія края и пролить нѣкоторый свѣтъ на мѣстные вопросы. Затаенному голосу восточныхъ окраинъ, ихъ нуждамъ мы даемъ случай высказаться откровенно и безпристрастно. Искреннимъ намѣреніемъ нашимъ будетъ — соединить мнѣнія лицъ, знающихъ жизнь Сибири и Востока, любящихъ свой край и желающихъ ему добра. Въ то же самое время мы приглашаемъ всѣхъ знатоковъ Востока и ученыя силы принять участіе въ предлагаемомъ ознакомленіи русскаго общества съ Азіей, и съ этой цѣлью готовы дать обширное мѣсто научнымъ изслѣдованіямъ, путешествіямъ и возможно полной библіографіи Востока. Намъ обѣщали обязательно содѣйствіе и сотрудничество слѣдующія лица, извѣстныя своими трудами въ литературѣ о Востокѣ и русскихъ восточныхъ окраинъ: проф. В. П. Васильевъ, проф. И. П. Минаевъ, проф. В. В. Радловъ, проф. П. Я. Фойницкій, проф. Д. Н. Анучинъ, доцентъ Петербургскаго унив. Позднѣевъ, С. В. Максимовъ, Д. И. Завалишинъ, С. Я. Капустинъ, Н. И. Наумовъ, М. С. Знаменскій, С. С. Шашковъ, М. В. Малаховъ, докт. О. К. Думбергъ, путешественники: В. В. Пѣвцовъ, И. С. Поляковъ, Г. Н. Потанинъ, А. В. Адріановъ, и другіе».

Руководствуясь изложенной программой, «Восточное Обозрѣніе» вступило на путь служенія Восточнымъ окраинамъ и благосклонно было принято обществомъ.

Въ 1885 году редакція нашла возможнымъ издать изъ имѣвшихся въ ея распоряженія матеріаловъ «Литературный Сборникъ», въ который вошли научныя и литературныя статьи о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ, а со слѣдующаго 1886 г. при «Восточномъ Обозрѣніи» началъ издаваться «Сибирскій Сборникъ», періодически выходившій въ продолженіи года, до четырехъ книжекъ въ годъ, за добавочную приплату для подписчиковъ въ 2 р. и не для подписчиковъ за плату 5 руб.

Въ сборники эти выдѣлялись болѣе обширныя и капитальныя статьи о краѣ, а также и беллетристическія произведенія, какъ напр., изслѣдованія о частной собственности въ Сибири, по исторіи распродажи земель, по исторіи ссылки, переселенія въ Сибирь, этнографическія описанія племенъ и народовъ Сибири и т. п.

Съ 1888 года «Восточное Обозрѣніе» стало издаваться, вмѣсто Петербурга, въ Иркутскѣ, такъ какъ издававшаяся здѣсь газета «Сибирь» въ 1887 году была закрыта.

Съ первыхъ дней изданія «Вост. Обозр.» непосредственное руководство этой газетой велъ Н. М. Ядринцевъ, но съ 1889 года онъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, уже не принималъ

активнаго участія въ дѣлахъ редакціи и газета постепенно переходила къ В. А. Ошуркову, А. Н. Ушакову, И. Г. Шешунову. Несмотря на это, газета оставалась вѣрна своему первоначальному направленію. Съ 19 марта 1895 газета перешла подъ редакцію И. И. Попова, въ знаменательный для Сибири моментъ, когда великая Сибирская желѣзная дорога стальнымъ кольцомъ спаивала нашу отдаленную окраину съ Европой и Сибирь вступила въ непосредственное общеніе съ цивилизованнымъ міромъ и сдѣлалась болѣе причастной европейской культурѣ. Газета въ новой редакціи поставила своей задачей давать возможно полную картину общественной и культурной жизни, со всѣми текущими явленіями, при чемъ, по мѣрѣ возможности цензурныхъ условій, не скрывать недуговъ общества и темныхъ сторонъ его, имѣя въ виду самоусовершенствованіе самаго общества. Интересы Сибири, ея населенія и насущныя нужды страны постарому занимали видное положеніе на страницахъ газеты.

24 января 1906 года газ. «Восточное Обозрѣніе» закрыта. Л. Родіоновъ въ журн. «Новь» помѣстилъ о газетѣ слѣдующую статью: «Восточное Обозрѣніе» сыграло крупную роль въ развитіи культурнаго и политическаго самосознанія въ Сибири. Н. М. Ядринцевъ, явившійся основателемъ и душою газеты, сгруппировалъ вокругъ нея лучшія мѣстныя литературныя силы и сразу же поставилъ дѣло такъ, что она выдѣлилась своей серьезностью, глубиной и талантливостью среди другихъ провинціальныхъ газетъ. Областность и интересы Сибири были поставлены во главу угла задачъ, разрабатываемыхъ газетой. Въ Петербургскій періодъ изданія она являлась центромъ, куда стекались всѣ жалобы, и жители окраины со страницъ газеты ждали указаній, освѣщенія и разрѣшенія вопросовъ, а мѣстные администраторы съ боязнью просматривали газету и прислушивались къ ея голосу. «В. О.» вначалѣ издавалось безъ предварительной цензуры, затѣмъ, послѣ ряда пріостановокъ, ее отдали подъ цензуру; съ переходомъ газеты въ Иркутскъ значеніе ея хотя и пошатнулось, но она продолжала быть вліятельной, несмотря на всю строгость цензуры. Съ 1894 г., послѣ смерти Н. М. Ядринцева, газета продолжала миссію перваго ея редактора и, несмотря на всѣ гоненія, высоко держала свое знамя, служа окраинѣ и воспитывая сибирское общество въ демократическо-прогрессивномъ направленіи. К. В. Арсеньевъ, въ одномъ изъ своихъ внутреннихъ обозрѣній въ «Вѣст. Европы» поставилъ «Вост. Обозр.» въ образецъ всей провинціальной печати, а покойный

Лесевичъ, писалъ, что и столичнымъ журналистамъ есть чему поучиться у «Вост. Обозрѣнія».

«В. О.» было школой для многихъ литераторовъ, именами которыхъ теперь гордится русская литература. Будучи въ ссылкѣ, они печатали на страницахъ его первые свои литературные опыты и сохраняли связь съ нимъ и въ послѣдующіе годы, напр., Короленко, Сѣрошевскій, Танъ, Шкловскій, Бронштейнъ, Мельшинъ и многіе другіе, которые хорошо извѣстны читателямъ. Что же касается сибиряковъ, то все, что было выдающагося между ними, тѣсно было связано съ «В. О.». Значеніе «В. О.» для Сибири опредѣлитъ историкъ окраины. Мы же можемъ сказать, что представить Сибирь безъ «В. О». невозможно. Ядринцевъ и «В. О.»—это два наиболѣе крупныхъ культурныхъ фактора, много сдѣлавшихъ для политическаго и культурнаго развитія далекой окраины. Ядринцевъ сошелъ со сцены, но каждый сибирякъ свято хранитъ это дорогое для Сибири имя.»

Слѣдуетъ быть отмѣченнымъ фактъ, что съ 1882 по 1887 годъ обѣ выходящія сибирскія газеты «Восточное Обозрѣніе» и «Сибирь» были проникнуты братскимъ товариществомъ дружбы, далекой отъ литературнаго соперничества и тѣмъ болѣе конкуренціи.

Съ 1886 года Иркутская городская дума начала издавать свой печатный органъ «Извѣстія» по слѣдующей программѣ: 1) Распоряженія правительства. 2) Обязательныя постановленія Думы. 3) Личный составъ городского общественнаго управленія и перемѣны въ немъ. 4) Доклады управы, извѣстія подготовительныхъ комиссій, и протоколы ихъ. 5) Свѣдѣнія и отчеты о состояніи городскихъ общественныхъ учрежденій и городского хозяйства. 6) Смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ. 7) Объявленія.

Редактированіе «Извѣстій» принялъ на себя городской голова В. П. Сукачевъ.

До изданія этого муниципальнаго органа жизнь, собственно въ лицѣ городской думы, находила отраженіе въ «Сибири» и «Вост. Обозр.», при чемъ газеты не отказывались и отъ критики какъ самаго учрежденія, такъ и дѣятелей, принимавшихъ въ ней участіе.

«Извѣстія Иркутской Городской Думы» уже 30 лѣтъ несутъ службу городскому общественному управленію. Съ іюля 1913 года «Извѣстія» реформированы въ «Вѣстникъ Иркутского Город. Общест. Управленія» и въ нихъ введенъ неоффиціальный отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются статьи отно-

сящіяся къ муниципальной жизни городовъ Сибири, и кромѣ того, введенъ отдѣлъ, посвященный обзору городской жизни въ Россіи. Журналъ ставитъ своей задачей быть органомъ областной муниципальной жизни, почему отдѣлъ Сибирскаго муниципальнаго обозрѣнія ведется особенно тщательно и полно; кромѣ того, въ журналѣ имѣется отдѣлъ библіографіи и обзоръ печати.

Въ 1888 и 1889 году издавался военный журналъ «Армейскіе вопросы», сборники статей офицеровъ, подъ общей редакціей Д. Д. Кашкарова. Въ нихъ помѣщались статьи какъ историческаго содержанія, такъ и касающіяся современнаго положенія и строя военнаго сословія.

Не будетъ лишнимъ, а напротивъ нравственнымъ долгомъ, включить въ настоящій очеркъ выходившій съ 1905 по 1913 г. внѣ Иркутска, а именно въ Петербургѣ, журналъ «Сибирскіе вопросы», издававшійся В. П. Сукачевымъ, подъ редакціей сперва прив.-доц. П. М. Головачева, а позднѣе А. И. Иванчина-Писарева, посвященный вопросамъ жизни Сибири.

Въ 1905 г. вышелъ № 1 его, въ видѣ періодическаго сборника; въ предисловіи редакціи, между прочимъ, сказано:

«Въ періодъ тяжелаго кризиса, который теперь переживаетъ Сибирь «Сибирскіе Вопросы» имѣютъ въ виду предложить рядъ статей програмнаго характера, написанныхъ спеціалистами. «Сиб. Вопр.» будутъ стремиться къ тому, чтобы ихъ читатели въ сжатомъ изложеніи познакомились съ выводами и важнѣйшими фактами по каждому данному пункту, имѣющими для Сибири въ настоящее время особенно серьезное значеніе. Такъ какъ для Сибири теперь на первомъ планѣ стоятъ вопросы экономическіе, общественно-правовые, то естественно, что въ первыхъ выпускахъ сборниковъ имъ и будетъ пока отдаваться преимущество. Приступая къ изданію «Сибирскихъ Вопросовъ» издатель и редакторъ надѣются на вниманіе тѣхъ активныхъ элементовъ сибирскаго общества, которые будутъ принимать непосредственное участіе въ дѣлѣ мѣстныхъ реформъ; той мыслящей части сибирскаго населенія, которая заинтересуется реформами и создастъ для нихъ контролирующую силу общественнаго мнѣнія; сибирской печати, которая популяризируетъ въ широкихъ кругахъ читающей публики взгляды и положенія спеціалистовъ, о привлеченіи которыхъ всегда будетъ стараться редакція «Сиб. Воп.»; наконецъ, они разсчитываютъ на содѣйствіе тѣхъ знатоковъ Сибири, которые желаютъ и могутъ дѣлиться съ публикой результатами своихъ

наблюденій и размышленій.—При отсутствіи въ Сибири организованной общественной силы, которая могла бы имѣть направляющее значеніе, печать можетъ сыграть теперь весьма важную и полезную роль. Къ сожалѣнію, односторонняя, невѣжественная и подчиненная худшимъ мѣстнымъ вліяніямъ сибирская цензура совершенно парализуетъ мѣстную печать. Но этому давно уже обнаружилась потребность въ самостоятельномъ сибирскомъ органѣ, который бы стоялъ внѣ пагубнаго вліянія сибирской цензуры.»

Въ началѣ 1906 года вышелъ № 2 «Сибир. Вопросовъ», тоже въ видѣ періодическаго сборника, а съ 1 іюля они начали выходить ежемѣсячно. Надежды редакціи оправдались, она сумѣла привлечь къ себѣ многихъ сотрудниковъ, статьи которыхъ придавали большой интересъ журналу, обсуждая текущіе моменты жизни Сибири, благодаря чему онъ въ скоромъ времени сталъ пользоваться симпатіями сибиряковъ, тѣмъ болѣе, что, имѣя корреспондентовъ во всѣхъ мѣстахъ обширной Сибири, никогда не отказывалъ въ напечатаніи этихъ сообщеній, зачастую излагавшихъ такіе факты, которые не могли быть приняты провинціальной газетой.

Съ 1 іюля 1907 года, послѣ закрытія многихъ сибирскихъ газетъ и крайне стѣснительнаго положенія уцѣлѣвшихъ подъ давленіемъ мѣстной администраціи, «Спб. Вопросы» открыли обширный отдѣлъ корреспонденцій изъ городовъ Сибири: Томска, Иркутска, Омска, Тюмени, Тобольска, Читы, Барнаула, Новониколаевска, Красноярска, Владивостока, Благовѣщенска, Хабаровска, селъ, деревень и разныхъ мѣстъ. Принимая во вниманіе направленіе «Сиб. Воп.» и отведеніе журналомъ мѣста для пространнаго отдѣла корреспонденцій, каждый городъ Сибири считалъ этотъ журналъ почти своимъ. «Сибирскіе Вопросы» издавались семь лѣтъ. Въ январѣ 1913 г. на первомъ номерѣ изданіе прекратилось «по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ», какъ было объявлено редакціей.

Пережитый Россіей періодъ бурь 1905 года въ значительной степени отразился на періодической печати Иркутска, а именно, небывалымъ оживленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и небывалымъ разгромомъ ея. Съ введеніемъ въ Сибири усиленной охраны и военнаго положенія, начались злоключенія мѣстной печати; газеты закрывались, редакторы привлекались къ отвѣтственности, сажались въ тюрьму, редакціи уплачивали большіе штрафы. Существовали газеты день, недѣлю, мѣсяцъ. Закрываясь подъ однимъ названіемъ, они возрождались подъ другимъ,

съ новыми редакторами и издателями, тѣмъ болѣе, согласно новаго закона о печати 1905 года, для открытія новаго печатнаго органа не надо было ходатайствовать предъ министр. внутреннихъ дѣлъ, а только возбудить просьбу явочнымъ порядкомъ чрезъ мѣстную администрацію и разрѣшеніе выдавалось безпрепятственно.

Первой газетой по новымъ законамъ была разрѣшена въ концѣ 1905 г. А. И. Виноградову «Иркутскій Вѣстникъ», редакція которой поставила себѣ задачей достиженіе полной гражданской свободы всего населенія Россіи безъ различія національности и религіи и проведеніе въ мѣстную жизнь началъ этой свободы.

Съ 1906 года стали возникать газеты, посвященные профессіональнымъ вопросамъ, рабочей жизни, предвыборные, партійные, внѣпартійные, «американскаго типа» съ карикатурами, вечернія, понедѣльничныя, дешевыхъ объявленій, торгово-промышленныя, юмористическія, юдофобскія, театральныя, сатирическія, а нѣкоторыя—прямо таки «некорректнаго» содержанія и т. д.

Впослѣдствіи о всѣхъ выходившихъ съ 1906 г. по 1912 г. газетахъ, число которыхъ довольно внушительно, я имѣю въ виду написать особый подробный очеркъ; здѣсь же въ концѣ статьи приложенъ по возможности полный списокъ всей вообще періодической печати въ Иркутскѣ. съ 1857 года до нашихъ дней, съ указаніемъ времени начала изданія газетъ и прекращенія ихъ, и кто именно состояли редакторами и издателями. По этому списку возможно прослѣдить колебаніе выхода изданій и въ сказанный періодъ 1906—1912 г. г., здѣсь отмѣчены только тѣ изъ вышедшихъ послѣ 1906 года изданій, которыя существуютъ и въ настоящее время.

24 января 1906 г., какъ уже отмѣчено, была закрыта одна изъ старѣйшихъ газетъ «Восточное Обозрѣніе», выходившая 24 года, но вмѣсто ея 25 октября того-же года возникла «Сибирь», выходящая и посейчасъ. За время своего сравнительно недолгаго существованія «Сибирь» перемѣнила нѣсколько руководителей и, въ связи съ этимъ, измѣнялись и оттѣнки направленія этого, въ общемъ, прогрессивнаго органа печати.

Въ мартѣ 1907 г. стала выходить «Сибирская Заря», просуществовавшая пять лѣтъ.

Въ ноябрѣ 1911 года началъ издаваться «Сибирскій Архивъ», журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири. Сотрудники журнала работаютъ въ немъ безвозмездно, только ради сочувствія журналу, посвященному прошлому Сибири. Въ журналѣ, между прочимъ, помѣщены письма И. Д. Чер-

ского, Ядринцева, дневникъ Н. И. Витковскаго, матеріалы о пребываніи въ Сибири Чернышевскаго, Достоевскаго, декабристовъ, поляковъ повстанцевъ 1831 года, статьи по исторіи колонизаціи Амура, Сибирская и Усинская лѣтописи и т. п.

Съ января 1913 г. началъ издаваться «Иркутскій Хозяинъ»; журналъ посвященъ разработкѣ вопросовъ сельскаго хозяйства въ Иркутской губ.

Въ концѣ 1913 года Иркутская губернская архивная комиссія приступила къ изданію періодическихъ сборниковъ своихъ трудовъ. Между прочимъ, въ вышедшихъ трехъ выпускахъ помѣщены статьи: Матеріалы по исторіи Иркутска въ XVIII в., Московскія тріумфальныя ворота въ Иркутскѣ, Сибирскія архивы, Письма декабристовъ, Матеріалы по исторіи управленія Якутскимъ краемъ въ началѣ XIX ст., Матеріалы по народной медицинѣ, Исторія Иркутской мужской гимназіи съ 1805—1829 г. и т. д.

Съ сентября 1914 года, съ начала войны, издается газета «Иркутская Жизнь».

Съ 17 января 1916 г. издается «Иркутскій Кооператоръ», общественно-экономическій и литературный журналъ, посвященный вопросамъ кооперацiи всѣхъ видовъ.

21 августа вышелъ первый номеръ журнала «Багульникъ».

Въ настоящее время въ Иркутскѣ издаются:

1) «Сибирь», 2) «Иркутская Жизнь», 3) «Губернскія Вѣдомости», 4) «Епархіальныя Вѣдомости», 5) «Вѣст. Заб. Жел. Дор.», 6) «Вѣстникъ Городского Общественнаго Управленія», 7) «Иркутскій кооператоръ», 8) «Иркутскій Хозяинъ», 9) „Наблюденія Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи», 10) «Извѣстія Общества Потребителей Забайкальской Желѣзной Дороги», 11) «Извѣстія В.—Сиб. Отдѣла Геог. Общества», 12) «Труды Иркутской Ученой Архивной Комиссіи», 13) «Дѣловая Сибирь», 14) «Сибирская Лѣтопись», (онъ же «Сибирскій Архивъ»), 15) «Багульникъ», 16) «Врачебно-санитарная Хроника» (при «Вѣстникѣ Городского Общественнаго Управленія»), 17) «Труды В.-С. Отдѣла Геогр. О-ва».*

---

*) При составленіи настоящей статьи я пользовался, какъ источниками, той же періодической печатью; къ сожалѣнію, не имѣю возможности проставить точную цитацію, такъ какъ при собираніи матеріаловъ въ черновикахъ не отмѣчалъ.

СПИСОКЪ

*изданій періодической печати гор. Иркутска съ 1857 года. (Отмѣченныя звѣздочкой * издаются въ настоящее время).*

Годъ	Наименованіе газетъ и журналовъ.	Направленіе изданій и характеръ ихъ	Начало изданія газеты и время прекращенія	Редакторы и издатели	Типографіи
1857	*Иркутскія Губернскія Вѣдомости.	Еженедѣльная оффиціальная газета.	№ 1—16 мая.	Ред. Н. А. Спѣшневъ. 11 марта 1859 г. М. Загоскинъ. 23 января 1860 г. С. Щаповъ (оффиціальн. отдѣлъ), М. Масловскій (неоффиціальный отдѣлъ). Въ дальнѣйшемъ редакторами начальники газетнаго стола.	Губернская типографія (въ 1879—1880 г.) въ т. Синицын.

Примѣчаніе. При составленіи настоящаго списка я имѣлъ не всѣ перепменованныя здѣсь изданія, большинство изъ нихъ, особенно выходившіе короткій срокъ, представляютъ собой библіографическую рѣдкость Многіе указанія извлечены со страницъ мѣстныхъ газетъ за истекшіе годы. Время начала выхода и окончанія изданія нѣкоторыхъ газетъ не установлено, равно и сколько именно номеровъ было выпущено.

1860	Амуръ.	Еженедѣльное изданіе, посвященное Амурскому вопросу.	Январь. Прекращ. въ апрѣлѣ 1862 г.	Ред. М. В. Загоскинъ	Тип. Штаба Округа.
1863	Иркутскія Епархіальныя вѣдомости.	Журналъ, посвященный вопросамъ духовнаго вѣдомства Иркутской епархіи.	Январь.	Ред. 1863 г. прот. П.В. Громовъ; 1871 арх. Модестъ; 1878 г. арх. Григорій; 1888 г. прот. Виноградовъ; 1895 г. арх. Евсевій; 1897 г. св. Подгорбунскій; 1904 год. арх. Никонъ; 1906 г. св. І. Дровдовъ; 1915 г. арх. Софроній и св. І. Дроздовъ.	Губерн. тип.
1864	Сибирскій Вѣстникъ.	Литератур. политич. газета.	№ 1—3-го сентября, прекратился въ 1866 г.(въ іюлѣ былъ № 3).	Ред. Б. А. Милютинъ.	
1864	Записки Сибирск. Отд. Имп. Русск. Географ. О-ва, съ 1886 года — Восточно-Сибирскаго.	Періодическое изданіе, вышло 23 тома. Первые пять томовъ въ 1856—58 г. печатались въ Петербургѣ.	Съ 1897 г. вмѣсто Записокъ выходятъ Труды отдѣла.	Е. И. Ламанскій, И. С. Сельскій, Н. А. Верхиловъ, А. А. Сгибневъ, 1864 г. М. В. Загоскинъ, 1865 г. Н. И. Кашинъ, 1886 г. М. Я. Писа-	Тип. Ирк. Шт., Синицына. „Вост. Обозр.“ Витковской.

				ревъ, 1889 г. Г. Н. Потанинъ, съ 1890 г. правители отдѣла.	
1870	*Извѣстія Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. О-ва, съ 1878 года Восточно-Сибирскаго.	Учено-литературный журналъ.		1870 г. А. Ѳ. Усольцевъ, 1878 г. М. В. Загоскинъ, 1881 г. Н. Н. Агапитовъ, 1885 г. М. Я. Писаревъ, 1887 г. правитель дѣлъ.	Тип. Н. Синицына.**
1873	Сибирь.	Обществ.-литерат. газета	4 января № 1-й. Пріостановлена 16 марта 1880 г. Возобновлена 1 янв. 1881 г. Прекратилась 14 іюня 1887 года.	1873 г. ред.-издат. Клиндеръ, 1875 г. ред.-изд. В. И. Вагинъ (№ 1 29 іюня) издат. А. Нестеровъ. 1879 г. ред. Тюменцевъ, 1880 г. ред. Блоковъ, 1881 г. ред. Загоскинъ.	Тип. Н. Н. Синицына.
1881	Циркуляры по В.-Сибирск. учебнымъ заведеніямъ.	Ежемѣсячное оффиціальное изданіе.	Январь. Прекращены въ 1906 году.	Главный Инсп. училищъ Восточн. Сибири Ф. Рудаковъ 1883 г., Н. Раевскій	Тип. Штаба. Тип. Сизыхъ.

**) Съ 1886 г. тип. газ. «Сибирь», съ 1889 г. тип. газеты «Восточное Обозрѣніе», 1891 г. К. І. Витковской, 1894 г. П. И. Макушина, 1902 г. Макушина и Посохина, 1910 г. т-ва Печатнаго Дѣла.

				1885 г., И. Румовъ 1888 г., Татлинъ 1889; далѣе—по распоряженію Главн. Инспектора.	
	Бюллетени Сибирскаго телеграфнаго агенства.		1 марта.		При тип. газ. «Сибирь» литографированнымъ способомъ.
1882	Восточное Обозрѣніе.	Газ. литературная и политическая, еженедѣльная.	Начала издаваться въ Петербургѣ, съ 1888 г. переведена въ Иркутскъ. Прекратилась 26 янв. 1906 года.	1882 г. Н. М. Ядринцевъ, 1889 г. В. А. Ошурковъ, А. Н. Ушаковъ, И. Г. Шешуповъ, 1895 г. И. И. Поповъ.	Тип. „Восточн. Обозрѣнія".
	Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агенства.		8 августа.		Въ литограф. Н. Н. Синицына.
1885	Сибирскій сборникъ.	Издавался редакціей «Восточн. Обозрѣнія»	Выходилъ до 1905 года.	1885 г. И. Г. Шешуновъ, 1894 г. И. И. Поповъ.	
1886	Извѣстія Иркутской Городской Думы.	Ежемѣс. журналъ по городскимъ вопросамъ.	Январь, съ іюля 1913 г. преобразованъ въ «Вѣстникъ	Ред. город. головы: В. П. Сукачевъ; 1897 г. В. В. Жар-	Тип. Синицына.

			Городскаго Общественнаго Управленія».	никовъ, 1902 г. Б. П. Шостаковичъ, 1903 г. П. Я. Горяевъ, 1905 г. А. А. Юзефовичъ, 1907 г. И. Ф. Исцѣленновъ, 1910 г. К. М. Жбановъ.	
1888	Армейскіе Вопросы.	Журналъ статей офицеровъ	Прекратился въ 1889 году.	Ред.-изд. Д. Д. Кашкаровъ.	Тип. Макушина.
1893	Наблюденія метеорологической и магнитной обсерват. въ Иркутскѣ			Подъ редакціей директора обсерваторіи.	Съ 1914 г. въ тип. Макушина и Посохина
1897	*Труды Вост-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Ов-а.	Періодическіе сборники.	1897. 1898, 1900, 1901, 1903. 1911, 1914 и 1915.	А. В. Вознесенскій, И. А. Подгорбунскій, Г. Н. Потанинъ, И. И. Серебренниковъ.	Тип. Макушина, тип. Сизыхъ, тип. Казанцева.
1901	Общія Циркулярныя увѣдомленія Заб. Желѣзн. Дороги.		20 марта. Когда прекратились неизвѣстно.		

1905	Сибирскіе Вопросы. *Примѣч.*	Журналъ, посвященный вопросамъ Сибири	Выходили до января 1913 г. въ Петербургѣ.	Ред. изд. В. П. Сукачевъ, 1906 г. П. М. Головачевъ, 1909 г. Иванчинъ-Писаревъ.	
	Иркутскій Вѣстникъ.	Ежедневно. Прогрессивная, внѣ-партійн. газета.	3 декабря. Прекратился 20 мая 1906 г. на № 126.	Ред.-изд. А. И. Виноградовъ.	Тип. Лейбовича.
1906	Семафоръ.	Журналъ издавался желѣзно-дорожными служащими.	Вышло номера два	Ред. А. И. Ивановъ	
	Восточное Обозрѣніе.	Общественно-политическая и литературная газета.	№№ 1—19, до 24 января.	Ред.-изд. И. И. Поповъ, редакторъ И. С. Фатѣевъ.	Тип. Казанцева
	Сибирское Обозрѣніе.		№№ 1—111, 4 февр.—18 іюня.	Ред.-изд. П. Я. Манъ	Тоже.
	Молодая Сибирь.		№ 1, 20 іюня (конфискованъ.	Ред.-изд. Н. Н. Соловьевъ.	Тоже

Примѣч.: В. П. Сукачевъ—иркутянинъ. Помѣщенъ въ настоящемъ спискѣ въ виду того, что этотъ журналъ былъ посвященъ только вопросамъ Сибири

1906	Агентскія телеграммы.	Общественно-политическія и литературныя газеты.	№№ 1—7, 22—29 іюня.	Ред.-изд. М. О. Милашевичъ.	Тип. Казанцева.
	Восточный Край.		№№ 1—33, 1 іюля—8 августа.	Ред.-изд. А. Н. Варенцовъ.	Тоже.
	Восточная Сибирь.		№№ 1—17, 20 августа—10 сент.	Ред. Д. Бауэрбергъ, изд. И. Казанцевъ.	Тоже.
	Сибирская Газета.		№№ 1—83, 26 сентября—31 декабря.	Ред. А. Варенцовъ, изд. И. Казанцевъ.	Тоже.
	Сибирская Рѣчь.	Еженедѣльно. Органъ партіи народной свободы.	№ 1—неизв., 5 іюля—4 октября.	Ред.-изд. М. Черниховскій.	Тоже.
	*Сибирь.	Ежедневная, общественно-политическая и литературная газета.	№№ 1—58, 25 окт.—31 декабря.	Ред.-изд. М. Черниховскій.	Тоже.
	Сибирскія Театральныя Извѣстія.	Либретто оперъ, театральная хроника, извѣстія.	№ 1—26 сент.		
	Иркутская Справочная Театральная газета.		№ 1—20 октября		

Оводъ.	Еженед., иллюстр. журналъ политич. и обществ. сатиры.	№№ 1—19, 11 янв. —18 авг.	Ред.-изд. В. Талалаевъ.	Тип. Казанцева.
Паукъ.	Иллюстр., каррикат. литерат.-сатирическ. журналъ.	№№ 1—6, 18 окт.	Ред. изд. В. Талалаевъ.	Тип. Коковина
Сибирякъ.	Газ. Иркутскаго отдѣла русскаго собранія.	№№ 1—20, 7 іюля—декабрь.	Ред. г-жа Сяловская, съ № 4 Н. И. Ивановъ	Губерниск. типографія.
Жало.	Литер.-сатирическ. журналъ.	№№ 1—3, 23 авг.	Ред.-изд. В. П. Ямпольскій.	Тип. Лейбовича.
Торгово-Промышленный листокъ.	Ежедн. финанс.-экономическ., банковая, биржевая, торговая и промышленно-техническая газета	№ 1—1 іюля	Ред.-изд. А. И. Сеглинъ.	
Сибирская Почта.	Литерат.-политич. газ. съ отдѣломъ сатиры и каррикатуры.	№ 1—16 сент.	Ред.-изд. В. Талалаевъ.	Тип. Коковина.
Дѣло и трудъ.	Газета объявленій и справочн. свѣдѣній.	№№ 1—45, 1 ноября—14 янв. 1907 г.	Ред.-изд. И. С. Коковинъ.	Тип. Коковина.

1907	Сибирь.		Издается съ 25 октября 1906 года.	Янв.—ред.-изд. М. Черниховскій, 7 сент. ред. П. Ткаченко, изд. М. Сильвинская, 30 окт. ред. Сатовскій-Ржевскій, 20 декабря врем. ред. Н. Н. Варенцовъ.	Тип. Казанцева.
	Сибирская Газета.	Политическая, общественная и литературная.	№№ 1—57, 1 янв.—8 марта.	№№ 1—2 ред. А. Варенцовъ, съ № 3 ред. В. Дмитріевъ, изд. И. Казанцевъ.	Тоже.
	Сибирская Заря.	Тоже	13 марта—31 дек.	Ред.-изд. П. Титковъ.	Тип. Казанцева.
	Новости.	Ежедн., вечерняя прогрессивная газета.	№№ 1—93, 2 іюля—31 окт.	Ред.-изд О. Я. Виноградова.	Скоропечатня.
	Сибирскій Телеграфъ.	Ежедн., прогрес., обществ.-политич. и литерат. газета.	№№ 1—47, 20 дек.	Ред.-изд. П. Н. Сениловъ.	Скоропечатня.
	Балагуръ.	По субботамъ. Литерат., сатир. и обществ. журналъ (по временникъ).	№№ 1, 2—4, 5. Безъ указанія времени выхода. Въ 1908 году былъ одинъ № 1—6.	Редакт.-изд. М. А. Стожъ.	Тип.-лит Конкуренція.

	Сибиракъ.		№№ 1—30, 30 окт. Издается съ 7 іюля 1906 года.	Ред. И Запольскій, ред. Н И. Ивановъ.	Тип. Радина въ помѣщеніи русскаго собранія.
	Листокъ Ирк. Отд. общества мирнаго обновленія.		№ 1—1 марта.	Редакторы: И. Раевскій, А. Ивановъ, П. Карзаковъ.	Тип. И. С. Коковина.
	Торгова-Промышл. Листокъ.		Мартъ.		
	Пркутская Вечерняя Газета.				
1908	Сибирь.		Издается съ 25 окт. 1906 года.	Съ 1 янв.—ред. Бингеръ, изд. Соколовъ.	
	Сибирская Заря.	Полит., обществ. и литерат. съ иллюстр. приложеніемъ.	Издается съ 13 марта 1907 года.	Ред. П. Титковъ, изд. А. Попова.	
	Сибирскій Телеграфъ.	Тоже.	№№ 48—66. Январь.	Ред.-изд. П. Н. Сепиловъ.	Тип. Лейбовича.
	Вѣстникъ Забайк. Жел. Дороги.	Оффиц. органъ Упр. Заб. жел. дор., еженедѣльно.	1 февраля.	Ред. Начальникъ дороги.	Тип. Посохина.
	Словцо.		17 марта.	Ред. изд Г. Г. Сатовскій-Ржевскій.	

	Сибирскій Альманахъ.	Юморист.-иллюстр. еженедѣльникъ.	№№ 1—3. Мартъ.	Ред. Гр. Норинъ, изд. Петръ Чечинъ.	Лит. Линкевича.
	Сибирская Врачебная газета.	Еженедѣльно, посв. медицинскимъ вопросамъ.	№№ 1—40, 1 апр.—30 декабря. Прекратилась въ іюлѣ 1914 г.	Ред. изд. П. И. Федоровъ.	
	Иркутскій листокъ.	Изданіе дешевыхъ объявленій, рекламъ и общественной жизни города.	№№ 1—21, 25 ноябрь—декабрь.	Ред.-изд А. Михайловъ.	Тип. Коковина.
1909	Сибирская Заря.	Полит., обществ. и литературн. газета.	Издается съ 13 марта 1907 года. №№ 1—86, 1 янв.—16 апр.	Ред. М. С. Стасевичъ, изд. А. Попова.	Тип. Лейбовича.
	Свѣдѣнія изъ газетъ Дальняго Востока.	Отчетнаго отдѣленія штаба Иркутскаго военнаго округа.	Январь.	Ген.-маіоръ Кузьминъ-Караваевъ.	Тип. Штаба Округа.
	Сибирское Утро.	Газета дешевыхъ объявленій.	№№ 1—169, мартъ—сент.	Ред.-изд. И. Погоржельскій.	Тип. Конкуренція.
	Восточная Заря.	Полит., общ. и литер. газета	№№ 1—210, 19 апрѣля—31 дек.	Ред.-изд. Р. А. Лейбовичъ, съ № 58 ред. К. А. Сѣверинъ, изд. Р. А. Лейбовичъ, съ 7 ноября ред. В. Т. Талалаевъ.	Тип Лейбовича.

	Русскій Востокъ. *Примѣч.*	Органъ союза русскаго народа.	№№ 1—160, 20 апр.—декабрь.	Ред.-изд. Л. П. Кожеуровъ.	А. Сизыхъ
	Огни.	Полит.-эконом., народно-общественная и литерат. газ. послѣ праздниковъ.	№ 1 - 6 мая.	Ред.-изд. Н. П. Войтенкова.	Тип. Мееровича.
	Сибирскій Понедѣльникъ.	Газета полит., обществ., литературн., илюстрированная, по понедѣльникамъ.	№№ 1—34, 11 мая-28 декабря.	Ред.-изд. П. Погоржельскій.	Конкуренція.
	Вѣсти Понедѣльника.	Еженед. политико-общественно-литературная и иллюстрир. газета «Американскаго типа».	№ 1—7 декабря.	Ред. Ф. Сенковскій. изд. Джевшневъ.	Лит. Конкуренція Мееровича
1910	*Врачебно-Санитарная Хроника.	Ежемѣсячный журналъ, посвящ. врачебно-санитарн. и ветеринари. вопрос., издается при „Изв. Гор. Думы.“	№ 1—12, янв.-дек.	Ред. гор санитари. врачъ Л. С. Зисманъ, ветер. отдѣлъ подъ ред. И. Ѳ. Астраханцева.	Тип. Окунева.

Примѣчаніе Изданіе перенесено изъ Никольска-Уссурійскаго.

Восточная Заря.		Издается съ 19 апр. 1909 г. № 1—280 1 янв.—9 декабря.	Ред. В. Т. Талалаевъ, изд Р. А Лейбовичъ, съ 7 марта изд. Борзаковскій.	Тип. Лейбовича. Тип. Борзаковскаго.
Вѣстникъ Понедѣльника.	Еженед., иллюстр. политич. обществ. и литературная газета.	№№ 1—22. 1 янв.—14 іюня.	Ред. А. Петровъ, изд. Р. Меерович, съ № 10 врем. ред.	Тип. Окружн Штаба, Меерович, литогр. Линкевича.
Сибирскій Понедѣльникъ.	Политич., обществ., литературная и сатирическая газета	№ 1—51. 11 янв.—20 декабря.	Ред. И. А. Погоржельскій.	Тип. Конкур.
Нашъ день.	Большая, еженед., полит., обществ. и литературная газета съ каррикатурами.	№№ 1—20 31 мая-1 ноября.	Ред.-изд. В П. Ямпольскій.	Тип. Коковина. лит. Линкевича.
Иркутская копѣйка.	Полит., общ., литер. и сатирич.	№№ 1—38, 1 ноября—14 декабря.	Ред. -изд. И. С. Коковинъ	Тип. Коковина
Сибирская мысль.	Общественная, политико-экономическая и литературная.	№№ 1—22, 15 ноября—9 декабря.	Ред. изд. В. М. Ровинскій.	Отд. тип Макушина.
Сибирская копѣйка.	Полит., экономическ. и литературная съ иллюстраціями по праздникамъ.	№№ 1—30, 18 ноября—декабрь.	Ред. изд. П. Татауровъ.	Эл.-тип. Меерович.

	Голосъ Сибири.	Обществ., политич. и литерат. газета.	№№ 1—18, 10—31 декабря.	Ред.-изд. Ц. И. Борзаковскій.	Тип. Борзаковскаго.
	Наша Мысль.	Обществ., политико-экономическая и литературная.	№№ 1—18, 11—31 декабря.	Ред.-изд. А. А. Михайловъ.	Отд. тип Макушина.
	Весна.	Журн. учениковъ 3-го класса 2-го коммерческ. училища.	Въ октябрѣ и ноябрѣ, издано 2 №№.	Подъ редакціей директора училища	Отпечатано на пишущей машинѣ.
1911	Сибирская Газета для всѣхъ (Сибирская копѣйка).	Еженедѣльно, приложеніе «Сибирскій еженедѣльникъ» иллюстриров., карикатур.	№ 1—1 января.	Ред.-изд. П. Татауровъ.	Тип. Мееровича, лит. Линкевича.
	Наша Мысль.	Обществ., полит.-эк. и литер. газета.	№№ 19—137, 1 янв.-1 іюня.	Ред.-изд. А. А. Михайловъ, съ № 70-го ред. П. И. Феденевъ, изд. т-во на вѣрѣ „Сибирск. Мысль".	Отд. тип. Макушина.
	Голосъ Сибири.	Газ. общ., полит., литерат.	№№ 1—295, 1 янв.-31 дек.	Ред.-издат. П. И. Борзаковскій.	Тип. Борзаковскаго.
	Сибирскіе Огни.	Газ. прогрессивная, внѣпартійная.	№№ 1—9, 4 апр.—30 мая.	Ред.-издат. В. М. Готскій-Даниловичъ.	Эл.-тип. Мееровича

Сибирская Мысль.	Общ., полит.-экон. и литерат. газета. Иллюстр. приложеніе съ каррикатур.	№№ 138—246, 2 іюня—16 окт.	Ред. П. П. Щепцовъ, изд. т-во «Сибирск. Мысль».	Отд. тип. Макушина.
Сибирская Рѣчь.	Газ. прогрессивная, внѣ партійная, по понедѣльникамъ	№№ 1—19, 20 іюня—24 окт.	Ред.-издат. Н. А. Шеркуновъ.	Тип. Конкуренція.
Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ.	Еженедѣльно.	№ 1—8, 25 окт.—декабрь, возобновл. въ 1912, 1913, 1914, 1915 г.	Ред. К. А. Эвенбахъ. издат. т-во «Трудъ и капиталъ».	Т-во печатнаго дѣла.
Иркутское Слово.	Газ прогресс., внѣпартійная, по понедѣльникамъ.	№№ 1—8, 31 окт.—27 декабря.	Ред.-издат. П. М. Рыжова.	Тип. Конкуренція.
*Сибирскій Архивъ.	Журн. археологіи, исторіи, геогр. и этнографіи Сиб., ежемѣс.	№ 1—ноябрь.	Ред.-издат. А. И. Линьковъ.	Тип. Окулева.
Сибирскія Отголоски.	Газ. прогресс., внѣпартійная.	№№ 1—3, 21 ноября—5 декабря.	Ред.-издат. П. З. Озерныхъ.	Эл.-тип. Серебренникова.
Вѣстникъ Иркутской Губ. гимназіи.	Лит.-худож. журналъ съ рисунками.	№ 1—октябрь.	Подъ ред. педаг. совѣта гимназіи.	Печатался на пишущей машинѣ.

1912	Голосъ Сибири.	Газ. общ., полит., литер.	№№ 296—383, 4 января—19 апр.	Ред. И. А. Чепаловъ, издат. П. М. Окуневъ, съ 1 февр. ред. А. И. Казачининъ, съ 23 марта П. М. Окуневъ.	Тип. Окунева.
	Иркутское Слово.	По понедѣльникамъ.	№№ 1—22, 2 янв.—28 мая.	Ред.-издат. П. М. Рыжова.	Коммерческая тип.
	Сибирскіе Отголоски.	Газ. прогресс. по понедѣльникамъ	№№ 1—6, 23 янв.—12 марта.	Ред.-издат. П. З. Озерныхъ.	Тип. Серебренникова.
			№ 1— 9 апрѣля.	Ред.-издат. А. К. Оборинъ.	
	Сибирскій Край.	Газ. полит., обществ. и литерат.	№№ 1—84, 21 апр.—9 августа.	Ред.-изд. А. И. Казачининъ, съ 31 мая ред. Н. А. Чепаловъ, изд. К. П. Окунева.	Тип. Окунева.
	Сибирскій журналъ для всѣхъ	Иллюстрир., литературно-юмористич., по воскресеньямъ.	№№ 1—3, 29 апр.—9 августа.	Ред.-издат. Н. А. Шевцовъ.	Лит. Линкевича.
	Запорожецъ съ Востока.	Газ. религіозная, военно-бытовая, политическая, праваго направленія, въ защиту православія,	№№ 1—2, 18 іюня, 26 сент., № 3 изданъ въ Петербургѣ 9 августа 1913 года.	Ред.-изд. Е. И. Данчопульская.	Коммерческая типогр.

	самодержавія и народности отъ внутр. и внѣшн. враговъ по духу запорожскаго войска, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ нашимъ.			
Подъ 52° сѣв. широты.	Журналъ учениць гимназіи А. М. Григорьевой.	Издавался въ теченіи 1912/13 и 1913/14 годовъ.	Подъ редакціей начальницы гимназіи.	Рукописный.
Сибирскія Вѣсти.	Газ. полит., общ. и литер.	№№ 1—112, 17 авг. —31 дек.	Ред. П. А. Чепаловъ, изд. К. П. Окунева, съ 10 окт. ред.-изд. К. П. Окунева.	Тип. Окунева.
Иркутскій Вѣстникъ.	Газ. полит., общест., церковн. и народной жизни. Ежедневно.	№№ 1—85, 15 авг.—9 декабря.	Ред. И. С. Климюкъ, изд. И. П. Феденевъ	Губерн. тип.
Молодая Сибирь.	Газ. обще-полит. и литерат., ежедневно.	№№ 1—50, 19 сентября—16 ноября.	Ред. К. Г. Евдокимовъ, изд. И. П. Феденевъ.	Коммерческая эл.-тип.
Новая Сибирь.	Газ. полит. и литер., ежедневно.	№№ 1—19, 6—30 декабря.	Ред. изд. А. П. Маркачевъ.	Коммерческая эл.-тип.

	Досуги юнкеровъ.	Изданіе Иркутскаго военнаго училища, ежемѣс.	№ 1—7, 1 іюня—декабрь; издавался въ 1913—1914 год.	Начальникъ училища.	Тип. Казанцева.
	Свѣдѣнія о государствахъ Дальняго Востока.	Обзоръ періодическ. печати. Ежемѣс. изд. для военныхъ.	Январь—декабрь.	Развѣдыв. отдѣленіе Штаба Иркутскаго военнаго округа.	Тип. Военн. Штаба.
	Вѣстн. Ирк. Губ. гимназіи. Съ рисунками перомъ и карандашемъ.	Литерат. труды воспит. гимназіи.	Издавался въ 1911 и 1912 годахъ.		Печатался на пишущей машинѣ.
1913	Сибирскія Вѣстн.	Газ. полит., общ. и литер.	№№ 1—78, 1 янв.—5 апрѣля.	Ред.-издат. К. П. Окунева.	Тип. Окунева
	Новая Сибирь.	Газ. общ.-полит. и литерат., ежедневно, кромѣ понедѣльник.	№№ 1—27, 1 янв.—1 февр.	Ред.-издат. А. П. Маркачевъ.	Коммерческая эл.-тип.
	*Иркутскій хозяинъ.	Ежемѣс. журн., посвященный сельскохозяйствен. вопрос.	№№ 1—12, янв.—декабрь.	Ред. губ. агрономъ Р. Ефимовъ.	Тип. Макушина.
	Голосъ Сибири.	Газ. общ., полит. и литер.	№№ 1—64, 6 апр.—28 іюня.	Ред.-издат. П. М. Окуневъ.	Тип Окунева.
	*Вѣстникъ Город. Общ. Управленія.	Реформированныя «Изв. Город. Думы.»	1 іюля.	Ред. гор. гол. К. М. Жбановъ, съ мая 1914 г. гор. голова И. М. Бобровскій.	Тип. Казанцева.

Гаудеамусъ.	Литер. и обществ. газета, посвящ. студенчеству.	№ 1—22 августа.	Ред.-издат. И. Г. Гольдбергъ	Тип. Казанцева.
Сибирская Недѣля.	Литерат., полит. и обществ. журналъ.	№№ 1—17. 8 сент. 22 декабря.	Ред И. З Озерныхъ изд. К. П. Окунева	Тип. Окунева.
Сибирскія Новости.	Общ.-полит. и лит. журналъ, ежедневно.	№№ 1—53, 1 окт — 3 декабря	Ред. О. Т. Рослякова, изд. В. С. Лебедевъ.	Коммерческая тип.
Иркутская газета.	По понедѣльникамъ	№№ 1—10, 21 окт.— 23 декабря.	Ред. И. Г. Гольдбергъ, изд. И Н. Алексѣевъ.	Тип. Бѣлоголоваго.
Сибирское Слово.	По понедѣльникамъ.	№ 1 - 28 октября (конфискованъ).	Ред. В. Я. Шевелевъ, изд. А. Е. Конѣкинъ.	Тип. Окунева.
Голосъ Иркутска.	Газета общественн. жизни.	№№ 1—5, 10—16 ноября.	Ред. К. Ѳ. Клюсъ, изд. И. П. Курбатовъ.	Тип. Макушина.
Новая Сибирь.	По понедѣльникамъ	№№ 1—4, 11 нояб.- 2 декабря.	Ред.-издат. А. П. Маркачевъ.	Тип. Окунева.
Новое Сибирское Слово.	По понедѣльникамъ.	№ 1—9 декабря.	Ред.-издат. И. А. Германовъ.	Тип. Окунева.
Труды Иркутской Ученой Архив. Комиссіи.	Журналъ посвященъ разработкѣ историч. матеріаловъ.	№№ 1—3.	Ред. І. Дроздовъ.	Тип. Воени. Штаба.

	Сибирскія Извѣстія.	Газ. полит., экоиом., народно-обществ. и литерат., еженедѣльно	№ 1 –6 декабря.	Ред.-изд. С. П. Крыловъ.	Тип. Окунева.
	Дальній Востокъ.	Свѣд. изъ періодическ. печати, преимущественно заграничной, еженедѣльн. изданіе для военныхъ.	№№ 1—52, январь—декабрь.	Штабъ Ирк. воен. округа.	Тип. Военн. Штаба.
	Сборникъ литер. опытовъ учениковъ Ирк. мужск. гимназіи.		Вышло два выпуска въ февралѣ и нояб.	Съ разрѣш. директ. гимназіи	Тип. Окунева, Губ. тип.
1914	Сибирская недѣля.	Литерат.-полит. и обществ. журналъ.	№№ 18—23, 1 января—30 марта.	Ред. П. З Озерныхъ, изд. К. П. Окунева.	Тип Окунева.
	Татьянинъ день.	Студенческая газ.	№ 1—11 января.	Редакт. Н. Н. Соловьевъ.	Тип. Казанцева.
	Бѣлый цвѣтокъ.	Изд. О-ва борьбы съ туберкулезомъ въ Иркутск. губ.	№1—29 апр. 1914 г. №2—22 апр.1915 г. № 1—20 мая 1916 г.	Ред. Б. И. Кауфманъ. Редакт. П. И. Федоровъ.	Тип. Окунева.
	Иркутскій хозяинъ.		№№ 1—6, іюль—декабрь.	Ред. В. П. Кокоулинъ.	Тип. Бѣлоголоваго.

*Метеорологическіе бюллетени Иркут. магн.-метеор. обсерваторіи.		Май.	Ред.-директоръ обсерваторіи.	Тип. Макушина и Посохина, картогр. зав. Михеева.
*Наблюденія Иркут. магнитно-метеорол. обсерваторіи и метеоролог. станціи к ея раіона.			Подъ редакціей директора обсерваторіи А. В. Вознесенскаго.	Тип.-лит Макушина и Посохина.
Вечерняя газета	Листокъ телеграммъ и объявленій.	№ 1 — 3 августа (конфискованъ).	Ред.-изд. В. Н. Забиранникъ.	Тип. Окунева.
Сибирскій Телеграфъ.		№ 1—августъ (конфискованъ).	Ред.-изд. В. Н. Забиранникъ.	Тип. Окунева.
*Иркутская Жизнь.	Полит., литерат. и экономич. газета.	№ 1—5 сентября.	Ред. Я. Я. Сизыхъ, изд. Иркут. издат. т-во.	Тип. Макушина.
Сибирскій Журналъ.	Обществ., политич. журналъ.	№ 1—10 декабря (конфискованъ).	Ред.-изд. П. Ф. Тараданова.	Тип. Окунева.
Дальній Востокъ	Еженедѣльно.	№ 31, августъ.		Тип.-лит. Штаба Округа
Иркутская незабудка.	Юмористич. журн.	№№ 1, 2—14 и 21 дек.	Ред.-изд. А. Н. Варенцовъ.	Тип. Казанцева.
Сибирское Обозрѣніе.		№ 1—17 декабря (конфискованъ).		Тип. Окунева.

	Досуги юнкеровъ.		№№ 19—22. Прекращены въ августѣ.		Тип. Казанцева.
	Проблески.	Сочиненія учениковъ Промышленнаго училища		Съ разрѣш. директ. училища.	Тип. Бѣлоголового.
	Первый подснѣжникъ.	Сборникъ литерат. произведеній ученик. Иркутской мужской гимназіи.	Апрѣль.	Съ разрѣшенія директ. гимназіи.	Гу . тип.
1915	Сибирское обозрѣніе.		№ 1—1 января (конфискованъ).	Ред.-изд. Е. С. Ромасъ.	Тип. Окупева.
	Татьянинъ день.	Студенческая газета	№ 1—12 января (конфискованъ).		
	Народная Сибирь.	Еженедѣльная, внѣпартійная, прогрессивная.	№№ 1—11, 25 янв.—5 апрѣля.	Ред. Ѳ. Г. Ширяевъ, изд. П. И. Федоровъ.	Тип. Казанцева.
	Иркутская незабудка.		№№ 3—14, 1 марта—13 сент.	Ред.-издат. К. В. Кацъ (Дубровскій).	Тип. Казанцева.
	Отголоски жизни.	Еженедѣльн., внѣпартійная, прогрес.	№№ 1—6, 20 мая—19 іюля.	Ред. А. В. Цимбаревичъ, изд. Н. Н. Алексѣевъ.	Эл.-тип. Бѣлоголового
	Иркутское Жало.	Литер.-юмористич. журналъ.	№№ 1—11, 8 іюля—8 ноября	Ред.-изд. А. В. Сапырэ.	Тип. Окупева.

	Юныя писательницы.	Журн. учен. 4 кл. гимназіи А. М. Григорьевой.	Издавался въ 1915—16 уч. году.	Подъ редакціей начальницы гимназіи.	Рукописный
	Весенніе цвѣты.	Тоже, учен. 5 клас.	Тоже.	Тоже.	Рукописный.
1916	*Извѣстія О-ва Потребителей Служ. Заб. Ж. дор.	Кооператив. журналъ.	№ 1—12 января.		
	*Иркутскій кооператоръ.	Общ.-экономич. и литерат. журналъ, посвящ. вопросамъ кооперацiи всѣхъ вид.	№ 1—17 января.	Ред. Н. М. Садовниковъ, изд. И. В. Соловьевъ.	Тип. Казанцева.
	*Дѣловая Сибирь.	Еженедѣльная газета.	№ 1—21 марта.	Ред.-изд. Г. М. Мельниченко.	Губ. тип.
	Багульникъ.	Лит.-общественный и сатирическій журн.	№ 1—21 августа.	Ред.-изд. А. И. Миталь.	Коммерческая эл.-тип.
	*Сибирская лѣтопись.	«Сибирскій Архивъ», преобразованный введеніемъотдѣловъ культуры и общественности Сибири.	№ 6—8, 5 октября.	Ред.-издат. А. И. Линьковъ.	Тип. Окунева.

М. П. Овчинниковъ.

Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній.

III.

Тотлебеновское дѣло.

Мнѣ теперь 71 годъ, скоро стукнетъ 40 лѣтъ моего невольнаго и вольнаго проживанья въ Сибири На старости лѣтъ все чаще и чаще въ полѣ сознанія выплываютъ картины прошлаго, особенно тѣхъ дней, когда я работалъ въ партіи народной воли. Это были годы какого то глубокаго увлеченія опредѣленными идеями; не будетъ ошибки, если я скажу, что моя тогдашняя жизнь была жизнью энтузіаста, для котораго ничего въ мірѣ не было другого, какъ только интересы своей партіи. Возможно, что такое страстное увлеченіе и является причиной того, что событія, имѣвшія мѣсто въ 70 и въ началѣ 80 годовъ, мнѣ представляются какъ будто вчерашними. Я отлично помню своихъ товарищей, ихъ и свои рѣчи, детально возстановляю подробности событій. Порой мнѣ кажется, что я снова переживаю интересные моменты своей мятежной молодости.

Естественно, конечно, что появляется часто искушеніе взяться за перо и разсказать о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ я принималъ непосредственное участіе. Искушеніе тѣмъ болѣе сильно, что въ народовольческой литературѣ объ этихъ дѣлахъ или совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, или же только имѣются упоминанія и даже одни намеки. Взять хотя бы и Тотлебеновское дѣло; объ немъ я встрѣчалъ только краткое сообщеніе, что въ 1882 году подготовлялось покушеніе на гр. Тотлебена. И больше ничего. Подготовка покушенія была возложена исполнительнымъ комитетомъ партіи народной воли на меня. Объ этомъ я сейчасъ и разскажу.

Въ концѣ января или въ началѣ февраля 1882 года я получилъ коротенькую записочку изъ Москвы, писанную нетвердымъ, будто женскимъ, почеркомъ, въ которой особа женскаго сословія, моя старая пріятельница, сообщала, что она желала бы видѣть меня въ Москвѣ и жить попрежнему, попріятельски, а потому и просила меня какъ можно скорѣе пріѣхать въ Бѣлокаменную и временно остановиться въ одномъ изъ номеровъ гостинницы вблизи Московско-Брестскаго вокзала,—гдѣ мнѣ будетъ тепло и хорошо.

Осторожно разрѣзалъ конвертъ и внутреннюю сторону его смазалъ растворомъ полутара-хлористаго желѣза; появи-

лись слова: «пріѣзжай поскорѣе; очень нужно. Василій Петровичъ». Это псевдонимъ М. Ѳ. Грачевскаго. Въ это время я жилъ въ Минскѣ въ гостинницѣ, которую содержалъ братъ Геси Гельфманъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ полученія письма, я поспѣшно собрался и уѣхалъ въ Москву, при чемъ забылъ модный сюртукъ Богдановича, висѣвшій въ прихожей номера.

Пріѣзжаю въ Москву. Остановился именно въ той гостинницѣ, гдѣ было указано. Не успѣлъ, по русскому обычаю, съ дороги чаю напиться, какъ въ номеръ тихо кто-то постучался и попросилъ позволенія войти. На это отвѣтилъ обычное: «войдите». Вошелъ господинъ высокаго роста, повидимому изъ военныхъ, съ рыжими бакенами, которыя въ общежитіи называются «котлетками», и отрекомендовался содержателемъ гостинницы.

Какъ потомъ я выяснилъ, это былъ отставной полицейскій приставъ, выгнанный со службы за какія то художества, и теперь продолжавшій службу по полиціи лишь въ качествѣ секретнаго сыщика.

— Отставной штабсъ-капитанъ Городецкій,—въ свою очередь рекомендуюсь я.

— Очень пріятно, очень пріятно поближе съ вами познакомится,—сказалъ мнѣ содержатель гостинницы,—вѣдь, знаете, я тоже изъ военныхъ и тоже офицеръ, служилъ въ 36 пѣхотной дивизіи; потомъ я вышелъ въ отставку, былъ приставомъ здѣсь въ Москвѣ, годъ тому назадъ промѣнялъ полицейскую службу на частную и вотъ занялся теперь гостинницей. А, позвольте спросить, вы гдѣ изволили служить?

— Въ Иркутскомъ полку, 22 пѣхотной дивизіи.

— Разрѣшите посмотрѣть вашъ документикъ,—сказалъ мнѣ изысканно вѣжливо содержатель гостинницы.—У насъ, знаете, въ Москвѣ на счетъ паспортовъ очень строго, особенно строгости усилились послѣ 1 марта прошлаго года. Знаете ли,—продолжалъ онъ,—мы обязаны подпиской предъявлять паспорта пріѣзжихъ въ полицію въ теченіи 24-хъ часовъ.

Я подалъ указъ объ отставкѣ, выданный изъ полка. Указъ былъ сдѣланъ артистически; печать была приложена подлинная, подписи командира полка, адъютанта и дѣлопроизводителя поддѣланы были также превосходно, и, я думаю, если бы указъ былъ предъявленъ этимъ лицамъ, то, несомнѣнно, они признали бы его за подлинный.

Бывшій приставъ прочиталъ внимательно указъ, осмотрѣлъ оборотную сторону и, не замѣтивъ полицейскаго штемпеля, спросилъ:

— Да онъ у васъ нигдѣ не явленъ?

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ я,—но, обратите вниманіе, въ отставку я вышелъ только въ концѣ декабря 1881 года, жилъ на отдыхѣ въ своемъ имѣніи, такъ что не успѣлъ еще исполнить разныя формальности, да кромѣ того, въ деревнѣ кому тамъ предъявлять указъ, а вотъ у васъ въ Москвѣ я покорнѣйше просилъ бы предъявить его полиціи.

— А вы долго у насъ погостите?

— Не болѣе 2—3 дней.

— Ну, такъ зачѣмъ предъявлять, не стоитъ; вотъ если бы вы представляли изъ себя что-нибудь подозрительное, вродѣ террориста или мошенника какого, я вашъ паспортъ обязательно предъявилъ бы и даже попросилъ бы телеграфировать въ то мѣсто, откуда вы пріѣхали. Знаете ли, у насъ въ полиціи на этотъ счетъ есть секретныя распоряженія, въ какихъ случаяхъ и когда именно нужно справляться о подлинности паспортовъ и людей,—продолжалъ говорить бывшій приставъ.—А не угодно ли вамъ, г. штабсъ-капитанъ, посѣтить мою квартиру,—закончилъ онъ,—у меня сегодня гости; можетъ быть, желаете перекинуться, знаете, на право—налѣво, или въ 3 листика, или въ преферансикъ, рюмочку съ дорожки перехватить....

— Благодарю,—отвѣчалъ я,—у меня сейчасъ и денегъ не особенно много, а вотъ когда запродамъ хлѣбъ вашимъ купцамъ, тогда, пожалуй, а сейчасъ не могу, усталъ съ дороги и спать хочу.

Прощаясь съ бывшимъ приставомъ, я сказалъ, что послѣ завтра мнѣ, вѣроятно, потребуется указъ, потому что придется заключать съ торговцами предварительное условіе о запродажѣ зерна и муки.

— А почему вы на мѣстѣ не продали хлѣбъ?

— Помилуйте, зачѣмъ я буду продавать евреямъ за безцѣнокъ, когда я самъ непосредственно могу въ первыя руки продать.

— Вижу въ васъ хорошаго хозяина,—сказалъ мнѣ одобрительно приставъ и довольно пристально посмотрѣлъ на меня.

На другой день я занялся розысками Грачевскаго, потому что адресовъ своихъ народовольцы никому не давали, а особенно живущимъ не въ Москвѣ, да и тамъ знали квартиры только очень немногіе, 3—4 человѣка. Наконецъ, вечеромъ мнѣ сказали, что Грачевскій будетъ меня ждать въ 7 часовъ вечера въ ресторанѣ „Славянскій Базаръ“, и чтобы я одѣлся какъ можно лучше, потому что тамъ бываетъ из-

бранная публика, гдѣ чай стоилъ 40 коп., бутылка пива 35 коп.

Какъ сейчасъ помню, войдя въ ресторанъ, я поднялся по лѣстницѣ наверхъ, вошелъ въ залъ и здѣсь, направо за столикомъ, увидѣлъ М. Ѳ. Грачевскаго, который спокойно пилъ чай. Я сѣлъ за тотъ же столикъ, противъ Грачевскаго, и также спросилъ чаю.

Черезъ полчаса мы вышли на улицу и направились на Страстной бульваръ. Дорогой я напалъ на Грачевскаго:

— Какъ же ты могъ мнѣ рекомендовать для остановки полицейскій участокъ?

— Какой участокъ?

— Да гостиницу, которую содержитъ бывшая полицейская крыса.

Заморгало у Грачевскаго лѣвое вѣко, появилось подергиваніе нервовъ на лицѣ...*) Вдругъ онъ громко засмѣялся.

— Чудакъ ты, чудакъ, пойми, что это самая надежная гостиница для нашего брата, а для такихъ, какъ ты, въ особенности.

— Ты съ ума сошелъ, старый пріятель,—возразилъ я,—да вѣдь приставъ то вчера произвелъ цѣлое полицейское дознаніе насчетъ моей личности.

— Ну, и что же?

— Ничего. Навралъ съ три короба, приставъ принялъ все это за чистую монету, тѣмъ дѣло и кончилось.

— Ну, вотъ видишь: все благополучно,—сказалъ самодовольно Грачевскій.—Я самъ иногда останавливался въ этой гостиницѣ. Бывало, пригласишь этого пристава къ себѣ въ номеръ, закажешь полбутылки коньяку и полбутылки «смирновки» и предложишь ему выпить. Онъ, повидимому, всегда только и ждетъ этого. А послѣ выпивки, извѣстно, бывшій приставъ составитъ самое лестное мнѣніе о моей политической благонадежности. Какой же,—подумаетъ онъ—революціонеръ я, когда пью коньякъ и смирновку. Мы, братъ, живемъ въ такое тяжелое время,—продолжалъ Грачевскій,—когда пьянство, дебоширство, воровство, картежная игра и другія подобныя прелести служатъ вѣрнымъ аттестатомъ политической зрѣлости и благонадежности. Вотъ чего требуетъ теперь отъ русскаго гражданина Д. А. Толстой, М. Н. Катковъ и департаментъ полиціи. Теперь понимаешь, почему я рекомендовалъ тебѣ гостиницу пристава. Центральныя же гостиницы въ сто разъ опаснѣе для нелегальныхъ: тамъ

*) У Грачевскаго, вслѣдствіи отравленія кислотами во время приготовленія взрывчатыхъ веществъ, случился параличъ вѣкъ и личныхъ нервовъ. *М. О.*

шейцаръ непремѣнно охранникъ, въ конторѣ охранникъ, прислуга также, не говоря уже о дворникахъ. Впрочемъ, это все пустяки. Мнѣ нужно съ тобой поговорить о серьезномъ дѣлѣ, по которому ты вызванъ въ Москву. Ты, навѣрное, знаешь уже, что Тотлебенъ повѣсилъ Ковальскаго и многихъ другихъ, а затѣмъ провезъ, при помощи своего соратника Панютина, массовыя высылки изъ Одессы въ Восточную Сибирь лицъ, причастныхъ къ революціи и даже невинныхъ. Исполнительный комитетъ этого господина не забываетъ и давно постановилъ изъять его изъ обращенія. Организацію этого дѣла комитетъ поручаетъ тебѣ. Завтра, въ 12 часовъ дня, ты получишь детальную инструкцію въ томъ же ресторанѣ, гдѣ мы были сегодня, отъ одного господина, а чтобы ты не ошибся, я опишу его примѣты. Вотъ онѣ: невысокаго роста, бритый подбородокъ, черныя «котлеты», густые волосы; онъ будетъ сидѣть въ углу, направо отъ входа, въ той именно комнатѣ, гдѣ играетъ машина; ты сядь за столъ противъ него. Господинъ подойдетъ къ тебѣ и скажетъ: «я — знакомый Василья Петровича»; а ты скажи: «меня къ вамъ направилъ Михайло Федоровичъ (Богдановичъ) машину послушать». Затѣмъ, ты подзови шестерку (полового), дай ему 20 коп. и вели завести машину, пускай она поиграетъ: «Не бѣлы то снѣжки въ полѣ забѣлѣлись». Въ это время народу бываетъ мало и подъ шумъ машины можно говорить сколько угодно, никто не подслушаетъ.

На другой день все произошло какъ по писанному; только господинъ, отъ котораго я долженъ былъ получить инструкцію, почему то сказалъ такъ:

— Я знаю, кто вы, но вы меня не знаете?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Я—Златопольскій.

Инструкція оказалась несложной, но выполненіе ея было довольно трудно. Оно заключалось въ наблюденіи за образомъ жизни Тотлебена: когда онъ гуляетъ, куда ѣздитъ, не ходитъ ли пѣшкомъ куда либо, не бываетъ ли въ общественныхъ собраніяхъ и проч.

— Вамъ лично, —сказалъ Златопольскій, — сдѣлать это трудно, но вы должны это поручить кому либо другому, однако съ тѣмъ, чтобы собирающіе свѣдѣнія не догадались, для чего и для кого это нужно! Кромѣ того, необходимо устроить конспиративную квартиру, гдѣ должна жить особа внѣ всякихъ подозрѣній въ политическомъ отношеніи. Мнѣ извѣстно, что у васъ въ Вильно есть такая квартира, гдѣ хранятся разные секретные документы партіи народной воли и типографскій

шрифтъ, но всего этого мало, необходима другая квартира, съ иной обстановкой, гдѣ бы можно было, на случай преслѣдованія со стороны полиціи, укрыться. Денегъ на расходы мы дадимъ, хотя ихъ сейчасъ и нѣтъ, но Грачевскій сегодня утромъ уѣхалъ за ними на югъ Россіи и скоро вернется. Всѣ свѣдѣнія, какія будутъ въ вашихъ рукахъ, вы, не довѣряя письму, должны сообщать исполнительному комитету только лично. Вамъ же собственно,—добавилъ Златопольскій,—ни подъ какимъ видомъ слѣжкой за Тотлебеномъ не заниматься; самое лучшее—разузнавать путемъ разспросовъ у людей нейтральныхъ.

На другой день я уѣхалъ въ Вильно. Нанялъ квартиру около казармъ, въ домѣ полковника Пашкевича, въ квартирѣ Полюшкевичъ, очень набожной католички, которая едва ли не каждый день, когда мы пили въ столовой чай, вела со мной разговоры о чистотѣ католической религіи и о превосходствѣ ея передъ схизматической – православной.

По подложному паспорту, выданному мнѣ Волынскимъ губернаторомъ, я значился дворяниномъ Александромъ Ивановичемъ Каченовскимъ; слѣдовательно, выходило, что я родомъ изъ знатной польской фамиліи, которая когда то играла важную роль въ польскомъ королевствѣ и что предки мои были всѣ католиками, а я—потомокъ ихъ—оказался православнымъ и даже по-польски говорить не умѣлъ, а только понималъ кое что черезъ два въ третей. Одинъ разъ пани Полюшкевичъ даже предложила мнѣ принять католичество.

На это я отвѣчалъ:

— Какъ же я приму католичество, если я по-польски не умѣю говорить, а вѣдь богослуженіе у васъ совершается на польскомъ языкѣ.

— О, это ничего не значитъ,—отвѣчала Полюшкевичъ,—у меня есть знакомый панъ бискупъ (епископъ), онъ васъ направитъ, вѣдь вы, пане Каченовскій, читали же мнѣ наши молитвы и хорошо читали, какъ будто прирожденный католикъ.

Хитрая пани прежде, чѣмъ предложить мнѣ католичество, подсунула какъ то разъ мнѣ польскій молитвенникъ и попросила меня прочитать Pater noster (Отче нашъ) и Deipara virgo (Богородице дѣво, радуйся). Я прочиталъ, по ея мнѣнію, ту и другую молитву очень удовлетворительно. Вотъ въ какую одежду приходилось иногда наряжаться, будучи нелегальнымъ...

Въ концѣ февраля партіей народной воли былъ присланъ въ Вильно для революціонной пропаганды среди поляковъ совершенно юный и неопытный студентъ полякъ, нѣкто З-кій, временно увлекшійся революціонными идеями, у котораго

революціоннаго пороху хватило только на мѣсяцъ. То онъ не могъ ѣсть въ кухмистерской Іодко того обѣда, какой подавался за 35 - 40 коп.; то ему не нравилась комната, въ которой пришлось жить; то ему было скучно. Я сразу понялъ, что этотъ господинъ попалъ по ошибкѣ въ революцію и уговорилъ его поѣхать обратно въ Москву учиться. З—кій былъ сынъ очень богатаго помѣщика; привыкъ онъ жить въ комфортабельной обстановкѣ; понятно, что нелегальное житье, сопряженное съ разными лишеніями, ему было не по плечу. Впослѣдствіи З—скій кончилъ высшее учебное заведеніе и сдѣлался профессоромъ; кажется, здравствуетъ доселѣ.

Въ слѣдующій разъ, когда я былъ въ Москвѣ, Златопольскій мнѣ говорилъ, что З—скій по ошибкѣ попалъ въ Вильно.

Въ этотъ мой пріѣздъ Богдановича уже не было на свободѣ, Грачевскій еле-еле держался, за нимъ усиленно слѣдили; всѣ народовольцы, вслѣдствіе многочисленныхъ арестовъ, были печальны и хмуры; я тоже былъ не въ духѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я сразу лишился нѣсколькихъ близкихъ друзей: Богдановича, Грачевскаго, Колюжнаго, Смирницкой, Андреева, Ткаченко и др. Изъ оставшихся на свободѣ—всѣ старались скрыться въ безопасное мѣсто. Скрылась куда то М. Н. Баранникова, очень дѣятельный членъ исполнительнаго комитета; въ іюнѣ мѣсяцѣ 1882 года пришлось ее изъ Вильно отправлять за границу. Отправка эта причинила мнѣ много хлопотъ, о чемъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Встрѣтившись съ Златопольскимъ въ «Славянскомъ Базарѣ», я былъ пораженъ угрюмымъ видомъ его... Очевидно, на душѣ у него была глубокая печаль. Онъ предчувствовалъ скорый арестъ, хотя и принималъ всевозможныя предосторожности для заметанія своихъ слѣдовъ, на что онъ, къ слову сказать, былъ великій мастеръ. Первый вопросъ, съ которымъ обратился ко мнѣ Златопольскій, былъ:

— Ну, что, какъ Тотлебенъ?

— Тотлебенъ,—отвѣчалъ я,—неуязвимъ. По наблюденіямъ, онъ появляется на улицахъ въ неопредѣленное время, правильныхъ выходовъ нѣтъ; въ иные дни совсѣмъ не показывается; возможно допустить, что онъ выходитъ вечеромъ, быть можетъ, инкогнито, или ѣздитъ, прогуливаясь, по городу въ каретѣ. Я лично два раза видѣлъ его и совершенно случайно. Вотъ какъ это случилось: иду разъ по нѣмецкой улицѣ, вижу —идутъ по другой сторонѣ панели два генерала Тотлебенъ и Никитинъ; на встрѣчу имъ шелъ третій генералъ— съ черными бакенбардами—начальникъ штаба Виленскаго

военнаго округа; вдругъ начальникъ штаба побѣжалъ, буквально бѣгомъ, по направленію къ Тотлебену. Я, заинтересовавшись этой сценой, остановился. Вдругъ, какъ изъ земли, выросъ жандармскій полковникъ Ивановъ и, не сводя съ меня пытливыхъ глазъ, задалъ мнѣ вопросъ:

— Что вамъ нужно, зачѣмъ вы остановились и какъ ваша фамилія?

— Пріѣзжій изъ Трокъ, Рутковскій.

— Гдѣ живете?

— Остановился въ гостинницѣ Парижъ, на Большой улицѣ.

— Почему остановились здѣсь на улицѣ?

— Заинтересовался, — говорю, — какъ генералъ бѣжалъ: подумалъ, должно быть, важное что случилось.

— Это не ваше дѣло, почему генералъ торопится; здѣсь останавливаться нельзя; идите, куда шли, — замѣтилъ полковникъ, очевидно, удовлетворившись моимъ отвѣтомъ.

— Въ другой разъ, — говорю Златопольскому, — я встрѣтился съ Тотлебеномъ, опять таки нечаянно, на незначительномъ пожарѣ и очень близко, почти въ 3 шагахъ отъ него, но при этомъ масса глазъ охраняла его.

— Да, — подумавъ немного, сказалъ Златопольскій, — исполнительный комитетъ предвидѣлъ то, что вы говорите сейчасъ. Очевидно, Тотлебенъ сознаетъ, что наша партія не проститъ ему тѣхъ безобразій, какія онъ надѣлалъ въ Одессѣ, поэтому и остороженъ; но это его не спасетъ отъ наказанія. Одно нехорошо, что потребуется много денегъ и людей, чтобы отправить его ad patres. Впрочемъ, люди у насъ найдутся; найдутся и средства; ваша обязанность заключается только въ томъ — давать намъ нужныя свѣдѣнія, но самому стоять отъ всего подальше, потому что вы намъ нужны въ другомъ дѣлѣ. Какъ, по вашему соображенію, сколько потребуется денегъ на наемъ квартиръ, выѣздную лошадь, пролетку и проч.?

— Не менѣе, — отвѣчалъ я, — 10.000 рублей. А если все же постигнетъ неудача? — спросилъ я.

— Мало ли у насъ бываетъ неудачныхъ предпріятій; этимъ смущаться не слѣдуетъ; зато другой разъ удаются дѣла, безъ всякихъ денежныхъ затратъ. Ну, а какъ ваша конспиративная квартира?

— Которая? У насъ двѣ ихъ; одна-гдѣ хранится шрифтъ и секретные документы; другая — временная, на случай слѣжки за Тотлебеномъ. Квартиры — въ полномъ порядкѣ, особенно

гдѣ хранятся шрифты; тутъ даже изъ нашихъ никто ничего не знаетъ, кромѣ меня; хозяинъ благонадеженъ.

Дальше Златопольскій заинтересовался приходомъ и расходомъ шрифта. Я разсказалъ ему, что шрифта много и онъ постоянно пополняется изъ типографіи штаба военнаго округа. Дѣло это было поставлено довольно основательно. Наборщики приносили его небольшими свертками, въ 3—10 фунтовъ, въ одинъ изъ магазиновъ и здѣсь передавали опредѣленному приказчику, а тотъ мнѣ. Послѣ 1 марта 1881 года, съ открытіемъ новыхъ типографій партіи народной воли вышла естественная задержка, и шрифта накопилось очень много.

Въ квартирѣ со шрифтомъ хранились также разные яды, напр. піанистый калій, и кислоты. Здѣсь же находился секретный договоръ западной революціонной организаціи съ исполнительнымъ комитетомъ, а также проэктъ инструкціи, въ силу которой, насколько я помню сейчасъ, всякій, вступившій въ центральную организацію, не имѣлъ права выходить изъ нея; въ случаѣ же самовольнаго ухода, безъ уважительной причины, ренегатъ подлежалъ уничтоженію, а при уважительной причинѣ—надъ нимъ учреждался двухлѣтній надзоръ.

Златопольскій торопилъ меня съ отъѣздомъ въ Вильно. Исполнительному комитету былъ крайне необходимъ успѣхъ въ Тотлебеновскомъ дѣлѣ; этимъ именно предполагалось доказать правительству, что партія народной волп жива и дѣятельна и послѣ первомартовскаго событія. Я понималъ это положеніе, вполнѣ соглашался съ Златопольскимъ, но опасался, что, въ связи съ многочисленными арестами, произведенными по всей Россіи, едва ли удастся успѣшно ликвидировать Тотлебена. Мои опасенія оправдались. Вскорѣ Златопольскій былъ арестованъ, Грачевскій уѣхалъ въ Петербургъ для организаціи новыхъ революціонныхъ кружковъ. Баранникова скрывалась и нигдѣ не показывалась.

Такимъ образомъ, наша западная организація лишилась тѣсной связи съ исполнительнымъ комитетомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилась и матеріальной поддержки, безъ которой сдѣлать что либо въ извѣстномъ направленіи было не мыслимо. А между тѣмъ деньги требовались, потому что, вслѣдствіе успленныхъ арестовъ, у насъ на западѣ скопилось большое число нелегальныхъ, нуждавшихся въ матеріальной помощи: мѣстныя же средства были очень скудны.

Вотъ почему покушеніе на Тотлебена не состоялось.

Н. Мокѣевъ.

Къ исторіи университетскаго вопроса въ Иркутскѣ*).

Исторія университетскаго вопроса въ Иркутскѣ, въ первой стадіи своего развитія, есть, въ сущности, исторія вопроса о сибирскомъ университетѣ вообще, независимо отъ мѣста его учрежденія.

Первый университетъ въ Россіи былъ открытъ въ 1755 году въ Москвѣ.

Съ этого времени въ передовыхъ кругахъ русскаго образованнаго общества идетъ неустанная работа по развитію университетской сѣти на пространствѣ всей имперіи, не исключая и отдаленныхъ окраинъ.

На этомъ основаніи, какъ увидимъ ниже, о необходимости учрежденія въ Сибири университета впервые заговорили не мѣстные, а общерусскіе дѣятели просвѣщенія.

Вопросъ о сибирскомъ университетѣ подымался періодически, черезъ довольно большіе промежутки времени, волновалъ нѣкоторое время и правящія сферы и сибирское общество, а затѣмъ постепенно терялъ свою остроту и сходилъ со сцены для того, чтобы потомъ снова, при благопріятныхъ условіяхъ, заявить о своемъ существованіи.

Начался университетскій вопросъ давно; возникъ онъ въ умахъ ревнителей русскаго просвѣщенія еще въ концѣ XVIII столѣтія—въ ряду широкихъ проэктовъ по народному образованію, задуманныхъ имп. Екатериной II.

Въ началѣ XIX вѣка имп. Александръ I облекъ эту мысль въ форму предположенія, готоваго осуществиться въ близкомъ будущемъ. По Высочайше утвержденнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, распубликованнымъ при указѣ Пр. Сенату отъ 24 января 1803 года, было постановлено учредить университеты, кромѣ уже существовавшихъ въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ,—въ округѣ С.-Петербургскомъ, въ Казани и Харь-

*) При составленіи настоящаго очерка пособіями служили статьи: 1) «Первый сибирскій университетъ» (Вѣст. Евр. № 11. 1879 г.); 2) «Описаніе празднества, бывшаго въ г. Томскѣ 26—27 августа 1880 г. по случаю закладки Сибирскаго университета»; 3) „Что намъ необходимо въ особенности" (Ирк. Губ. Вѣд., № 13, 1863 г.); 4) «Первый университетъ въ Сибири» (Сибирская Газета № 55, 1888 г.); 5) „Историческій очеркъ вопроса объ университетѣ" (Вост. Обозрѣніе, № 29, 1888 г.); 6) „Университетъ въ Иркутскѣ" Изв. в-с. о. Геогр. О-ва, XIV); 7) «Университетъ въ Иркутскѣ» (Записка Иркут. Город. Общ. Управленія). 8) «Хронологич. перечень важнѣйшихъ событій Сибири» Щеглова; 9) «Первый шагъ», провинціальный сборникъ 1876 года, здѣсь есть статья: «Изъ воспоминаній Казанскаго студента».

ковѣ, а затѣмъ предназначалось открыть университеты: въ Кіевѣ, Тобольскѣ и Великомъ Устюгѣ, «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Вслѣдствіе такого заявленія правительства о намѣреніи учредить университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, извѣстный Павелъ Григорьевичъ *Демидовъ* пожертвовалъ въ томъ же 1803 году сто тысячъ рублей съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему осуществленію Кіевскаго и Тобольскаго университетовъ.

Приведенный правительственный актъ и послѣдовавшее за нимъ крупное пожертвованіе частнаго лица свидѣтельствуютъ, что идея о необходимости сибирскаго университета съ самаго начала столѣтія составляла заботу высшаго правительства и ясно сознавалась просвѣщенными людьми того времени. Иначе и быть не могло. Дальновидные государственные люди не могли не предвидѣть, что громадный край, изобилующій разными естественными богатствами, могущій вмѣстить въ себя весьма большое народонаселеніе, не можетъ развивать свою гражданскую жизнь безъ собственныхъ источниковъ умственнаго преуспѣянія.

Отсутствіе въ Сибири высшаго учебнаго заведенія имѣло и другую невыгодную сторону. Мало того, что отъ этого здѣшніе уроженцы были крайне затруднены въ пріобрѣтеніи высшаго образованія, но многіе изъ нихъ, именно наиболѣе способные и любознательные, совершенно терялись для страны, уѣзжая въ высшія учебныя заведенія Европейской Россіи и оставаясь тамъ на всю жизнь. Такимъ образомъ, отсутствіе въ Сибири университета влекло за собою постепенное умственное истощеніе страны.

Послѣдствіемъ этого явился въ Сибири тотъ недостатокъ въ образованныхъ людяхъ, который чувствовался на всѣхъ ступеняхъ государственной и частной дѣятельности. Больше всего недостатокъ этотъ отражался на самихъ сибирякахъ. Пришлые элементы, не удовлетворяясь условіями сибирской жизни, смотрѣли на пребываніе здѣсь какъ на тяжелую обязанность и при первой возможности стремились возвратиться назадъ въ Европейскую Россію. Кореннымъ сибирякамъ бѣжать некуда, волею-неволею они должны были мириться со всѣми трудностями и неудобствами жизни.

Отъ того-то у всѣхъ развитыхъ сибиряковъ мысль объ университетѣ была давнишнею завѣтною мечтой. Къ сожалѣнію, эта мечта долго не могла быть осуществлена, что обусловливалось многими серьезными причинами. Самою главною изъ нихъ слѣдуетъ считать недостаточное число существо-

вавшихъ въ Сибири среднихъ учебныхъ заведеній, которыя, естественно, должны предшествовать университету.

До 1803 года, когда впервые было высказано намѣреніе учредить сибирскій университетъ, въ этой обширной странѣ не существовало еще ни одной гимназіи. Въ началѣ XVIII столѣтія единственнымъ учебнымъ заведеніемъ на всю Сибирь была открытая въ Тобольскѣ славяно-латинская школа, преобразованная потомъ въ духовную семинарію. Въ 1789 году въ Тобольскѣ же было открыто народное училище, преобразованное въ 1810 году въ губернскую гимназію. На другомъ концѣ Сибири, на разстояніи почти 3000 верстъ, въ Иркутскѣ въ 1779 году заведена была вторая на Сибирь духовная семинарія, а въ 1808 году—гимназія. Съ такимъ ограниченнымъ числомъ среднихъ учебныхъ заведеній трудно было разсчитывать на устройство университета. Поэтому прежде осуществленія этой мысли необходимо было обратить вниманіе на распространеніе въ сибирскихъ городахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

И мысль о сибирскомъ университетѣ заглохла на цѣлыхъ 20 лѣтъ...

Жизнь однако властно напомнила объ этомъ. Два административныхъ дѣятеля: генералъ—губернаторъ Западной Сибири Капцевичъ и попечитель Казанскаго учебнаго округа Магницкій—оба, какъ извѣстно, не отличались особенной ревностію къ развитію народнаго просвѣщенія—въ 1823 году возбудили ходатайство объ открытіи въ Сибири университета. Капцевичъ просилъ открыть университетъ, хотя бы только изъ двухъ факультетовъ—юридическаго и медицинскаго, чтобы имѣть на мѣстѣ образованныхъ чиновниковъ и врачей; во всеподданѣйшемъ рапортѣ 20 марта 1823 г. онъ указывалъ на недостатокъ нравственныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ Европейской Россіи. Изъ этого онъ выводилъ необходимость учредить въ Сибири университетъ и, кромѣ того, гимназію въ Томскѣ, при чемъ въ обоихъ заведеніяхъ воспитанники должны содержаться на казенный счетъ. Университетъ онъ предполагалъ учредить въ центрѣ края, въ южной его части. Сибирскій Комитетъ сочувственно принялъ мысль о сибирскомъ университетѣ.

Магницкій ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища, въ видѣ отдѣленія Казанскаго университета, съ цѣлью приготовлять въ немъ учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ, студентовъ для Пекинской миссіи, дѣтей

сибирскихъ чиновниковъ къ гражданской службѣ, а купеческихъ дѣтей къ торговлѣ съ Китаемъ. На содержаніе училища онъ исчислилъ 66750 р. въ годъ, кромѣ постройки зданій и содержанія пансіонеровъ. При осуществленіи своего проекта онъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду употребить пожертвованный Демидовымъ капиталъ въ 100 тыс. руб. на учрежденіе университета въ Тобольскѣ, который, чрезъ приращеніе процентами, въ 1822 году представлялъ сумму въ 121301 р. 75 к. и давалъ 6000 р. дохода.

Ходатайства Капцевича и Магницкаго не были удовлетворены. Но можно думать, что въ связи именно съ этими ходатайствами Высочайше утверждено было 27 августа 1825 г. положеніе Сибирскаго Комитета о высылкѣ на казенный счетъ каждогодно въ С.-Петербургское и Московское отдѣленія медико-хирургической академіи изъ существующихъ въ Сибири духовныхъ семинарій воспитанниковъ для опредѣленія ихъ, по окончаніи курса наукъ, на службу *въ одномъ (только) Сибирскомъ краѣ.* Въ этотъ же день учреждено и положеніе о пенсіяхъ медикамъ Восточной Сибири. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1836 г., было опредѣлено, что, если мѣстные уроженцы не согласятся поступать въ университеты и академіи на этихъ основаніяхъ, то принимать уроженцевъ изъ другихъ губерній на тѣхъ же условіяхъ.

Конечно, новое мѣропріятіе не могло удовлетворить потребностей огромнаго края въ людяхъ, получившихъ высшее образованіе. Это сознано было и правительствомъ, которое прибѣгло къ новой мѣрѣ, которая, все таки, не была принята сразу и полностью, несмотря на ея скромныя задачи и слишкомъ спеціальный характеръ предпріятія.

Въ 1828 г. повелѣно было учредить при гимназіяхъ по всѣмъ сибирскимъ губерніямъ ветеринарный классъ. Но окончательное вырѣшеніе этого вопроса послѣдовало уже въ 1830 г., по обсужденіи его въ Госуд. Совѣтѣ.

Однако неудачные и притомъ неосуществляемые проекты ничуть не смягчали остроты положенія дѣла въ Сибири, требовались практическія мѣропріятія. И вотъ въ 1835 г., 9 декабря, повелѣно, вслѣдствіе недостатка учителей въ Сибири, воспитывать на казенномъ коштѣ при тамошнихъ гимназіяхъ и Казанскомъ университетѣ опредѣленное число молодыхъ людей, которые, по окончаніи образованія, обязывались служить въ качествѣ учителей въ сибирскихъ учебн. заведеніяхъ, при чемъ избирать таковыхъ дѣтей изъ сибирскихъ уроженцевъ (и даже преимущественно изъ отдаленныхъ городовъ),—такъ какъ, по мнѣнію министра народ. просв.,

согласно выраженному по этому предмету и сибирскими губернаторами, «для пользы», ожидаемой правительствомъ отъ сибирскихъ училищъ, и для отвращенія существующаго нынѣ затрудненія въ замѣщеніи оныхъ учительскихъ мѣстъ, необходимо замѣщать тамъ таковыя мѣста чиновниками, не только хорошей нравственности съ достаточными свѣдѣніями, но людьми, родившимися въ Сибири, *привыкшими* къ тамошнему *климату*, не ожидающими съ нетерпѣніемъ окончанія положеннаго для казеннокоштныхъ воспитанниковъ срока, чтобы оставить столь отдаленный край и возвратиться въ Европейскую Россію, но любящими Сибирь, какъ свою родину, гдѣ они—въ кругу семейномъ и гдѣ служба для нихъ пріятна.

Такимъ образомъ, правительство поставило въ первую очередь образованіе кадра преподователей для среднихъ учебныхъ заведеній Сибири, и только черезъ 14 лѣтъ приняты были мѣры къ осуществленію второй задачи, подготовки врачей, столь необходимыхъ для безпомощнаго въ медицинскомъ отношеніи края. Именно, въ 1849 г. утверждено было положеніе комитета министровъ объ учрежденіи при Казанскомъ университетѣ 20 стипендій для образованія врачей гражданскаго вѣдомства въ Сибири, по преимуществу мѣстныхъ уроженцевъ, и 6 стипендій съ тою же цѣлью—собственно для горныхъ заводовъ въ Сибири, съ непремѣннымъ обязательствомъ стипендіантовъ выслужить здѣсь не менѣе десяти лѣтъ.

Словомъ, вопросъ все болѣе и болѣе привлекалъ вниманіе общества. Но при отсутствіи въ то время широкой гласности и представительныхъ учрежденій выразителями общественныхъ настроеній могли быть только администраторы. Обращаясь къ исторіи Восточной Сибири того времени, мы видимъ только двухъ представителей интересовъ общества: графа М. М. Сперанскаго, который самъ называлъ себя «другомъ колодниковъ и черни» и первые же шаги своего служенія въ Иркутскѣ ознаменовалъ открытіемъ ланкастерской школы; но онъ за двухлѣтнее пребываніе свое въ Сибири, при полномъ отсутствіи дѣльныхъ помощниковъ, или только понимающихъ его людей, конечно, не могъ дать осязательныхъ для общества результатовъ въ стремленіи къ просвѣщенію. Другой крупный дѣятель данной эпохи графъ Муравьевъ-Амурскій (съ 1846 г. по 1861 годъ) относился, въ общемъ, сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и людямъ науки, но онъ все свое время и вниманіе отдалъ вопросу о присоединеніи Амура къ Россіи, и судьбы образованія для него не были вопросами первой важности.

О немъ М. В. Загоскинъ разсказывалъ слѣдующее. Въ одномъ заграничномъ изданіи, съ датами мѣсяца и года и за №, была напечатана отдѣльная бумага генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева Амурскаго на возбужденный въ 1856 году министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ вопросъ о сибирскомъ университетѣ. Муравьевъ-Амурскій въ 50-хъ годахъ велъ упорную борьбу съ Иркутскимъ купечествомъ, которое онъ всегда трактовалъ, какъ эксплуататоровъ и упрямыхъ кулаковъ. И вотъ онъ пишетъ въ бумагѣ министру, что, при наклонности сибиряковъ къ кляузамъ, сутяжничеству и неповиновенію, основаніе въ Сибири университета повелетъ только къ усиленію этихъ пороковъ въ сибирскомъ обществѣ и еще болѣе разведетъ въ странѣ ябеду и упрямство.

Нужда въ образованныхъ людяхъ чувствовалась все болѣе и болѣе, и въ 1858 году количество стипендіатовъ въ университетѣ было увеличено до 28 человѣкъ. Повелѣніе объ этомъ увеличеніи состоялось вслѣдствіе того, что Сибирскій Комитетъ обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: «правительство давно уже постановило содержать въ этомъ университетѣ 28 казенныхъ стипендіатовъ изъ воспитанниковъ сибирскихъ гимназій, но, между тѣмъ, не взирая на много лицъ, ежегодно желающихъ поступить въ это число, дѣйствительно содержится только 14 стипендіатовъ, почему Комитетъ нашелъ существенно необходимымъ содержать все то число казенныхъ стипендіатовъ, которое опредѣлено по закону».

Но открывая стипендіи въ университетахъ для сибиряковъ, укомплектовывая эти стипендіи даже «россійскими» абитуріентами, министерство народнаго просвѣщенія все-таки считало эту мѣру палліативомъ и признавало необходимость учрежденія сибирскаго университета.

Такъ, 5 марта 1856 г. министръ народнаго просвѣщенія Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ высказался: «Вашему Императорскому Величеству Высочайше благоугодно было признать полезнымъ учрежденіе университета въ Сибири. Эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможною, обѣщаетъ великія послѣдствія для края, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ только животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды. Министерство займется начертаніемъ плана сего высшаго учебнаго заведенія, которое, не теряя своего университетскаго характера, должно быть числомъ, составомъ и

направленіемъ своихъ факультетовъ приспособлено къ потребностямъ страны». Это представленіе министра практическихъ результатовъ не имѣло, но все же административныя попытки рѣшенія этого вопроса—не увѣренныя, не доводимыя до конца—встрѣчали живой откликъ среди сибирскаго населенія. Достаточно отмѣтить, что вокругъ вопроса о сибирскомъ университѣ возникла цѣлая литература, былъ прочитанъ рядъ лекцій лучшими людьми того времени. Таковы были лекціи покойнаго С. С. Шашкова въ Томскѣ и Красноярскѣ въ 1863—64 г.г., заслуживаетъ особаго упоминанія блестящая лекція Н. М. Ядринцева въ Омскѣ, съ призывомъ жертвовать на университетъ.

Такимъ образомъ, изъ правительственныхъ и административныхъ сферъ университетскій вопросъ переходитъ въ печать, а затѣмъ въ общество и начинаетъ пропагандироваться съ достаточной настойчивостью. Особенно энергично эта пропаганда велась въ шестидесятыхъ годахъ, полныхъ всевозможными ожиданіями и надеждами. Видя реформаціонную дѣятельность по ту сторону Урала, и Сибирь начинала надѣяться на обновленіе своей жизни, необходимымъ шагомъ къ которому считала основаніе собственнаго университета. О необходимости высшаго учебнаго заведенія заявлялось и лучшими тогда сибирскими администраторами, между которыми нельзя не назвать въ особенности Тобольскаго губернатора Александра Ивановича Деспотъ-Зеновича. Особенно горячо вопросомъ объ университетѣ занимались общественные дѣятели Иркутска, какъ наиболѣе интеллигентнаго тогда центра Сибири.

Необходимость учрежденія собственнаго университета для сибиряковъ теперь дѣлалась тѣмъ болѣе жгучею, что изъ Сибири съ 60 годовъ начинается сильный притокъ молодежи въ русскіе университеты и высшія учебныя заведенія. Кончивъ курсъ, молодежъ совсѣмъ покидала родную окраину, такъ какъ за Ураломъ находила болѣе простора и условій для приложенія своихъ силъ въ общественной жизни.

Вр № 13 «Иркутскихъ Губ. Вѣд.» за 1863 годъ въ статьѣ: «Что намъ необходимо въ особенности» М. В. Загоскинъ, между прочимъ, писалъ:

«Восточная Сибирь до 40-хъ годовъ лишена была возможности посылать своихъ сыновъ въ русскіе университеты. Было только нѣсколько счастливцевъ-сибиряковъ, посылаемыхъ для высшаго образованія въ педагогическій институтъ, да нѣсколько учениковъ семинаріи въ духовныя академіи. Но это были исключенія, не больше.

Только въ тѣхъ углахъ Россіи, гдѣ были университеты, была еще какая нибудь жизнь, въ то время, когда вся Россія спала неестественно мертвымъ сномъ, изъ стѣнъ 4-хъ университетовъ разносилась по Россіи та искра жизни, которая разгорѣлась въ живой огонь.

Сибирское общество 30—40 годовъ почти не обнаруживало признаковъ умственной жизни. Если тогда въ Иркутскѣ было что нибудь живое, умное и дѣльное, то все это группировалось около двухъ-трехъ лицъ, случайно заброшенныхъ сюда и чуждыхъ Сибири. Эти случайные гости, эти не большіе кружки университетской молодежи, періодически сюда пріѣзжавшіе, жили здѣсь такъ мало, что Сибири отъ нихъ рѣшительно ни тепло, ни холодно. Намъ нужно не то, чтобы по временамъ бывали у насъ хорошіе чиновники, отличные дѣльцы и проч. Намъ хотѣлось бы самимъ сдѣлаться людьми образованными, зажить своею разумною жизнью, имѣть своихъ судей, исполнителей, знатоковъ дѣла и т. д.

Словомъ, намъ необходимо средоточіе умственной жизни; необходима свѣтлая точка, куда-бы взоры наши всегда обращались съ любовью-надеждой; намъ необходимъ свой университетъ. И намъ и правительству ужасно дорого обходится образованіе нашихъ дѣтей въ русскихъ университетахъ, еще дороже стоятъ привиллегированные пріѣзжіе, въ сущности остающіеся совершенно намъ чуждыми. Наши жены съ отчаяніемъ, скрѣпя сердце, провожаютъ дѣтей на ученье въ дальнюю сторону, на произволъ судьбы, на жертву случайностей, безъ надзора и попеченія. Сколько слезъ прольется въ эти четыре-пять лѣтъ отсутствія любимаго сына? А сынъ черезъ пять лѣтъ возвращается часто только затѣмъ, чтобы умереть на материнской груди. Да, дорого намъ сибирякамъ обходится высшее образованіе и все-таки сибиряки лезомъ-лезутъ въ Россію учиться; только самые бѣднѣйшіе и мало даровитые изъ кончившихъ курсъ въ гимназіи поступаютъ прямо на службу.

Въ настоящую минуту мы могли насчитать до 60-ти сибиряковъ, обучающихся въ Россіи въ разныхъ заведеніяхъ. Присоедините къ нимъ столько же юношей, которые, только по отдаленности и недостатку средствъ, не попали въ университетъ, да вдвое болѣе положите вольныхъ слушателей изъ разныхъ званій, и получите цифру очень достаточную, по крайней мѣрѣ, на первый разъ».

Не безинтересно привести здѣсь нѣсколько строчекъ изъ «Воспоминаній Казанскаго студента», гдѣ подчеркивается

особенно тяжелое положеніе сибиряковъ, желающихъ обучаться въ университетахъ Европейской Россіи.

«Сибирская молодежь, обуреваемая жаждою познанія, отправлялась въ Россійскіе университеты зачастую безъ всякихъ средствъ, путешествовала чуть не пѣшкомъ, по Ломоносовски съ обозами. Иногда этихъ учащихся «пилигримовъ» довозили въ своихъ экипажахъ проѣзжавшіе купцы и чиновники. Претерпѣвъ много испытаній въ пути, эти мученики науки, и учась въ университетахъ, испытывали нужду и, часто бывало, что, не выдержавъ борьбы, или опускались до того, что приходилось уходить изъ университетовъ, или отъ постоянныхъ недоѣданій и голодовокъ пріобрѣтали недугъ, который скоро сводилъ въ могилу.

Бывали случаи, что желанію сына учиться сочувствовала мать и, боясь отпустить его въ дальній путь, ѣхала вмѣстѣ съ нимъ, надѣясь, что ближайшіе родственники помогутъ въ дальнѣйшемъ, но таковые въ стремленіи ученія видѣли упрямство и капризъ, въ пособіи отказывали и сынъ съ матерью, не выдержавъ натиска обстоятельствъ, уже не увидали родной Сибири. Подобныхъ примѣровъ было много. Да и въ настоящее время большинству студентовъ сибиряковъ не сладко живется и если бы не пособіе обществъ, то хоть прекращай ученіе».

Капиталисты, и вообще состоятельные люди, готовы были поддержать общественное движеніе въ пользу сибирскаго университета. Такъ, золотопромышленникъ Сидоровъ предложилъ пожертвовать 20 площадей пріисковъ и 10 тыс. рублей на разработку ихъ. съ тѣмъ, чтобы доходы отъ эксплоатаціи шли на сибирскій университетъ. Однако это пожертвованіе было почему то отклонено. Затѣмъ, крестьянинъ Александръ Акиндиновичъ Яковлевъ, извѣстный въ Иркутскѣ болѣе подъ именемъ Анкудинова, завѣщалъ на учрежденіе въ Иркутскѣ университета 30,000 руб. Но деньги эти, кажется, не пошли по назначенію завѣщателя, потому что онъ имѣлъ неосторожность написать въ своей духовной, чтобы онѣ вложены были на сто лѣтъ въ кредитныя учрежденія; въ пріемѣ этихъ денегъ было отказано и куда онѣ дѣвались —неизвѣстно.

Наряду съ общественными силами занялись университетскимъ вопросомъ и Иркутскіе чиновники. Такъ, въ кружкѣ, образовавшемся около Б. А. Милютина, не безъ вѣдома начальника края Корсакова, разрабатывался вопросъ о сибирскомъ университетѣ. Въ этомъ кружкѣ, не имѣвшемъ оффиціальнаго характера, не участвовало учебное вѣдомство; въ сущности, это были члены предполагавшагося

«юридическаго общества»; сюда входили, кромѣ Милютина, двое братьевъ Павлиновыхъ, С. И. Турбинъ. Результаты разсужденій подробно записывались, но были ли куда представлены - неизвѣстно. Курьезно то, что большинство членовъ кружка остановилось, какъ на вѣрномъ источникѣ для содержанія будущаго университета, на 10% сборѣ съ ведра выкуриваемой въ Сибири водки и на извѣстномъ налогѣ съ золотопромышленниковъ.

Приближенные къ генералъ-губернатору не хотѣли уступить кружку частныхъ лицъ чести «разсуждать объ университетахъ» и въ канцеляріи главнаго управленія Восточной Сибири составился свой кружокъ во главѣ съ Карповымъ, бывшимъ воспитанникомъ Царскосельскаго лицея. Послѣ долгихъ совѣщаній, эта чиновная группа пришла къ заключенію, что Сибири нуженъ не университетъ, а лицей для приготовленія въ Сибири образованныхъ чиновниковъ. Былъ ли составленъ проектъ сибирскаго лицея и представлялся ли онъ куда, то же неизвѣстно.

Здѣсь важно, отмѣтить что Иркутское высшее общество не имѣло единенія въ такомъ важномъ дѣлѣ, и работа, быть можетъ, серьезная отдѣльныхъ лицъ и группъ не дала положительныхъ результатовъ.

Болѣе жизненною мѣрою оказалось расширеніе возможности получать образованіе въ Россійскихъ университетахъ. Съ 1864 г. было дозволено сибирскимъ университетскимъ казеннымъ стипендіатамъ поступать сверхъ Казанскаго и во всѣ другіе университеты, преимущественно же въ столичные.

Прошло еще 16 лѣтъ, и 14 ноября 1872 г. учреждены при С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ 4 стипендіи, по 400 рублей въ годъ каждая, для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія Сибири, за счетъ суммы, отпускаемой Казанскому университету на содержаніе тамъ 8 сибирскихъ стипендій, по 200 рублей въ годъ каждая. Это было вызвано тѣмъ, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири сообщилъ министру народнаго просвѣщенія о крайне ощущаемомъ сибирскими гимназіями недостаткѣ въ учителяхъ, особенно по греческому, латинскому и русскому языкамъ, по коимъ въ сихъ гимназіяхъ *въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не было преподавателей*, и при этомъ упомянулъ, что—«молодые люди находящіеся въ Казанскомъ университетѣ на учительскихъ стипендіяхъ хотя первоначально и поступаютъ въ историко-филологическій факультетъ сего университета, но эти учительскія стипендіи въ теченіи курса переходятъ безъ вѣдома сибирскаго на-

чальства въ другіе факультеты и, окончивъ курсъ, оказывались приготовленными ко всякаго рода службѣ, только не для педагогической»

Сибиряки привыкли смотрѣть на свои гимназіи, какъ на ворота, черезъ которыя уплываютъ ихъ лучшія силы... Директоръ Томской гимназіи въ одномъ изъ своихъ отчетовъ отмѣтилъ, что за 30-лѣтнее существованіе гимназіи только трое изъ ея бывшихъ учениковъ, по возвращеніи изъ университетовъ, посвятили Сибири свои труды.

Назначенный въ 1875 году генералъ-губернаторъ Западной Сибири Николай Геннадіевичъ Казнаковъ, ознакомившись съ литературой о Сибири и выслушавъ отзывъ нѣкоторыхъ сибиряковъ, подалъ всеподданнѣйшую записку, въ которой одной изъ главныхъ причинъ дурного положенія края представилъ именно отсутствіе мѣстнаго высшаго училища. Въ запискѣ между прочимъ было сказано слѣдующее.

«Прошло болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни судьи, ни народное здравіе, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обезпечены достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу лицъ. Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ служебнаго поприща нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются мало изслѣдованными. Причина такого явленія очевидна: не имѣя университета, *Сибирь* изъ своихъ уроженцевъ *не могла воспитать* вполнѣ образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣшительное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники гимназій, по поступленіи въ университетъ и по окончаніи въ ономъ курса наукъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, и, будучи увлекаемы либо служебными выгодами, либо удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней среднеобразовательныя учебныя заведенія, вмѣсто обогащенія ея достаточно образованными людьми, служатъ, какъ бы средствами для отлива изъ нея свѣжихъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, взамѣнъ ихъ, нерѣдко являются на службу, не

безъ значительныхъ для государства затратъ, искатели счастья, не успѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и сомнительной нравственности, и въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію»

По этимъ соображеніямъ, Казнаковъ и ходатайствовалъ объ открытіи въ Сибири университета съ четырьмя факультетами, съ нѣкоторымъ лишь сокращеніемъ числа каоедръ, въ сравненіи съ другими университетами, для уменьшенія расходовъ казны. Мѣстомъ для университета онъ указывалъ Омскъ, какъ на наиболѣе подходящій городъ въ этомъ отношеніи.

Имп. Александръ II призналъ предложенія Н. Г. Казнакова вполнѣ уважительными и повелѣлъ «дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовлять изъ своей среды людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и, по ближайшемъ всестороннемъ обсужденіи этого предмета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на Высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета».

Съ этого момента вопросъ о сибирскомъ университетѣ изъ области предположеній перешелъ на почву дѣйствительнаго осуществленія. Въ томъ же 1875 году (3 ноября) Н. Г. Казнаковъ прислалъ изъ Омска въ министерство народнаго просвѣщенія свое представленіе объ университетѣ, которое немедленно было разсмотрѣно въ особой комиссіи при министерствѣ и 29 мая 1876 года препровождено въ Государственный Совѣтъ, гдѣ рѣшено было предварительно выяснить мѣсто для будущаго университета. Больше шансовъ имѣлъ Омскъ, такъ какъ за него стоялъ Казнаковъ, по представленію котораго былъ поднятъ самый вопросъ о сибирскомъ университетѣ.

Лишь только стало извѣстно, что учрежденіе университета предположено въ Омскѣ, начинается дѣятельная агитація печати и сибирскихъ общественныхъ учрежденій о выборѣ города для университета. Томскъ, желая отстоять университетъ за собой, жертвуетъ подъ университетъ нѣсколько десятинъ земли въ лучшей части города; кромѣ того, на устройство клиникъ—25000 руб. и на библіотеку 9000 руб. Изъ одиннадцати сибирскихъ городовъ, въ которыхъ обсуждался вопросъ: Томскъ или Омскъ представляетъ болѣе удобствъ для устройства университета,—8 высказались въ

пользу Томска (Томскъ, Маріинскъ, Барнаулъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Верхнеудинскъ, Нерчинскъ и Иркутскъ); Омскъ и Тюмень подали голосъ за Омскъ и только Тобольскъ заявилъ свои собственныя права на сибирскій университетъ; въ случаѣ же невозможности открыть его въ Тобольскѣ, онъ присоединялся къ мнѣнію меньшинства.

Не безинтересно здѣсь привести совершенно безпристрастное мнѣніе Иркутской Городской Думы, высказанное въ докладѣ министру городскимъ головой Н. Лаврентьевымъ.

«Учрежденіе университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ немъ и зародилась и долгое время зрѣла мысль объ университетѣ. Но когда эта мысль вполнѣ созрѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету?—городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступилъ свое право Томску. Никто въ Восточной Сибири не возражалъ противъ преимуществъ географическаго положенія Томска. Не то произошло, когда пришла вѣсть, что мѣстомъ основанія сибирскаго университета предполагается Омскъ. Если намъ придется посылать своихъ дѣтей за три тысячи верстъ, то не лучше ли, по-прежнему, отправлять ихъ въ Казань или въ столицы, гдѣ болѣе и образовательныхъ средствъ, и самая жизнь удобнѣе и поучительнѣе. Таково общее мнѣніе Восточной Сибири. Иркутская Городская Дума, вслѣдствіе отношенія Томской Думы, уполномочила меня почтительнѣйше заявить вашему сіятельству, что основаніемъ университета въ Омскѣ только въ половину будетъ исполнено желаніе Сибири, жаждущей высшаго образованія; что университетъ въ Омскѣ далеко не будетъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, находясь въ центрѣ и на великомъ пути отъ Атлантическаго къ Тихому океану, и что, наконецъ, если Иркутскъ охотно уступилъ Томску великое право имѣть въ своихъ стѣнахъ разсадникъ высшаго образованія, то уступить это право отдаленному и малоизвѣстному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя порученіе Иркутской Городской Думы, имѣю честь заявить вашему сіятельству о желаніи моихъ согражданъ, чтобы дѣло о дарованіи университета Сибири завершено было въ духѣ общихъ желаній сибиряковъ, которые питаютъ надежду, что въ дѣлѣ такой важности голосъ ихъ будетъ выслушанъ и ихъ соображенія приняты во

вниманіе при указаніи мѣста, гдѣ быть сибирскому университету»

Въ виду такихъ заявленій общественнаго мнѣнія Сибири, комиссія при Государств. Совѣтѣ, разрабатывавшая вопросъ о мѣстѣ для сибирскаго университета, пришла къ слѣдующему заключенію.

«Выходя изъ той точки зрѣнія, что сибирскій университетъ есть высокое благодѣяніе, даруемое Сибири волею Государя Императора, комиссія считаетъ не излишнимъ, при рѣшеній вопроса объ осуществленія сего благодѣянія, принять во вниманіе, кромѣ другихъ соображеній, и голосъ населенія, для котораго оно предназначается Въ противномъ случаѣ, когда даруемое благо осуществляется наперекоръ желаніямъ страны, съ наименьшею для нея выгодою, оно теряетъ значительную долю своей цѣны, что не соотвѣтствовало бы цѣлямъ и намѣреніямъ высшаго правительства».

Большинство комиссіи, состоявшей изъ товарища мин. нар. просв. Ширинскаго-Шихматова, члена совѣта мин. внут. дѣлъ Деспотъ Зеновича, проф. Флоринскаго, глав. инсп. учащихъ Зап. Сиб. Дзюбы и вице-губ. Акмолинской обл. Курбановскаго, остановилось на Томскѣ. Только Курбановскій высказался въ особомъ мнѣніи за Омскъ.

Это былъ, кажется, первый случай въ исторіи Сибири, когда голосъ ея общественнаго мнѣнія былъ выслушанъ и принятъ во вниманіе при рѣшеніи такого важнаго обще-государственнаго вопроса.

16 мая 1878 года было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи въ Томскѣ сибирскаго университета. Въ 1888 году состоялось торжество открытія этого перваго высшаго разсадника знаній въ Сибири.

Послѣ 1888 года университетскій вопросъ какъ бы сошелъ съ общественной сцены. Правда, въ печати, въ обществахъ, въ постановленіяхъ разныхъ съѣздовъ начинали поговаривать о новомъ сибирскомъ университетѣ. Но все это были не больше, какъ трафаретныя истины, о которыхъ, какъ бы по обязанности, упоминали, однако всѣ были убѣждены, что никакого толку отъ этихъ словъ не будетъ. Все равно—какъ 50 лѣтъ говорятъ и пишутъ о сибирскомъ земствѣ! Безнадежность постановки этихъ вопросовъ была слишкомъ очевидна. Но съ другой стороны, жизнь требовала ихъ... Создалось поистинѣ трагическое положеніе, которое наложило даже особый минорный тонъ на статьи сибирскихъ публицистовъ.

Въ болѣе реальныя формы вылился вопросъ о второмъ сибирскомъ университетѣ—надо полагать Иркутскомъ—только минувшимъ лѣтомъ.

Какъ и 40 лѣтъ тому назадъ, сейчасъ ведется междоусобная борьба сибирскихъ городовъ за обладаніе новымъ университетомъ, при чемъ главными претендентами являются Иркутскъ и Владивостокъ. Судя по всѣмъ даннымъ, побѣдителемъ выйдетъ Иркутскъ.

Леонидъ Орловъ.

Дѣло о народномъ недовольствѣ въ Братской волости и Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ въ 1887 году.

Дѣло началось съ того, что Нижнеудинскій окружный исправникъ получилъ въ январѣ 1887 года отъ Иркутскаго губернатора слѣдующую телеграмму: «Ичелинъ жалуется, что Гостиловскій запретилъ ввозъ въ Николаевскій заводъ продуктовъ, въ народѣ недовольство. Прошу принять мѣры къ установленію порядка».

Телеграмма эта явилась результатомъ непосредственнаго донесенія завѣдующаго полицейской частью Николаевскаго завода Ичелина губернатору о томъ, что въ селѣ Братскомъ и на заводѣ сильное народное волненіе, которое онъ наблюдалъ лично. «11 января утромъ, выйдя изъ своей квартиры я увидѣлъ,—доноситъ онъ,—на базарѣ толпу народа, энергично о чемъ то разговаривающаго. Я спросилъ, о чемъ они толкуютъ?

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчали они,—лѣтомъ мы потеряли болѣе двухъ третей рабочаго скота, а теперь должны лишиться остальной части, потому что засѣдатель Гостиловскій запретилъ ввозить на заводъ сѣно и др. продукты, и скотина должна умереть съ голоду.

«Вслѣдствіе такого объясненія, я созвалъ народъ въ казачью казарму, гдѣ разспросилъ ихъ подробно и, убѣдясь въ справедливости жалобы ихъ, я доношу объ этомъ вашему высокопревосходительству».

По поводу этого донесенія произведено было разслѣдованіе, при чемъ затребованы были объясненія отъ управляющаго Николаевскимъ заводомъ Глотова и отъ земскаго засѣдателя Гостиловскаго.

Н. Глотовъ такъ объясняетъ всю эту исторію.

«Крестьяне окрестныхъ селеній, прилежащихъ заводу, каждодневно жалуются на несправедливыя притѣсненія засѣдателя Гостиловскаго въ томъ отношеніи, что онъ запрещаетъ имъ ѣхать на заводъ работать; не пропускаютъ, по его приказанію, въ заводъ съ припасами и фуражемъ, не говоря о тѣхъ деревняхъ съ Ангары, гдѣ былъ падежъ скота; по р.р. же Окѣ и Iѣ, откуда больше и подвозятся въ заводъ припасы, падежа не было. Если изъ завода воспрещенъ вывозъ сѣна и другихъ припасовъ, то это еще имѣетъ смыслъ, хотя

—надо сказать—изъ завода вывозятся только заводскія произведенія, а припасы, напротивъ, только ввозятся.

Но почему возникло распоряженіе не возить въ заводъ припасовъ изъ деревень, гдѣ не было падежа и не позволять народу изъ этихъ мѣстностей ходить въ заводъ на заработки —понять невозможно и поэтому слѣдуетъ предположить, что тутъ существуютъ, неизвѣстно съ какою цѣлью, притѣсненія бѣднымъ крестьянамъ и, вѣроятно, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ заводу.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить обратить свое вниманіе на настоящее обстоятельство, и принять зависящія мѣры къ отмѣнѣ стѣснительныхъ распоряженій г. засѣдателя для желающихъ что нибудь поработать заводу на покрытіе своихъ нуждъ и уплату податей и повинностей, тѣмъ болѣе, что время для работъ въ заводѣ остается очень немного по зимьему пути, и если, такимъ образомъ, этому несправедливому распоряженію не будетъ положенъ конецъ, то крестьяне останутся въ порядочномъ изъянѣ, что, конечно, отразится на ихъ состояніи и заводъ въ то же время потерпитъ убытки отъ недостаточнаго подвоза припасовъ и фуража».

Засѣдатель Гостиловскій въ своемъ донесеніи вскрываетъ интересную подоплеку всей этой шумихи, затѣянной изъ коммерческихъ соображеній заводской администраціей и разными «живодерами».

„На предписаніе, отъ 18, а мною полученное 21 сего января за № 647, имѣю честь донести, что ввозить припасы и ходить въ Николаевскій заводъ для заработковъ я крестьянамъ запрещенія не давалъ и подобнаго распоряженія не только моего, но и высшей власти крестьяне не послушаютъ, а если сами крестьяне не хотятъ этого дѣлать (почему же?), о томъ ихъ самихъ нужно спросить, но, какъ я слышалъ, потому, что отъ заводскихъ заработковъ имъ приходится быть въ долгу; управляющій Глотовъ свое наживное дѣло знаетъ твердо, насильно же заставлять крестьянъ работать для завода, почти даромъ, подъ видомъ выбивки податей и повинностей, какъ это раньше водилось,—я не намѣренъ; вотъ и выходитъ, что Глотовъ, жалѣетъ крестьянъ по своему, подобно, какъ волкъ жеребенка. Это могутъ подтвердить крестьяне, испытавшіе Глотовскую добродѣтель!».

Характеристика Н. Глотова, данная Гостиловскимъ, дѣйствительно подтверждается и многими жителями села Братскаго.

Что же касается мотивовъ, по которымъ засѣдатель запретилъ ввозъ въ заводъ продуктовъ, то онъ въ другомъ донесеніи такъ оправдываетъ свои мѣропріятія.

«Запрещенія на ввозъ въ Николаевскій заводъ продуктовъ не давалъ, но давалъ на вывозъ изъ завода въ сыромъ видѣ кожъ, мяса, ногъ, сѣна, соломы и вообще предметовъ, легко поддающихся воспринятію заразы,—согласно предложенія Акшинскаго ветеринарнаго врача, вынужденнаго къ тому не однажды возвратнымъ появленіемъ въ заводѣ чумы на рогатомъ скотѣ. Но 15 января эта обсерваціонная мѣра снята, и благодаря подобному твердому дѣйствію г. Фортунатова, четырехтысячное количество крестьянскаго скота Окинско-Ішскаго тракта спасено отъ неминуемой гибели, за что крестьяне остались г. Фортунатову весьма довольны и признательны, кромѣ живодеровъ, кулаковъ, которые черезъ это не могли продать своего дохлаго мяса и кожъ, и лишились десятковъ сотъ рублей, даровой наживы».

Этой перепиской и кончилось дѣло о народномъ недовольствѣ...

Красноярскіе Катоны—гг. Крутовскій и Колосовъ.

Періодическія изданія Сибири могутъ быть покойны: на стражѣ чистоты ихъ нравовъ стоятъ «Сибирскія Записки» съ гг. Крутовскимъ и Колосовымъ, этими своеобразными Катонами нашихъ дней.

Какъ уже извѣстно читателю, Красноярскіе Катоны бросили одному изъ журналистовъ упрекъ, какъ это онъ могъ *переступить порогъ «Сибирскаго Архива»*, въ которомъ печатаетъ свои статьи. Попутно, по моему адресу были сдѣланы какіе то непонятные для меня намеки.

Не признавая за собой такихъ проступковъ, которые бы могли опорочить мое доброе имя и издаваемый и редактируемый мной журналъ «Сибирскій Архивъ», я, естественно, и обратился къ гг. Крутовскому и Колосову съ просьбой, чтобы они, въ интересахъ общественныхъ, *расшифровали* на третейскомъ судѣ свои темные намеки; если же ихъ странный выпадъ противъ меня былъ просто *легкомысленной* шалостью пера—го, изъ соображеній самой элементарной вѣжливости, *извинились бы* передо мной.

Наши Катоны и отъ суда уклонились и не извинились.

Выходитъ, что гг. Крутовскій и Колосовъ, властно требуя отъ сибирскихъ писателей соблюденія чистоты литературныхъ нравовъ, сами лично не признаютъ даже азбучной литературной этики.

А. Линьковъ.

Письмо въ редакцію „Сибирской Лѣтописи".

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Прошу не отказать въ напечатаніи на страницахъ редактируемаго Вами журнала слѣдующихъ моихъ строкъ.

Въ № 3 Красноярскаго журнала «Сибирскія Записки» напечатана статья Евгенія Колосова: «Сибирскіе областники о пришлой и краевой интеллигенціи». Отвѣчая Н. Чужаку по существу его статей о сибирскомъ областничествѣ, а главное по поводу довольно неумѣстныхъ выступленій Н. Чужака (на страницахъ газеты «Забайкальское Обозрѣніе») противъ Г. Н. Потанина, Евг. Колосовъ не удержался отъ соблазна укорить Н. Чужака въ личныхъ несовершенствахъ, а заодно съ нимъ обрушиться потокомъ оскорбленій на редактора «Сибирскаго Архива» А. И. Линькова, на самый журналъ и... на всѣхъ сотрудниковъ «Сибирскаго Архива».

Такой способъ полемики мнѣ не понятенъ, какъ не понятенъ и весь инцидентъ, по крайней мѣрѣ, въ теперешнихъ его формахъ. Евгеній Колосовъ взялъ на себя благодарную задачу—оградить Г. Н. Потанина отъ незаслуженныхъ имъ оскорбленій, но зачѣмъ, для чего Колосову потребовалось прибѣгать къ литературнымъ пріемамъ своего противника? Я не понимаю: если Евг. Колосову извѣстно что-нибудь серьезное изъ дѣятельности Линькова—мнѣ ничего не извѣстно,—то объ этомъ не говорятъ «мимоходомъ», не прибѣгаютъ къ эзоповщинѣ. Нужно ясно и опредѣленно раскрыть карты, указать факты, привести доказательства. По поводу этого не шепчутся за угломъ,—объ этомъ говорятъ, кричатъ на всѣхъ улицахъ и площадяхъ. Евгеній Колосовъ серьезный человѣкъ, но онъ не сдѣлалъ этого. Разъ это такъ, то къ его, Колосова, выступленію противъ Линькова, «Сибирскаго Архива» и всѣхъ его сотрудниковъ,—къ выступленію Колосова, повторяю, серьезно отнестись нельзя. Но реагировать на него нужно, протестовать противъ этого настоятельно необходимо.

Въ самомъ дѣлѣ, Евгеній Колосовъ пишетъ, что «не всякій можетъ перешагнуть порогъ «Сибирскаго Архива». Пусть знаетъ Евгеній Колосовъ, что я—сотрудникъ «Сибирскихъ Записокъ» Иванъ Евсенинъ—давно «перешагнулъ» порогъ «Сибирскаго Архива». Но въ чемъ моя вина? «Перешагнуть порогъ» журнала, стоящаго внѣ всяческихъ партій, фракцій и группировокъ,—журнала, не придерживающа-

гося принциповъ литературнаго сектантства, кумовства—развѣ въ этомъ мое преступленіе?

Но наиболѣе тяжелымъ оскорбленіемъ для меня, какъ сотрудника «Сибирскаго Архива», является фраза Евг. Колосова: «г-нъ Чужакъ весьма принципіальный человѣкъ, однако, это не мѣшаетъ ему—какъ мы видѣли—работать бокъ-о-бокъ съ *вполнѣ опредѣленными элементами* (подчеркиваю *я—И. Е.*) нашей «архивной» журналистики». Что хотѣлъ сказать этимъ Евгеній Колосовъ?—врядъ ли кто знаетъ. Но фраза брошена, оскорбленіе сотрудникамъ «Сибирскаго Архива» нанесено. И я, какъ сотрудникъ «Сибирскаго Архива», не могу молчать.

Въ теченіе своей шестилѣтней работы въ сибирской печати я былъ очень разборчивъ по части «принципіальности». Не имѣя громкаго имени, я имѣю доброе, я имѣю честное имя и пачкать его—ни Евгенію Колосову, ни кому другому—никогда не позволю.

Принципіальность, политическая честность...

Позволительно будетъ сказать откровенно, что цѣну ихъ мы знаемъ не хуже Евг. Колосова. Однако пусть не думаетъ Евг. Колосовъ, что я изъ числа единомышленниковъ Н. Чужака. Пусть не думаетъ, что мы съ Н. Чужакомъ солидарны во взглядахъ на областничество. Будучи опредѣленнымъ сторонникомъ идеи областничества, того областничества, основоположниками и лучшими борцами котораго являются Г. Н. Потанинъ, Н. М. Ядринцевъ и А. П. Щаповъ, тѣмъ не менѣе я не могу быть солидарнымъ съ Евг. Колосовымъ.

Инцидентъ между Евг. Колосовымъ и Н. Чужакомъ, въ силу своего особливаго нежелательнаго характера, лишаетъ меня возможности идти въ контактѣ съ тѣмъ или другимъ. Споръ между ними не способствуетъ разрѣшенію жгучаго вопроса сибирской общественной мысли, онъ не ускоряетъ то желанное сближеніе, о необходимости котораго говорятъ и противники областничества.

Онъ сѣетъ лишь вражду, разъединяетъ, распыляетъ и безъ того малочисленныя силы, отвлекаетъ отъ очередныхъ жгучихъ задачъ настоящаго времени. Трактованіе и рѣшеніе принципіальныхъ вопросовъ при помощи ругани и оскорблений—не серьезное занятіе.

Я полагаю, что мои товарищи по «Сибирскимъ Запискамъ» и «Сибирскому Архиву» не безразлично отнесутся къ выступленію Евг. Колосова. Однимъ брошено оскорбленіе фразой: «вполнѣ опредѣленные элементы нашей «архивной» журналистики»,—а если мы дѣйствительно таковые, то для

другихъ не можетъ быть пріятной совмѣстная съ нами работа въ «Сибирскихъ Запискахъ». Ясно, что Евг. Колосовъ поставилъ въ неловкое положеніе обѣ стороны.

Возвращаясь къ оскорбленію, публично нанесенному мнѣ, какъ сотруднику «Сибирскаго Архива», я жду отъ Евг. Колосова соотвѣтствующаго удовлетворенія, сдѣланнаго въ формѣ публичнаго же извиненія.

Октябрь 1916 г. *Иванъ Евсенинъ.*

Иркутскъ.

Замѣтки.

Уходъ изъ «Сибирскихъ Записокъ» В. А. Ватина. Извѣстный сибирскій историкъ Вадимъ Александровичъ Ватинъ, удостоенный Томскимъ университетомъ премін А. Н. Кузнецова за работу «Минусинскій край въ XVIII в.», отказался сотрудничать въ журналѣ «Сибирскія Записки», вслѣдствіе «недостойнаго выпада» гг. Крутовскаго и Колосова противъ нашего журнала—«СибирскійАрхивъ».

Для «Сибирскихъ Записокъ» это, несомнѣнно, крупная потеря.

Небрежное храненіе коллекцій въ Иркутскомъ музеѣ географическаго общества. Въ іюнѣ текущаго года Иркутскій музей географическаго общества посѣтилъ младшій этнографъ Академіи Наукъ Бернгардъ Эдуардовичъ Петри, который пріѣзжалъ въ Сибирь на побережье оз. Байкала для археологическихъ изслѣдованій.

Б. Э. Петри особенно интересовался въ музеѣ каменными рыбами и костяными футлярами для кремневыхъ пилокъ. Иркутскій музей, не въ примѣръ другимъ, можетъ смѣло похвастаться въ этомъ отношеніи: когда-то онъ имѣлъ 7 каменныхъ рыбъ*) и очень много футляровъ для пилокъ неолитическаго періода. Это своего рода богатство, огромный научный капиталъ.

Всѣ 7 каменныхъ рыбъ найдены были въ Глазковскихъ могильникахъ М. П. Овчинниковымъ, и имъ же пожертвованы въ музей. Костяные же футляры для рыбъ найдены и пожертвованы разными лицами: тѣмъ же М. П. Овчинниковымъ, найдены имъ въ Глазковѣ же; затѣмъ—Н. И. Витковскимъ изъ его Китойскихъ находокъ, и наконецъ—учительницей Бѣлоноговой, которая нашла ихъ въ Распутиной

Распутинскіе экземпляры обратили вниманіе г. Петрисце въ 1912 году, когда онъ впервые посѣтилъ Иркутскій музей; они тогда были на щитѣ прибитомъ, надъ дверями въ канцелярію. Бернгардъ Эдуардовичъ былъ прямо пораженъ ихъ прекрасной сохранностью, и объ этомъ тутъ же занесъ въ свою памятную книжку.

Нынче, въ іюнѣ мѣсяцѣ, г. Петри, естественно, пожелалъ увидать интересующіе его Распутинскіе футляры.

Но ихъ на старомъ мѣстѣ не оказалось. Спрашиваютъ консерватора музея г. Богородскаго, гдѣ же находятся эти

*) Сейчасъ имѣется только пять, двѣ куда то исчезли.

футляры. Тотъ отвѣчаетъ, что не знаетъ, но потомъ маленько подумалъ, припомнилъ, очевидно, и говоритъ:

—Нѣтъ ли за печкой?

Пошли.

И дѣйствительно, за печкой, около лѣстницы, лежали *въ безпорядкѣ* всѣ коллекціи по археологіи, бывшія на щитахъ надъ дверями въ канцелярію...

Б. Э. Петри довольно опредѣленно возмущался этими порядками.

Изъ исторіи городскихъ финансовъ Сибири. Одной изъ категорій доходовъ нашего дореформеннаго города являлись промысловые сборы, отличавшіеся необычайнымъ разнообразіемъ. Послѣднее объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сборы эти устанавливались частными постановленіями для каждаго отдѣльнаго города,—постановленіями, вызываемыми мѣстными обстоятельствами и нуждами. Къ промысловымъ сборамъ относились сборы съ транспортныхъ судовъ, съ привозимыхъ, вывозимыхъ или провозимыхъ черезъ городъ товаровъ.

Сюда же нужно отнести и сборы съ проходящихъ черезъ городъ возовъ, о чемъ мы нашли слѣдующія данныя въ дѣлахъ Минусинскаго словеснаго суда*).

Отъ г. генералъ-губернатора Восточной Сибири и командующаго тамъ войсками г. состоящему въ должности Енисейскаго гражданскаго губернатора. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ отношеніемъ, отъ 19 декабря № 2008, сообщилъ мнѣ Высочайшую Его Императорскаго Величества волю относительно сбора съ возовъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ городахъ Восточной Сибири. Препровождая къ вашему превосходительству списокъ съ этого отношенія, я покорнѣйше васъ прошу сдѣлать распоряженіе къ исполненію изложенной въ немъ Высочайшей воли. Генералъ-губернаторъ ген.-лейт. Броневскій. 1837 годъ.

Списокъ съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ ген.-губернатору Восточной Сибири, отъ 19 декабря 1836 г.

По предписанію Государственному Совѣту управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, покойнаго д. т. с. Ланского, объ усиленіи доходовъ уѣзднаго города Тюмени, Тобольской губерніи, утвержденіемъ сбора о проходящихъ черезъ оный возовъ, Государю Императору благоугодно было повелѣть прежде утвержденія сей статьи дохода, собрать

*) Дѣло № 374.

свѣдѣнія, въ какихъ городахъ еще существуютъ подобные сборы.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ требованы были отъ мѣстныхъ начальниковъ означенныя свѣдѣнія и мнѣнія о замѣнѣ сихъ сборовъ другими. Вслѣдствіе чего предмѣстникъ вашего превосходительства сообщилъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что таковые сборы по Восточной Сибири существуютъ въ Иркутскѣ по 1 руб., въ Троицкосавскѣ по 25 коп, въ Ачинскѣ по 10 коп., въ Енисейскѣ по 25 коп.,— съ каждаго воза. По сему дѣлу съ мнѣніемъ моимъ я вносилъ представленіе въ комитетъ гг.. министровъ, на которое Государь Императоръ, по положенію комитета гг.. министровъ, Высочайше утвержденному въ 15 день сего декабря, повелѣть соизволилъ: сборъ, производимый съ возовъ въ Восточной Сибири, допустить въ видѣ временной мѣры, а между тѣмъ открыть во всѣхъ городахъ неотложно комитеты для изысканія возможныхъ и необременительныхъ для жителей источниковъ доходовъ, стараясь всемѣрно, чтобъ въ число сихъ статей не входилъ сборъ съ возовъ; въ случаѣ же необходимости, ввести оный на томъ же основаніи, какъ въ городѣ Перми, установивъ притомъ и сборъ съ постоялыхъ дворовъ, какъ сіе дѣлается во многихъ внутреннихъ городахъ. Впрочемъ, утвержденіе сбора съ возовъ въ городахъ Восточной Сибири на томъ основаніи, какъ сіе допущено уже въ Перми, предоставить генералъ-губернатору, такъ какъ онъ имѣетъ прямую возможность судить о существенной необходимости сей мѣры... Сборъ же съ возовъ въ г. Перми по 25 коп. съ каждаго допущенъ на слѣдующемъ основаніи: означенная плата взимается съ хозяевъ возовъ въ пользу города въ такомъ только случаѣ, когда они добровольно оставляютъ возы свои на сохраненіе въ тамошнемъ гостинномъ дворѣ; впрочемъ, они пользуются совершеннымъ произволомъ располагать сборъ свой и въ другомъ мѣстѣ для себя выгоднѣйшемъ и въ семъ случаѣ въ пользу города не дѣлаютъ уже никакого взноса.

Списокъ съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ къ г. ген.-губернатору Восточной Сибири, отъ 26 мая 1837 г.

Вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія комитета гг. министровъ по дѣлу о допущеніи въ видѣ временной мѣры сбора съ возовъ въ Восточной Сибири, ваше превосходительство ходатайствуетъ о возобновленіи акциза сего въ городахъ Енисейскѣ и Троицкосавскѣ. Усматривая, съ одной стороны, что еще прежде сего состоялось Высочайшее повелѣніе о

предоставленіи назначать сборы съ проходящихъ чрезъ города возовъ по усмотрѣнію мѣстнаго начальства и, съ другой, принимая въ уваженіе, что означенный сборъ въ Троицкосавскѣ предназначался по добровольному согласію торгующихъ на Кяхтѣ для исправленія дороги между Троицкосавскомъ и Кяхтою, необходимой для перевозки товаровъ, и что общество не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ какъ для поддержанія сей дороги, такъ и для прочихъ своихъ расходовъ, я полагаю, согласно ходатайству вашего превосходительства, возстановить повозный сборъ въ означенныхъ городахъ, поставивъ при семъ въ обязанность комитетовъ для уравненія городскихъ повинностей, дабы они при составленіи общихъ положеній о доходахъ и расходахъ городовъ замѣнили сборъ съ возовъ новыми и необременительными источниками доходовъ.

Оригинальная форма брачнаго развода. Трудности, а для бѣдныхъ — почти невозможность добиться законнаго брачнаго развода, повели къ тому, что въ глухихъ уголкахъ Сибири, среди крестьянскаго населенія, появился свой особенный, къ тому же простѣйшій, бракоразводный процессъ. Приводимый здѣсь документъ достаточно говоритъ самъ за себя. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, изъ документа, составленнаго въ одномъ изъ сельскихъ управленій Енисейской губерніи, исключены имена.

«1915 года февраля 18 дня. Я, нижеподписавшаяся крестьянка деревни.... даю настоящую подписку своему законному мужу... въ томъ, что, по добровольному моему согласію, желаю съ нимъ разойтись, т. е. нарушить супружескую связь въ томъ, чтобы какъ я, а также и мой мужъ другъ другу не касаться, а я никакого имущества, кромѣ своего, требовать не буду. Мое имущество заключается въ бѣльѣ, обуви и одеждѣ».

Подпись.

«Въ дѣйствительности сей подписки удостовѣряетъ . . . . . сельское управленіе».

Сельскій староста (печать).

Писарь (*подпись*).

Сообщилъ Вл. Исаевъ.

Буряты о карагассахъ. Карагассы — это нашъ братъ. Раньше буряты не сидѣли на одномъ мѣстѣ, а кочевали. Одинъ бурятъ что-то плохое сдѣлалъ, побоялся своего суда и вмѣстѣ съ женой убѣжалъ неизвѣстно куда. Понемногу прижили дѣтей,

а дѣти эти родили своихъ ребятъ—такъ и пошли карагассы. И до нашихъ дней они все бродяжутъ и никакъ не могутъ осѣсть на одно мѣсто*).

Иванъ Евсенинъ.

А. В. Львовъ и М. М. Холодковскій. На послѣднихъ выборахъ въ члены распорядительнаго комитета Иркутскаго отдѣла географическаго общества забаллотированъ М. М. Холодковскій, а ранѣе этого былъ забаллотированъ и А. В. Львовъ. Оба эти лица нѣсколько лѣтъ подрядъ принимали участіе въ дѣятельности распорядительнаго комитета.

Въ частности, имена г.г. Львова и Холодковскаго тѣсно связаны съ довольно печальными явленіями въ жизни географическаго общества. Они играли выдающуюся роль въ изгнаніи изъ консерваторовъ музея извѣстнаго археолога М. П. Овчинникова и въ назначеніи замѣстителемъ его Н. Н. Богородскаго; они же, совмѣстно съ другими «кампанейцами», настояли на изгнаніи изъ препараторовъ музея цѣннаго работника**) А. И. Кириллова. Наконецъ, г.г. Львовъ и Холодковскій были «героями» извѣстной шумной исторіи «съ увозомъ изъ музея минералогической коллекціи «кубиковъ» для какихъ то изслѣдованій. Въ этой исторіи они, вообще, какъ то странно вели себя: то признавали научное значеніе коллекціи и, въ зависимости отъ этого, собирались производить «изслѣдованія» въ лабораторіи Забайкальской жел. дороги, то, когда возникла исторія, доказывали, что «кубическая коллекція» не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Всѣ эти событія въ свое время глубоко взволновали жизнь географическаго отдѣла, выбили ее изъ нормальнаго русла и повлекли за собой паденіе научной дѣятельности общества.

Изъ бурятскихъ примѣтъ. 1) Собака роетъ во дворѣ яму—къ бѣдѣ: человѣкъ пропадетъ (умретъ).

2) Игра свиней предвѣщаетъ сильный вѣтеръ, бурю.

3) Сѣять озимь въ тотъ день, въ какой было Благовѣщеніе—нельзя: Благовѣщеніе праздникъ тяжелый.

4) Преображеніе—сердитый праздникъ. Въ этотъ день обязательно бываютъ грозы. Работать нельзя.

5) Комета—къ войнѣ.

(Записано въ 1914 г. отъ бурятъ улусовъ Шанай и Кукшинъ, Нижнеуд. у).

И. Евсенинъ.

---

*) Записано въ 1914 г. въ улусѣ Шанай, Нижнеудинскаго уѣзда отъ бурятскаго шамана В. Красикова 73 лѣтъ.

**) См. „Сибир. Архивъ", 1913 г., стр. 347—357.

В. Ватинъ.

Памяти Василія Ивановича Семевскаго.

Тяжелую утрату понесла русская историческая наука въ лицѣ покойнаго ученаго. Цѣлый рядъ свойствъ выдѣляетъ Семевскаго изъ среды русскихъ историковъ: громадная эрудиція, исключительная трудоспособность, горячія симпатіи къ обездоленнымъ массамъ, изученію прошлаго которыхъ были посвящены его труды.

Покойному не пришлось стать университетскимъ преподавателемъ; общія условія русской жизни, лишившія наши оффиціальные храмы науки стольких крупныхъ силъ, помѣшали В. И. быть профессоромъ. Да онъ не походилъ на представителей нашей оффиціальной науки, вся интеллектуальная энергія которыхъ уходитъ на подготовку двухъ, а то и одной, диссертацій, имѣющихъ проложить ихъ авторамъ дорогу къ ученымъ степенямъ и къ каѳедрѣ; ученая дѣятельность покойнаго продолжалась всю его долгую жизнь, вплоть до послѣднихъ лѣтъ, продолжая обогащать русскую исторіографію капитальными изслѣдованіями. Исключительная широта охвата трактуемыхъ вопросовъ, основанная на исчерпывающемъ анализѣ всего доступнаго автору архивнаго и литературнаго матеріала, характеризуетъ историческія работы Семевскаго съ формальной стороны. Содержаніе же трудовъ историка опредѣлялось его демократическими симпатіями, онъ изучалъ быть трудящихся массъ Россіи и судьбы дѣятелей русскаго освобожденія...

Работая надъ общими вопросами, Семевскій удѣлялъ вниманіе и прошлому Сибири. Въ данной замѣткѣ мы хотимъ коснуться вклада сдѣланнаго Семевскимъ и въ изученіе исторіи Сибири. Безъ его трудовъ не можетъ обойтись и до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь сибирскаго прошлаго. Одна изъ первыхъ работъ В. И. «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II», напечатанная въ Русской Старинѣ за 1879 г., содержала въ себѣ драгоцѣнный, извлеченный изъ архивовъ, матеріалъ о положеніи сибирскихъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ; до сихъ поръ она является основнымъ пособіемъ при изученіи вопроса.

Въ статьѣ «Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII вѣка» (Русская Мысль, 1900) покойный разработалъ бытъ приписаннаго къ заводамъ населенія Сибири.

Главной же заслугай Семевскаго передъ сибирской исторіографіей является изданіе монументальнаго изслѣдованія

(около 1500 страницъ) «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ» (С. П. Б., 1898, 2 тома). Этотъ трудъ прошлаго историческаго значенія представляетъ интересъ и для познанія современности, такъ какъ изложеніе доведено въ немъ до 1895 года.

Бытъ занятыхъ на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ пролетаріевъ нашелъ всестороннее отраженіе въ этомъ трудѣ. Послѣдній имѣетъ большое значеніе и для пониманія судебъ молодого сибирскаго рабочаго движенія; какъ извѣстно, золотопромысловые рабочіе шли въ его первыхъ рядахъ. Семевскій не забывалъ Сибири и въ послѣдніе годы своей жизни и дѣятельности. Напечатанная въ 1915 г. въ «Голосѣ Минувшаго» работа «Буташевичъ—Петрашевскій въ Сибири» содержитъ въ себѣ рядъ крайне любопытныхъ данныхъ о положеніи Сибири въ 50—и 60 годахъ прошлаго вѣка.

Перу В. И. принадлежитъ еще замѣтка подъ заглавіемъ «Историческое Обозрѣніе исторіи Сибири И. А. Словцова» въ «Сибирскомъ Сборникѣ», книга III, С. П. Б. 1886.

Добрымъ словомъ помянетъ покойнаго и молодая сибирская исторіографія.

Сибирская библіографія.

Новая книга объ Урянхайскомъ краѣ. Бассейнъ верхняго Енисея усиленно привлекаетъ къ себѣ за послѣднее время вниманіе изслѣдователей. Каждый годъ различными учеными учрежденіями снаряжаются экспедиціи для изученія даннаго района въ естественно-историческомъ и этнографическомъ отношеніи, появляются все новыя печатныя работы, посвященныя изученію края. Намъ уже приходилось отмѣчать работу Ф. Я. Кона «Усинскій край» (Красноярскъ, 1914[1]), въ данной замѣткѣ мы скажемъ нѣсколько словъ о книгѣ Д. Каррутерса: *Невѣдомая Монголія. Томъ I. Урянхайскій край. Петроградъ. 1914.*

Въ 1910—1911 г. авторъ разсматриваемой книги изслѣдовалъ обширный районъ, заключающій въ себѣ малоизвѣстный бассейнъ Верхняго Енисея, Монголію и Джунгарію. Въ 1912 г. королевское географическое общество въ Лондонѣ присудило Каррутерсу за его путешествіе золотую медаль.

Для русскихъ читателей главный интересъ представляетъ изданный переселенческимъ управленіемъ переводъ перваго тома труда Каррутерса, трактующаго главнымъ образомъ объ Урянхайскомъ краѣ, фактически аннектированномъ въ настоящее время Россіей. Особенное значеніе для географа имѣютъ главы, посвященныя описанію сѣверо-восточной части Урянхайскаго края и населяющихъ его оленеводовъ. Эта территорія и бытъ ея жителей до послѣдняго времени были гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ центральная и западная часть бассейна, и поэтому главы, посвященныя этой мѣстности, представляютъ наибольшій интересъ для географа[1]).

Авторъ повторно указываетъ на неполноту имѣющихся у насъ о краѣ свѣдѣній. «Мѣстность, гдѣ беретъ свое начало одна изъ величайшихъ рѣкъ Азіи, Енисей, до сихъ поръ ускользала отъ проницательнаго взора и на нее рѣдко ступала нога пытливаго путешественника. Карты этой страны полны ошибокъ, а нѣкоторыя части ея и вовсе на нихъ не показаны; не было даже попытокъ описанія какъ дикой чащи лѣсовъ, наполняющихъ эти пространства, такъ и своеобразныхъ племенъ, населяющихъ ихъ—боязливыхъ «лѣсныхъ жителей» урян-

---

1) Объ этомъ уголкѣ Урянхайскаго края мы не найдемъ никакихъ свѣдѣній, ни у П. Крылова—Путевыя замѣтки по Урянхайской землѣ. (С.П.Б., 1903. Записки Имп. Русск. Географич. Общества по общей географіи, т. xxxiv, № 2), ни у А. М. Африканова—Урянхайская земля и ея обитатели (Иркутскъ 1890. Извѣстія В. Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Географ. Общества, т. xxi № 5) ни у Вс. Родевича—Очеркъ Урянхайскаго края (С.П.Б. 1910).

хайцевъ». [2]) Передъ географами открывается еще широкое поприще въ дѣлѣ изслѣдованія района, отграниченнаго Саянскими горами и хребтомъ Танну-Ола. Пространства, лежащія здѣсь вдоль главныхъ рѣкъ, извѣстны всего лучше, такъ какъ рѣки способствуютъ легкости транспорта. Полнѣе также извѣстенъ здѣсь степной районъ, нежели густо залѣсенный гористый. Ни одна изъ частей бассейна не была систематически еще нанесена на карту... Для добросовѣстнаго изслѣдователя здѣсь открыто еще широкое поле совершенно нетронутыхъ земель. Въ самомъ сѣверо-восточномъ углу края, лежащемъ еще восточнѣе нашего маршрута по бассейну — въ верховьяхъ рѣкъ Чаисы и Чебаша находится огромное «невѣдомое» пространство.

Равнымъ образомъ верховья рѣкъ Бей-Кема и Ка-Кема также заслуживаютъ посѣщенія, вообще же весь районъ, лежащій между этими рѣками, могъ бы сторицей вознаградить за труды по его изслѣдованію. Согласно нашей работѣ въ Чеданской долинѣ, прилегающей къ хребту Танну—Ола, мы можемъ утверждать, что вся сѣверная половина этого хребта еще вовсе не нанесена на карту» (183—4).

Любопытно, что, по словамъ Каррутерса, опредѣленно намѣченныя на имѣющихся картахъ Урянхайскаго края возвышенности и точно воспроизведенныя теченія «составляютъ плодъ досужаго измышленія» (128).

Очень большой интересъ представляетъ у Каррутерса описаніе туземцевъ—оленеводовъ; «они изъ всѣхъ урянхайцевъ меньше всего подверглись еще всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ и болѣе другихъ своихъ сородичей сохранили своеобразіе и чистоту типа, языка, религіи и образа жизни» (132).

Интересно также объясненіе роли религіозныхъ центровъ въ жизни урянхайцевъ, проливающее свѣтъ на экономическую функцію религіи: туземцы «стекаются къ храмамъ какъ по соображеніямъ религіознаго свойства, такъ и потому, что храмы, въ сущности говоря, представляютъ изъ себя центры для обмѣна и торговли» (205): къ матеріальнымъ отношеніямъ постоянно приходится обращаться при объясненіи религіозной идеологіи; по словамъ Каррутерса, «самой существенной заботой въ жизни скотоводовъ является забота о благополучіи ихъ стадъ; вотъ почему представляется вполнѣ естественнымъ то почтеніе, которое оказывается ими духу-хранителю этихъ стадъ» (269).

Каррутерсъ предвидѣлъ неизбѣжность аннексіи Урянхая Россійской Имперіей. «Въ физическомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ бассейнъ этотъ скорѣе принадлежитъ Россіи, нежели Монголіи, и неизбѣжное завладѣніе этимъ райономъ рано или поздно Сибирью можно легко себѣ представить... Успѣхи Западной торговли должны будутъ постепенно преодолѣть естественныя трудности природной преграды, и дѣло кончится, вѣроятно, тѣмъ, что районъ этотъ, рано или поздно, но войдетъ въ самыя тѣсныя сношенія съ Сибирью» (102-103). По словамъ англійскаго географа, «къ русскому покровительству туземцы относятся здѣсь весьма доброжелательно» (176). Хотя Урянхайцы не вышли еще изъ стадіи кочевого быта, Каррутерсъ отмѣчаетъ въ ихъ средѣ наличность соціальной дифференціаціи и классовыхъ антагонизмовъ. «Богатый угнетаетъ здѣсь бѣдняка и сильный обижаетъ слабаго, а это приводитъ въ концѣ концовъ къ тому, что въ странѣ у населенія постепенно усиливается стремленіе обращать свои взоры все чаще и чаще на Россію, какъ на такую страну, гдѣ царитъ справедливость и порядокъ» (217). Къ сожалѣнію, этимъ утвержденіямъ англійскаго путешественника противорѣчатъ приводимые имъ же немного выше факты о «возмущеніи противъ русскихъ» урянхайцевъ (174).

Всѣ прочія имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя рѣшительно опровергаютъ рисуемую Каррутерсомъ идиллическую картину отношеній между урянхайцами и русскими. См. объ этомъ «Захватъ Урянхая», Минусинскій край, 1914, № 35, и нашу статью «Урянхайскій вопросъ въ 80-годахъ прошлаго вѣка» въ № 7-8 Сибирскаго Студента за 1915 годъ.

Въ противорѣчіи съ утвержденіями автора о положительныхъ послѣдствіяхъ проникновенія русскихъ въ край стоятъ и другіе приводимые имъ факты. Урянхайцы оленеводы, по его словамъ, «представляютъ племя, которое несомнѣнно въ скоромъ времени обречено на исчезновеніе, благодаря частью—внѣдренію въ его предѣлы болѣе сильнаго и болѣе передового народа, а частью, вслѣдствіе возростающаго къ нему ввоза опьяняющихъ напитковъ» (226).

Указываетъ Каррутерсъ и на полную неопредѣленность, юридическаго характера отношеній Россіи и Урянхая. «Намъ такъ и не удалось добиться истинныхъ основъ современнаго положенія русской оффиціальной власти въ предѣлахъ бассейна верхняго Енисея» (175—6). Но отсутствіе опредѣленныхъ правовыхъ нормъ не мѣшаетъ фактической оккупаціи края русскими...

Крайне любопытно, что, какъ отмѣчаетъ Каррутерсъ, деньги не находятъ себѣ примѣненія при обмѣнѣ между русскими торговцами и урянхайцами. Товары вымѣниваются прямо на скотъ, шкуры, маральи рога. «Табакъ, чай, одежда, кухонная утварь (посуда), мѣдь, красная кожа и порохъ замѣняютъ имъ (торговцамъ) деньги, которымъ они не находятъ здѣсь примѣненія» (182).

Любопытна харахтеристика сибиряка, которую даетъ Каррутерсъ. «Они представляютъ изъ себя типъ людей, которыхъ чаще всего можно встрѣтить повсюду въ приграничныхъ мѣстностяхъ: людей рѣзко отличающихся способностью просто, но упорно подчинять себѣ природу и бороться съ ея сложными проявленіями Такихъ же точно качествъ людей можно встрѣтить и въ дѣвственныхъ лѣсахъ Канады и на высокихъ «лугахъ» южной Африки» (84).

Минусинску Каррутерсъ пророчитъ блестящее будущее. «Минусинскъ оказался главнымъ рынкомъ хлѣбопашества и торговымъ центромъ всей, тянущейся отъ него къ югу, округи, заключающей въ себѣ, какъ культивированныя пространства, прилежащія къ городу, такъ и почти нетронутыя еще земли, ожидающія покорно наступленія того благопріятнаго момента для своего развитія, когда здѣсь приступлено будетъ въ широкомъ масштабѣ къ извлеченію минеральныхъ богатствъ, а также къ насажденію коммерческихъ предпріятій» (40—41).

«Въ наши дни присутствіе здѣсь такого счастливо процвѣтающаго города, каковымъ является Минусинскъ,—продолжаетъ Каррутерсъ,—свидѣтельствуетъ о томъ, что этой колоніи, образовавшейся здѣсь на обильной землѣ, обезпечено, повидимому, полное всякихъ возможностей будущее... Минусинскъ и его округъ напоены атмосферой довольства и возможности развитія въ дальнѣйшемъ; чувствуется, что живущіе здѣсь люди—увѣрены въ своемъ завтрашнемъ днѣ» (42).

Не лишены интереса и общія замѣчанія, которыя Каррутерсъ дѣлаетъ относительно Сибири. По его мнѣнію, «Сибирь—это Канада Азіи и ея колонизація имѣетъ великое будущее» (9). Для полноты картины, англійскому путешественнику не мѣшало бы отмѣтить и различіе правовыхъ условій, регулирующихъ жизнь Британской колоніи и нашей окраины и опредѣляющихъ перспективы будущаго... Каррутерсъ, географъ по профессіи, позволяетъ себѣ экскурсія и въ область исторической науки. По его словамъ, «географія—служанка исторіи; эти родственныя науки такъ тѣсно связаны одна съ другой, онѣ настолько взаимно пополня-

ютъ другъ друга, что обычно бываетъ невозможно, говоря объ одной, не затронуть въ то же время и другую» [2]) (32). Но экскурсіи автора въ область исторіи нужно признать мало удачными. Видно, что иностранный ученый мало знакомъ со специфическими условіями историческаго развитія русской общественности. Такъ. напримѣръ. онъ объясняетъ «успѣхъ русской колонизаціи Сибири» тѣмъ обстоятельствомъ, что «единое правительство распростираетъ свою отеческую руку одинаково надъ всѣми своими подданными» (34)...

Цѣлый рядъ сомнѣній возбуждаетъ и другое утвержденіе Каррутерса: «русскіе настолько хорошіе колонизаторы, что подобныхъ имъ трудно встрѣтить гдѣ либо еще въ мірѣ, которымъ, однако, недостаетъ только настойчивости и оригинальности для того, чтобы возвести свою родную страну на первую ступень» (77). Правда, по извѣстному выраженію Ключевскаго, «исторія Россіи есть исторія страны, которая колонизуется», [3]) но исторія Сибири знаетъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ ассимиляціи колонизаторовъ съ туземнымъ населеніемъ, русскіе подпадаютъ вліянію послѣдняго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Сургутъ, Колыма) поголовно вырождаются. [4])

Общія же представленія нашего писателя о ходѣ историческаго процесса и совсѣмъ примитивны. Онъ пишетъ, напримѣръ, что «монголы когда то могли быть величайшей человѣческой силой, которую Провидѣнію угодно было использовать для пробужденія къ новой жизни угасающаго Запада» (317—8). Много нужно смѣлости чтобы въ 20 вѣкѣ воскрешать провиденціалистическую философію исторіи блаженнаго Августина и Боссюета...

Выше приведенныя замѣчанія нисколько не умаляютъ, однако, большой цѣнности и глубокаго интереса, представляемаго трудомъ Каррутерса.

В. А. Ватинъ.

---

[2]) «Природныя условія создали здѣсь политическую ситуацію,—пишетъ Каррутерсъ,—и географія этого района болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что она всегда служитъ основой исторіи» (108).

[3]) Курсъ русской исторіи, часть I, изд. 4, Москва, 1916, 21.

[4]) См Пыпинъ. Русская народность въ Сибири, Вѣстникъ Европы, 1892, январь, 291 сл. В. М. Зензиновъ. Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области, Москва, 1916, 20.

«Сибирскій Пересмѣшникъ», *лит.-худож. и общ.-сатирическій повременникъ. №№ 1—2. 1916 г. Иркутскъ. Изд. „Ирисы“. Цѣна 40 коп.*

Вещь, стоящая „виѣ литературы“, все таки—явленіе литературное: только поэтому говоримъ мы о „Сибирскомъ Пересмѣшникѣ“. Въ концѣ „повременника“ значится подпись редактора—„Дина Стожъ“. Хочется думать, что это, все-же, недоразумѣніе, т. е. что за подписью г-жи Дины Стожъ, полесья не очень грамотной, но вездѣ и всегда искренной и прямой, обдѣлываетъ свои маленькія дѣлишки кто-то другой и, видимо, достаточно ловкій и „тертый“. По крайней мѣрѣ, давно уже намъ не приходилось держать въ рукахъ ничего болѣе пошлаго и непристойнаго. Тутъ и дифирамбы тому или иному начальству, и маленькіе, трусливые выпады противъ недруговъ, и просто, наконецъ, безграмотный хламъ и сплетни, или сентенціи о женщинахъ, достойныя остроумія сутенера. Не вѣрится, чтобы *редакторомъ* всей этой гадости была дѣйствительно женщина. Кстати, въ серединѣ „повременника“ находимъ произведенія нѣсколькихъ скромныхъ, но ничѣмъ себя не скомпрометировавшихъ журнальныхъ работниковъ. Спрашивается, какимъ же обманнымъ путемъ вовлечены они въ это совершенно недвусмысленное изданіе? Будемъ надѣяться, что г-жа Дина Стожъ разрѣшитъ намъ наши недоумѣнія.

Н. Ч.

А. Г. Шлихтеръ. Экономическое положеніе крестьянъ Туруханскаго края. Часть II. *Экономическій анализъ рыбопромысловаго хозяйства по даннымъ статистическаго подворно-бюджетнаго изслѣдованія крестьянскихъ хозяйствъ Туруханскаго края. (Матеріалы по изслѣдованію р. Енисея въ рыбопромысловомъ отношеніи. Выпускъ VIII). Красноярскъ. 1916.*

Авторъ лежащаго передъ нами труда, произведъ лѣтомъ 1912 г., по порученію управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ Енисейской губерніи, экспедиціоннымъ путемъ подворно-бюджетное изслѣдованіе рыбопромысловаго хозяйства крестьянъ Туруханскаго края.

Часть добытаго матеріала—цифровыя данныя—была опубликована авторомъ въ первой части разсматриваемаго труда (Красноярскъ, 1914). Во второй части г. Шлихтеръ даетъ обработку матеріала, печатая въ приложеніи къ своему труду цѣлый рядъ новыхъ цифровыхъ сводокъ.

Разсматриваемая работа рисуетъ передъ нами экономическую жизнь русскаго населенія Туруханскаго края; для полноты картины не хватаетъ только изслѣдованія быта инородцевъ. Но этой задачи авторъ себѣ и не ставилъ. Литература о Туруханскомъ краѣ очень бѣдна*). Книга П. Третьякова — „Туруханскій край" (СПБ, 1873) вышла очень давно, а характерное для современныхъ условій проникновеніе въ Туруханскій край торговаго капитала въ то время еще только намѣчалось. Кромѣ того, въ распоряженіи Третьякова не было статистическаго матеріала. Г. Шлихтеръ всесторонне разработалъ поставленную имъ себѣ тему. Учѣло пользуясь богатымъ цифровымъ матеріаломъ, онъ вскрываетъ доминирующую роль рыбнаго промысла въ быту Туруханскаго крестьянства. Послѣднее успѣло уже разслоиться на разнородныя соціальныя группы, кучкѣ представителей торговаго капитала противостоитъ масса производителей, добывающихъ сырье. Какъ извѣстно, торговый, посредническій капиталъ есть та первоначальная форма, въ которой капиталъ подчиняетъ себѣ области, хозяйственный бытъ коихъ характеризуется господствомъ докапиталистическихъ производственныхъ отношеній. Эту картину мы наблюдаемъ и въ Туруханскомъ краѣ. Залогомъ дальнѣйшаго развитія края является проникновеніе въ него промышленнаго капитала, но торговый капитализмъ пока еще цѣпко держится за свои позиціи.

Значительная часть торговаго капитала, оперирующаго въ Туруханскомъ краѣ, является результатомъ мѣстнаго накопленія. Фабрично-заводская переработка сырья находится еще только въ своей начальной стадіи, интенсификація промысла не соблазняетъ представителей торговаго капитала, получающаго 80% прибыли. Противоположность интересовъ между массой крестьянскаго и инородческаго населенія края и посредниками проявляется въ формѣ кабальной зависимости рыбопромышленниковъ отъ монополистовъ торговаго капитала. Путь къ избавленію населенія отъ эксплоатаціи посредниковъ авторъ видитъ въ кооперативныхъ организаціяхъ мѣстнаго населенія для сбыта сырья и закупки необходимыхъ товаровъ. Вытѣсненіе торговаго капитала кооперативами должно дать толчекъ развитію промышленнаго производства въ краѣ—въ видѣ переработки добываемый рыбы въ консервы.

---

*) Шашковъ въ своей статьѣ «Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи» (Историческіе эпизоды, томъ II. СПБ., 1872, 179. сл.) касается только инородческаго населенія Туруханскаго края.

Жаль, что авторомъ не разработанъ вскользь затронутый имъ вопросъ о господствующей въ мѣстномъ рыбопромысловомъ хозяйствѣ кабальной системѣ. Выясненіе этого явленія имѣло бы большое значеніе въ виду той роли, которую кабала играла въ исторіи Сибири; извѣстно также, что она и до сихъ поръ характеризуетъ бытъ населенія тѣхъ частей Сибири, гдѣ пустилъ корни торговый капиталъ. (См. напр. работу Зензинова «Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области», Москва, 1916).—Интересно сопоставить приводимыя Третьяковымъ данныя о количествѣ скота у русскаго населенія Туруханскаго края съ цыфрами Шлихтера.

	душъ	лошадей	коровъ
Третьяковъ	1516	384	593
Шлихтеръ	3211	1068	1200

Какъ видимъ, количество скота увеличилось пропорціонально росту населенія...

Иркутская губ. центральная библиотека ... каталогъ

199603

Очень интересно замѣчаніе автора о разрушительномъ вліяніи міровой войны и на Туруханскій край, столь далеко отстоящій отъ арены борьбы. «Нынѣшняя война, съ ея неизбѣжными послѣдствіями большаго или меньшаго экономическаго разстройства въ разнообразныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства Россіи, грозитъ особенно тяжелыми послѣдствіями для массы Туруханскихъ промышленниковъ. Въ распоряженіе торговаго капитала, оперирующаго въ Туруханскомъ краѣ, война даетъ новое орудіе дальнѣйшаго усиленія и отягченія кабальный зависимости поставщиковъ сырья» (98—9).

Авторъ указываетъ на необходимость «спеціальнаго статистико-экономическаго обслѣдованія тундровыхъ кочевниковъ на мѣстѣ» для всесторонняго знакомства съ жизнью Туруханскаго края. Будемъ ждать, что въ скоромъ времени онъ подаритъ намъ новую работу на эту тему.

В. Ватинъ.

Состоящіе въ вѣд. Минист. Торг. и Промышл.

КУРСЫ СЧЕТОВОДСТВА Н. Д. ЛИНЬКОВА

Петрогр. ст., Б. Посадская, 3 (близъ Каменноостровск. и Кронверкс. пр.). Тел. 439-55 и 52-24 Трамв. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 12, 15, 21 и 22

На курсы принимаются лица обоего пола не моложе 15 лѣтъ.

На курсахъ преподаются: бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, коммерческая корреспонденція, торговое законовѣдѣніе каллиграфія и письмо на пишущихъ машинахъ.

Бѣднѣйшимъ и лучшимъ изъ учащихся на курсахъ могутъ быть предоставлены стипендіи. *Окончившіе курсы рекомендуются на мѣста.* Подробныя свѣдѣнія и программы выдаются и высылаютя безплатно.

1) Курсы Счетоводства учр. Н. Д. Линьковымъ въ г. Петроградѣ, имѣютъ цѣлью подготовлять слушателей и слушательницъ къ занятіямъ должностей въ торгово промышленныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ.

Ст 61 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 15 апрѣля 1896 г. Положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) Преподаваніе ведется по утверждаемымъ Г. Министромъ Торговли и Промышленности программамъ.

3) Полный курсъ ученія продолжается восемь мѣсяцевъ: съ 15 сентября до 15 мая и съ 15 января до 15 декабря, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій, причемъ занятія на Курсахъ могутъ происходить, какъ въ дневные, такъ и въ вечерніе часы.

Этимъ устанавливается возможность для учащихся выбрать наиболѣе удобное время для занятій на Курсахъ.

4) Прошенія о пріемѣ на Курсы подаются заблаговременно на имя Завѣдующаго Курсами, съ приложеніемъ метрическаго свидѣтельства или засвидѣтельствованной копіи съ него и свидѣтельства о полученномъ образованіи, если поступающій обучался въ какомъ-либо учебномъ заведеніи

5) Плата за полный курсъ 100 руб. *вносится пополугодно.*

Примѣчаніе Съ согласія Учредителя и Завѣдующаго Курсами, для бѣднѣйшихъ и малоимущихъ учащихся плата за полный курсъ можетъ быть понижена до 60 рублей. О желаніи воспользоваться этой льготой необходимо написать въ подаваемомъ г. Завѣдующему прошеніи о поступленіи на Курсы

6) Лица, прослушавшія курсъ, подвергаются испытанію и выдержавшія его получаютъ свидѣтельство за подписью Завѣдующаго Курсами и преподавателей, съ приложеніемъ печати Курсовъ.

Слушателямъ и слушательницамъ, не выдержавшимъ испытаній, предоставляется право безплатно прослушать курсъ вторично.

Курсы содѣйствуютъ бывшимъ слушателямъ и слушательницамъ въ пріисканіи мѣстъ и занятій и съ этой цѣлью сносятся съ банками и другими коммерческими учрежденіями, въ которыхъ могутъ оказаться свободныя вакансіи.

Примѣчаніе. Всѣ окончившіе Курсы получили мѣста и съ успѣхомъ ведутъ порученное имъ дѣло.

8) Канцелярія Курсовъ (Петроград. стор., Б. Посадская, 3) открыта для пріема прошеній и выдачи справокъ ежедневно отъ 10—2 ч. дня и отъ 7—9 ч вечера. Въ это же время можно получать свѣдѣнія и по телеф. 439-55 и 52-24.

Завѣд. Курсами Инспекторъ Петроградской городской торгов школы имени ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО Статскій Совѣтникъ Н. Линьковъ.